

Выпуск 4, 2021

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ISSN 2219-5254

ISSN 2500-2791 (online)

Вестник Ивановского государственного университета

ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Гуманитарные науки»

2021. Вып. 4

Научный журнал

Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Реестровая запись 30 июля 2020 г. ПИ № ФС 77-78823

Журнал включен ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук
(ред. от 22.10.2021 г.)

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

РЕДАКЦИЯ:

- Е. М. Тюленева*, д-р филол. наук (*главный редактор серии*) (Россия, Иваново)
Г. С. Смирнов, д-р филос. наук (*зам. главного редактора*) (Россия, Иваново)
В. М. Тюленев, д-р ист. наук (*зам. главного редактора*) (Россия, Иваново)
О. С. Горелов, д-р филол. наук (*ответственный секретарь*) (Россия, Иваново)
А. Ю. Алексеев, д-р филос. наук (Россия, Москва)
М. В. Белов, д-р ист. наук (Россия, Нижний Новгород)
К. В. Воденко, д-р филос. наук (Россия, Новочеркасск)
Н. Ю. Гвоздецкая, д-р филол. наук (Россия, Москва)
Д. И. Дубровский, д-р филос. наук (Россия, Москва)
А. И. Жеребин, д-р филол. наук (Россия, Санкт-Петербург)
А. А. Житенев, д-р филол. наук (Россия, Воронеж)
Ф. И. Карташкова, д-р филол. наук (Россия, Иваново)
Е. В. Маринова, д-р филос. наук (Болгария, София)
Р. Я. Подоль, д-р филос. наук (Россия, Рязань)
Д. И. Польшанский, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
Ф. А. Селезнев, д-р ист. наук (Россия, Нижний Новгород)
Д. Г. Смирнов, д-р филос. наук (Россия, Иваново)
Ц. Й. Степанов, д-р ист. наук (Болгария, София)
А. А. Федотов, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
В. Н. Финогентов, д-р филос. наук (Россия, Орёл)
З. А. Харитончик, д-р филол. наук (Беларусь, Минск)
Ю. Л. Цветков, д-р филол. наук (Россия, Иваново)
В. Л. Черноперов, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
К. А. Юдин, канд. ист. наук (Россия, Иваново)

Адрес редакции:

153025 Иваново,
ул. Тимирязева, 5, к. 304
e-mail: vestnik.ivgu@mail.ru

Подписной индекс в каталоге
«Пресса России» 41512

Электронная копия журнала размещена
на сайтах www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

ISSN 2219-5254
ISSN 2500-2791 (online)

IVANOV STATE UNIVERSITY BULLETIN

Series «The Humanities»

2021. Issue 4

Scientific journal

Issued since 2000

The journal is registered in the Federal Agency for the Oversight in the Sphere of Communication, Information Technology and Mass Communications.
Registry entry ПИ № ФС 77-78823 of July 30, 2020

The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations
(issued on 22.10.2021)

Founded by Ivanovo State University

EDITION:

- E. M. Tyuleneva*, Doctor of Philology (*Chief Editor of the Series*) (Russia, Ivanovo)
G. S. Smirnov, Doctor of Philosophy (*Vice-Chief Editor*) (Russia, Ivanovo)
V. M. Tyulenev, Doctor of History (*Vice-Chief Editor*) (Russia, Ivanovo)
O. S. Gorelov, Doctor of Philology (*Secretary-in-Chief*) (Russia, Ivanovo)
A. Yu. Alekseev, Doctor of Philosophy (Russia, Moscow)
M. V. Belov, Doctor of History (Russia, Nizhny Novgorod)
K. V. Vodenko, Doctor of Philosophy (Russia, Novocherkassk)
N. Yu. Gvozdetskaya, Doctor of Philology (Russia, Moscow)
D. I. Dubrovsky, Doctor of Philosophy (Russia, Moscow)
A. I. Zherebin, Doctor of Philology (Russia, Saint-Petersburg)
A. A. Zhitenev, Doctor of Philology (Russia, Voronezh)
F. I. Kartashkova, Doctor of Philology (Russia, Ivanovo)
E. V. Marinova, Doctor of Philosophy (Bulgaria, Sofia)
R. Ya. Podol, Doctor of Philosophy (Russia, Ryazan)
D. I. Polyvyanny, Doctor of History (Russia, Ivanovo)
F. A. Seleznev, Doctor of History (Russia, Nizhny Novgorod)
D. G. Smirnov, Doctor of Philosophy (Russia, Ivanovo)
C. Y. Stepanov, Doctor of History (Bulgaria, Sofia)
A. A. Fedotov, Doctor of History (Russia, Ivanovo)
V. N. Finogentov, Doctor of Philosophy (Russia, Orel)
Z. A. Kharitonchik, Doctor of Philology (Belarus, Minsk)
Yu. L. Tsvetkov, Doctor of Philology (Russia, Ivanovo)
V. L. Chernoperov, Doctor of History (Russia, Ivanovo)
K. A. Yudin, Candidate of Science, History (Russia, Ivanovo)

Address of the editorial office:

153025, Ivanovo,
Timiryazew str., 5, office 304
e-mail: vestnik.ivgu@mail.ru

Index of subscription
in the catalogue «Russian Press» 41512
Electronic copy of the journal can be found
on the web-sites www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Филология

Горелов О. С. Поэтологическая аргументация в рэп-баттлах	5
Кучмаренко Л. С. Хронотоп болотного тела и двуголосое слово в рассказе М. Этвуд «Болотный человек»	20
Лукьянова С. М. «Самозванчество» в контексте автопортретирования: «Моцарт и Сальери» А. С. Пушкина	29
Османова К. П. Проблема кризиса языка в «Признании» Артюра Адамова	38
Павлычев В. А. Реализация фотографического принципа в малой прозе Л. Добычина: структурно-семантический аспект	46
Рагасова С., Хуснутдинов А. А. Слова <i>халяль</i> и <i>харам</i> в современной русской речи	52
Тюленева Е. М. Пушкинский код в романе Бориса Дышленко «Созвездие Близнецов»	69

История

Балдин К. Е. Возникновение органов местного общественного самоуправления в городе Иваново-Вознесенске в начале 1870-х гг.	79
Гусева М. А., Комиссаров В. В. Охрана и реконструкция средневековых городов: отечественные реалии и зарубежный опыт	90
Евсеев В. А., Стукманов П. А. Неудачная дипломатическая миссия. Посольство Павла Дзялынского к Елизавете I в 1597 г.	97
Селезнев Ф. А. Кузьма Минин и ранняя история Похвалинской церкви в Нижнем Новгороде	105
Тумаков Д. В. Начало первой чеченской войны 1994—1996 гг. в оценках партии «Демократический выбор России»	111
Юдин К. А. Анатомия «фатальных реформ»: особенности партийно-государственного контроля и управления в СССР (середина 1950-х — начало 1960-х гг.)	118

Философия

Смирнов Г. С., Ветчинин Н. М. Всеобщая цифровизация как глобальная проблема: человек и его цифровое сознание	127
Смирнов Д. Г. Этика ноосферной безопасности: к постановке проблемы	135
Меликян М. А., Смирнов Д. Г. Ипостасные миры ноосферной антропологии: спонтанная дополнительность реальных и идеальных типов	143
Лебедев Н. С. Практики самосознания в социально-эмоционально-этическом образовании: развитие мышления и социальности	153
Татаренко Н. А. Гегелевская диалектика в советской эстетике: концепты и персоналии	161

Сведения об авторах .....

Информация для авторов журнала
«Вестник Ивановского государственного университета» .....

CONTENTS

Philology

Gorelov O. S. Poetological argumentation in rap battles.....	5
Kuchmarenko L. S. The bog body chronotope and double-voiced discourse in M. Atwood's "The bog man"	20
Lukyanova S. M. "Imposture" in the context of self-portraiture: "Mozart and Salieri" by A. S. Pushkin	29
Osmanova K. P. The problem of the language crisis in "The confession" by Arthur Adamov	38
Pavlychev V. A. Realization of the photographic principle in L. Dobychin's short prose: structural and semantic aspect	46
Ragasova S., Khusnutdinov A. A. The terms <i>halal</i> and <i>haram</i> in modern Russian speech	52
Tyuleneva E. M. Pushkin's code in the novel "Constellation of the Twins" by Boris Dyshlenko	69

History

Baldin K. E. The emergence of local public authorities in the city of Ivanovo-Voznesensk in the early 1870s	79
Guseva M. A., Komissarov V. V. Protection and reconstruction of medieval cities: domestic realities and foreign experience	90
Evseev V. A., Stukmanov P. A. A failed diplomatic mission. The embassy of the Pavel Dzialinsky to Elizabeth I in 1597	97
Seleznov F. A. Kuzma Minin and the early history of the Pokhvalinsky Church in Nizhny Novgorod	105
Tumakov D. V. The beginning of the first Chechen war 1994—1996 in the assessment of the party "Democratic choice of Russia"	111
Yudin K. A. Anatomy of «fatal reforms»: features of party-state control and management in the USSR (mid-1950's — early 1960's)	118

Philosophy

Smirnov G. S., Vetchinin N. M. The phenomenon of universal digitalization: human and his digital consciousness	127
Smirnov D. G. Ethics of the noospheric security: statement of the problem	135
Melikyan M. A., Smirnov D. G. The hypostal worlds of noospheric anthropology: spontaneous additionality of real and perfect types	143
Lebedev N. S. Self-consciousness practices in socio-emotion-ethical education: the development of thinking and sociality	153
Tatarenko N. A. Hegelian dialectics in Soviet aesthetics: concepts and personalities	161
<i>Information about the authors</i>	173
<i>Information for the authors of «Ivanovo State University Bulletin»</i>	176

УДК 821.161.1-192
ББК 83.3(2=411.2)63-45
DOI: 10.46726/Н.2021.4.1

О. С. Горелов

ПОЭТОЛОГИЧЕСКАЯ АРГУМЕНТАЦИЯ В РЭП-БАТТЛАХ

Статья предлагает анализ феномена рэп-баттла в его поэтологических проявлениях. Высказывания об авторе/поэте/рэпере и его представлениях о творчестве/поэзии/рэпе, совершаемые в агрессивной, полемической среде, обнажают эстетические и мировоззренческие расхождения в рэп-сообществе и позволяют проблематизировать понимание рэпа как (не)поэзии. В результате исследования поэтологических высказываний было раскрыто важнейшее качество рэп-баттла — дуализм, отраженный и в самом названии феномена, и в способах концептуального и коммуникативного функционирования. Основываются этот дуализм и конститутивная противоречивость на нескольких линиях напряжения — между баттлом и собственно рэпом; между личностной и поэтологической аргументациями — и обуславливаются социально-историческим и культурным происхождением рэпа. Эти черты наследует и баттл, поэтому личное в оскорблениях может иметь как прямое значение, так и поэтологическое метазначение. Амбивалентность, коммуникативные уловки, переворачивание смысла, ирония и эзопов язык объединяются в рамках исследования с помощью теоретической концепции означивания, *signifyin(g)*. Кроме того, в статье выделяются основные направления поэтологической аргументации: «Субъект высказывания», «Рэп и прямая поэтология», «Аудитория», «Тематика», «Рэп и поэзия», «Язык и техника».

Ключевые слова: поэзия, дуализм, означивание, аргументация, личное и поэтологическое.

O. S. Gorelov

POETOLOGICAL ARGUMENTATION IN RAP BATTLES

The article offers an analysis of the rap battle phenomenon in its poetological manifestations. Statements about the author / poet / rapper and his ideas about creation / poetry / rap, made in an aggressive, polemical environment, expose the aesthetic and ideological differences in the rap community and make it possible to problematize the understanding of rap as (not)poetry. As a result of the study of poetological statements, the most important quality of the rap battle was revealed — dualism, reflected in the name of the phenomenon, and in the methods of conceptual and communicative functioning. This dualism and constitutive contradiction are based on several lines of tension — between battle and rap itself; between personal and poetological argumentation; it is due to the socio-historical and cultural origins of rap. Battle inherits these traits, so the personal in insults can have both a direct meaning and a poetological meta-meaning. In the study, ambivalence, communicative

---

© Горелов О. С., 2021

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 19-18-00205 («Поэт и поэзия в постисторическую эпоху»).

This work is supported by the Russian Science Foundation under grant № 19-18-00205 (“Poet and poetry in the post-historical era”).

tricks, reversal of meaning, irony and Aesopian language are combined through the theoretical concept of signifying. In addition, the article highlights the main directions of poetological argumentation: “Subject of utterance”, “Rap and direct poetology”, “Audience”, “Subjects”, “Rap and poetry”, “Language and technique”.

Key words: poetry, dualism, signifying, argumentation, personal and poetological.

Рэп-баттл как исследовательский объект находится в тени феномена рэпа и изучается как параллельное явление. Вместе с тем баттлы демонстрируют личные и эстетические взаимоотношения внутри рэп-сообщества, закладывая предпосылки для программных высказываний о рэп-искусстве и рэп-поэзии. Таким образом, поэтологическая составляющая поединков может быть рассмотрена в качестве референтивной зоны, актуализирующей отношения смежных пространств рэп-культуры. Понимание поэтологической аргументации в агрессивной, функционирующей по спортивному принципу среде может уточнить уже существующие практики рассмотрения поэтико-типологических элементов в рэпе [9; 12], рэпа в контексте поэтической традиции [7], рэпа как поэзии [3].

Аргументация, касающаяся роли исполнителя и его взглядов на творчество, будет определяться нами без помощи новых терминов (скажем, «рэпология» или «рэперология»), поскольку область анализа в своей сути остается поэтологической — автор/поэт/рэпер и представления о творчестве/поэзии/рэпе. Основным материалом исследования стали тексты и выступления 4 классических сезонов рэп-площадки Versus Battle (2013—2019), а также 2 кроссоверов Versus против #SlovoSPB — поединков представителей двух петербургских рэп-площадок.

В самом названии феномена рэп-баттла и в способах его концептуального и коммуникативного функционирования отражено важнейшее качество — *дуализм*. Основывается этот дуализм на двух линиях напряжения — 1) между баттлом и собственно рэпом; 2) между личной и поэтологической аргументациями.

Отношения «баттл — рэп», «поединок — творчество» становятся определяющими для баттл-сферы. Поединок может быть отражением творчества или самодостаточным пространством (некоторые рэперы занимаются только баттлами); единичным опытом или профессиональным делом (некоторые эмси¹ занимаются гострайтингом); рекламой творчества или черным пиаром, способным навредить авторскому проекту (известен случай, когда эмси просит удалить видеозапись баттла с его участием).

Значимость линии напряжения «баттл — рэп» проявляется в характере главного и самого известного противостояния — Оксимирон против Славы КПСС (также известен его псевдоним Гнойный). Первый — это органичное соединение двух начал, успешность на обоих фронтах; второй — это не менее органичное ускользание от какой-либо очевидной идентичности: нельзя сказать, что это исключительно баттл-эмси, не проявляющий свой талант в треках, но и эксперименты Славы КПСС, его проекты (в первую очередь «Антихайп») не представимы без созданного им «при помощи амбивалентной

¹ Автор-исполнитель в рэпе называется эмси или MC (иногда русиф. МЦ); от англ. *Master of Ceremonies*.

иронии и столкновения различных дискурсов» фрондерского баттл-образа, вызывающего «прямые ассоциации с концептуалистской стратегией “мерцания”» [9, с. 24].

По этой линии и возникают поэтологические аргументы успешного эми-си в сторону чистого баттлловика. Так действовал Оксимирон в 3 раунде международного баттла на английском языке с американским баттл-рэпером Дизастером: «You've been rapping all your life and you got no shows, Diz. / And if that is not a punchline, I don't know what is!» («Ты читаешь рэп всю свою жизнь, но концертов так и нет, Диз. / И если *это* не панч, то я не знаю, что такое панч!»); «Bro, you have over a hundred battles and like three tracks?.. / One's a diss, one's a feature and one solo — real facts <...> And yes, Diz, in battles you've clearly been a genius / but how you can ever be with a real complete MC is?» («У тебя более ста баттлов и примерно три трека. / Один дисс, один совместный, один сольный. Реальные факты! <...> И да, Диз, в баттлах ты однозначно всегда был гением, / но как ты можешь стать по-настоящему совершенным эми-си?»); «I'm in the charts and I do battles, that's my personal oath. / So any ladies looking for fellas who into personal growth / don't look for battlers, go get yourself a man that can do both» («Я и в чартах, и в баттлах — это моя личная присяга. / Так что, барышни, ищущие парня, которому важен личностный рост, / не выбирайте баттлловиков, выберите того, кто может и то, и другое»).

Если верно определение баттла как «общедоступного агона» [13], в котором, как и в древнегреческих комедиях, герои не только поносят друг друга, но и спорят о назначении их искусства [8, с. 315], то сама историческая рамка баттла обуславливает дальнейшее *соединение личного и поэтологического*. В рэп-поединках поэтологическое вынужденно проявляется сквозь или через личное, баттл становится успешным, только когда есть личные расхождения или те эстетические, что успели уйти на уровень личного неприятия, в противном случае звучат «вымышленные», искусственные оскорбления, по-настоящему не затрагивающие оппонента и не вызывающие должных чувств у зрителей.

Личные отношения играют важную роль в хип-хоп культуре в целом. Так происходят объединения исполнителей в «семьи», площадки и, напротив, развязываются рэп-войны (бифы), а также артикулируются позиции неприятия, отражающиеся впоследствии в диссах — песнях с высказыванием неуважения другому рэперу. Сильные диссы ценятся порой на уровне «обычных» треков, и в отличие от поэзии, где поэты тоже могли встречать «другого надменной улыбкой» и участвовать в дуэлях, в хип-хоп среде такие отношения не просто возможны, они конститутивны, а значит, *состояние баттла* характерно для рэпа в целом. В некоторых диссах напрямую говорится о баттле как о *modus operandi*: «Реально, друг, сколько ты не прячься, я тебя найду. / Я застрелюсь, когда ты сдохнешь, чтобы бэттлить тебя в аду» (из трека «Battle Rap Made Me Do It» Jubilee и Галата).

Социолингвистические и культурологические исследования рэп-баттлов количественно значительно превосходят литературоведческие [6, с. 63—64], и кажется, что коммуникативная и социологическая составляющие оскорблений объясняют сущностные опоры этого жанра. Однако мы видим и в самой поэтологии принципиальное наличие внутреннего диалога или спора, репрезентацию символической конкуренции авторов, вынужденных находить аргументацию для собственного творчества. Любая манифестация взглядов имеет в виду заочный спор с имплицитным оппонентом.

Так что стихии поэтологии как таковой и хип-хоп культуры структурно похожи, правда баттл, с точки зрения поэтологии, предъявляет принципиально другой уровень потенциальных репутационных потерь. В крайних случаях проигрыш в баттле может означать даже конец творчества или необходимость взять большую паузу для перезагрузки (Johnyboy после поражения от Оксимилона).

Баттл (или его фрагмент), который строится только на личной аргументации, самими эми называется (иногда иронически) «баттлом по фактам». Такой формат может наигранно признаваться неоптимальным, особенно если сами личности эми не известны массам: «баттлы по фактам, / они интересны лишь, когда это Guf — Птаха, Серёга — Drago, Lil Dik — Сява, Галкин — Ноггано. / Факты лишают баттла элемента эртертеймента, / ведь там ни юмора, ни шоу, лишь психологическое подавление оппонента» (4, 13)², — но после этих слов все же происходит переход на личности и начинаются прямые оскорбления. Устойчивость личной аргументации объясняется не только форматом шоу, но и *опасностью поэтологических аргументов*, которые могут пошатнуть позиции эми гораздо сильнее, чем часто притворные ругательства в сторону оппонента («Баттлы по фактам — подарок для любителей врать. / Какая правда? Важно лишь убедительно подать», VXS). Так, Оксимилон в начале баттла с рэпером Дуней зачитывает ставшую знаменитой матерную считалку, после чего комментирует: «Вам не нравится? Недостаточно хорошее скопление мерзости? / Странно, ведь это было краткое содержание 90 % всех выступлений на Versus'e. <...> ...это баттл, и сказав, что его х*й невелик, / что его дама делать куни велит в бурные дни, / я не задену Дуню пулей, пуля — дура, вкури, / я никогда не попаду в то, что у Дуни внутри» (2, 9).

Одну и ту же претензию эми, можно предположить, выскажет по-разному в поединке и в творчестве, в баттле и в диссе, как поэт — в эпиграмме и программной поэме, например. Внутри баттл-сообщества постепенно вырабатываются ответные реакции, актуализирующие в очередной раз линию «баттл — рэп» и создающие общую логику *передразнивания, переворачивания, переинтерпретации*. Социально-историческое (черные районы США, афроамериканский фольклор) и культурное (ситуация постмодерна) происхождение рэпа определяет его *дуализм и конститутивную противоречивость*. Эти черты наследует и баттл, поэтому личное в ругательствах имеет не только прямое значение, но и поэтологическое метазначение, а само выстраивание аргументации оборачивается обезьянничанием: «Мирон на баттле, как рыба в воде, что кверху брюхом, но не утонула. / Ты не перевернул игру, это игра тебя перевернула» (3, 5).

Амбивалентность, коммуникативные уловки, переворачивание смысла, иронию и эзопов язык объединяет концепция *означивания, signifyin(g)*. Она описывает и определяет практику, укорененную в афроамериканской среде, фольклоре и литературе, основанную на игре слов, неразборчивой речи, скрытом оскорблении/комплименте, выказывании уважения через подшучивание, различных удвоениях типа «вопрос-ответ» и повторениях, постоянном

² Баттлы четырех сезонов Versus'a цитируются по ресурсу Vbatle.ru с указанием в круглых скобках номера сезона и номера выпуска, при цитировании кроссовера Versus X #SlovoSPB дается обозначение VXS; тексты баттлов, проходящих в рамках других проектов, взяты с сайта <https://genius.com/artists/Versus-battle> и приводятся с дополнительной корректурой ввиду отсутствия авторизованной письменной фиксации.

использовании языка субкультуры [14, р. 44]. Означивание, изначально связанное с рабской речью, в которой субъект должен высказаться, но не выказывать себя, становится «методом непрямого спора и убеждения, языком подтекста» [10, с. 47]. К практике означивания относится и «игра в дюжины» (the dozens), распространенная в черных сообществах США, где участники соревнуются в оскорблении друг друга и родных. Что важно, оскорбления именно в афроамериканских гетто приобрели «ритуальный характер словесной игры» [16, р. 138], постепенно вырабатывающей ритмические и рифменные правила. Основа рэпа — и в плане поэтологии не так важно, отечественного или американского, — действительно обнаруживается в ритуальных играх, тех же «дюжинах» и «дразнении» [15, р. 24]. Так, означивающая природа оскорблений в баттлах становится более ясной — это «амбивалентная деятельность, сочетающая игру с реальной жизнью; в гетто угроза насилия реальна, в “дюжинах” она скрыта под поверхностью» [16, р. 139]. Безусловно, в общем культурологическом контексте одновременность игрового и серьезного, смешного и оскорбительного точнее можно раскрыть с помощью бахтинской идеи о «карнавальности», приблизив специфический смех в баттле к «амбивалентному славословию» [11, с. 92], однако все же дуализм в рэпе — это специальный предмет исследования, не во всем пересекающийся с понятием о дуализме в культуре в целом или в отечественной интеллектуальной мысли в частности.

В баттле участники могут отступать от практики означивания, отказываться от означивания как от тропа, однако мы полагаем, что *если в рэпе signifyin(g) — это действительно троп, то в баттлах signifyin(g) — это в первую очередь структурный принцип*. Повышенная концентрация именно signifyin(g)-тропов наблюдается в особом варианте рэп-поединков — в комплиментарных баттлах. Роль панча — удачного словесного выпада, содержащего едкий и неожиданный упрек в адрес оппонента, основной структурной единицы баттлов — в этом формате играют комплименты, которые вместе с тем должны содержать сарказм, иронию или трансгрессивную абсурдность: «Я привык быть с грозным лицом в кадре: / напор, ярость, из зрачков пламя, — / но это мой товарищ. / Надеюсь, ты готов, парень, / что сегодня тебя *похвалят*» (4, 11, финальное слово еще и обыгрывает псевдоним говорящего — МЦ Похоронил); «Сказать, что ты первый по трекам, мне кто запретит? / Раз у тебя нет альбома, то твой альбом впереди!» (4, 11). Signifyin(g)-панч из последнего примера, хоть и позитивно окрашен, строится на том же поэтологическом аргументе, что использовал Оксимирон с Дизастером. Само существование таких означивающих поединков способно менять восприятие традиционного рэп-дискурса, в частности, жанр диссов может теперь растолковываться как свидетельство не вражды между рэперами, а скрытой зависимости друг от друга: так, после дисса Славы КПСС, вышедшего осенью 2021 года и обращенного к прервавшему долгое молчание Оксимирону, в комментариях к видео на YouTube повторялся один тезис: «Гнойный — Джокер, и он рад возвращению Бэтмена, потому что без него скучно. Вы можете подумать, что это дисс, но на самом деле это ода о любви».

Означивание как структурный принцип противоречия заметно влияет на характер и направленность поэтологических высказываний в баттлах. Высмеиванию одновременно подвергаются и искренность, и масочность; и эрудиция, и глупость; и узнаваемость/успешность, и безызвестность/непопулярность; и перемена позиции как беспринципность, и приверженность

определенным ценностям как зашоренность; и коверкание языка, неясность произношения, и отсутствие запоминающейся манеры чтения; в баттлах любят ловить друг друга на плагиате, но возможно это потому, что рэп в целом строится на вторичном использовании музыкального и ритмического материала. Такая противоречивость и сводит поэтологию к среднему, давая шанс личностной аргументации вырваться вперед. Если в творчестве нужно выходить за рамки нормы, в баттле неизменно за эти выходы придет ответ, так что поэтологические идеи проводятся здесь в полемическом ключе по принципу «лучшая оборона — это нападение».

Удвоение как черта означивания не теряет актуальности даже на формальном уровне. Так, в баттл-рэпе особый статус приобрели двойные рифмы, демонстрирующие мастерство эмси, но и указывающие на формализованность техники баттла. МС Эрнесто Заткнитесь в баттле с Гнойным (VXS) в своем 3 раунде проводит аналогию между баттлом и футбольным матчем («Спартак» из Орехова-Зуева против «Зенита»): «Сами играть не умеем, за год ничего не забили, / но “Зенит” проданся и х*ево подают угловые. / Вот у нас угловые — они, понимаешь, как бы двойные, / а у них угловые — бл*ть, ну очень простые». Этот панчлайн был отмечен аплодисментами самого оппонента, что показывает значимость метааргументации для всех участников баттлов, ведь она говорит о развитии и усложнении жанра: все критерии постепенно деконструируются, десакрализируются, заставляя баттл-эмси искать новые ходы и темы. Впрочем, на сегодняшний момент баттл по-прежнему остается формульным жанром, возможно, это просто еще одно удвоение — постоянная пересборка как штамп, самодостаточное перемальвание косточек.

Наконец, еще одно стремление означивания — затемнить содержание и сделать его понятным только для своих — в полной мере, хотя и по-разному от сезона к сезону, реализуется в баттлах. В первых выпусках *Versus*'а большинство рэперов были неизвестны не только широкой аудитории, но и зачастую друг другу, поэтому поэтологические аргументы приводились самые общие. Затем начинают появляться баттлы между эмси с близкими отношениями, и личностная аргументация в полном объеме оказывается ясной только им самим (2, 1). Наконец, в последних сезонах *Versus* превращается в своего рода сериал, где почти за каждым эмси стоит та или иная площадка, у каждого эмси есть свои истории дружбы и вражды, и уже по этой причине язык рэп-поединка оказывается непрозрачным для непосвященных, сложность восприятия объясняется необходимостью считывать все внутренние отсылки.

С учетом высказанных базовых положений выделим и проанализируем основные направления поэтологической аргументации, а именно «Субъект высказывания», «Рэп и прямая поэтология», «Аудитория», «Тематика», «Рэп и поэзия», «Язык и техника».

1. *Субъект высказывания*. Рэп-дискурс в целом эгоцентричен, базовые концепты афроамериканского рэпа за частными исключениями актуальны и для отечественного и относятся в первую очередь к субъектно-субъектной плоскости: избранность, преступность, дружба, мобильность, религиозность [1, с. 2—3]. Если группы «избранность», «дружба», «мобильность» стали частью осознанной позиции многих русскоязычных рэперов, то группы «преступность» и «религиозность» чаще актуализируются по ассимиляционной инерции в качестве обязательных для дискурса топосов.

Баттл, в свою очередь, вносит элемент двойственности во все категории. И без того актуальное для хип-хоп культуры использование псевдонимов,

артистических масок, в баттл-среде получает дополнительные значения. Обычно псевдонимами обозначаются разные проекты исполнителя, но его биографический и экзистенциальный субстрат, как правило, остается неизменным, а в баттлах может быть выгодна двойственность и субъектная неуловимость, недостижимость для нападков оппонента. В самом первом баттле в истории Versus'a Никита Легостев, выступающий под псевдонимом St1m, появился на баттл под именем Billy Milligan, желая получить некоторый иммунитет: «Твои заготовки не про Milligan'a, а про St1m'a, / а путать нас двоих абсолютно не простимо. / Я неопознанный читающий объект. / Если музыка — твой хлеб, тогда я тебя объем» (1, 1).

Дуализм баттл-стихии, тем не менее, допускает и обратную логику, по которой тотальным контраргументом признается искренность рэпера: «Это тем, которые так любят рэп с гнусавым матом. / Это тот, которого понять не хватает ума там. <...> Это там поймут всегда, где живут каждым днем. / Это без кликухи, погоняла, это Лоик Артем» (2, 4); «Ты не хардкор, ты сыграл эту роль, но настоящий хардкор — это не бояться остаться собой. / Жевал сопли под старым ником, потом взял образ опасного типа, / понял, что маску лучше хавает пипл, / переобулся, затанцевал и запрыгал» (4, 10); «Кто у нас здесь: Слава Гнойный, он же Слава КПСС, пискля высоченный. / Знаете, почему он зовется КПСС? В него тоже входили члены. <...> Ты любишь грайм, но стесняешься называть себя грайм-артистом, / потому он выкладывает свой грайм под ником «Соня Мармеладова», / типа “как бы зацените, но в то же время всерьез воспринимать это не надо”. / Умно, не правда ли?» (VXS).

Категория искренности в рэп-баттле значима еще и потому, что создает антитезу означиванию — то необходимое удваивающее отражение самого signifyin(g). Создается ситуация для бесконечного блуждания в аргументациях, типа «ты поешь, что искренний, но не можешь ответить за свои слова (но ведь сам формат баттла запрещает отвечать на слова физическим насилием), значит, ты лжешь». Именно баттл ставит дискурс выше искренности, разоблачает «искренность» как эстетический, а не этический конструкт, но в отличие от постструктуралистской деконструкции означивание в рэп-поединках способно и реабилитировать нарратив искренности.

Субъект высказывания в поэтологической аргументации баттлов должен быть органичным, его творчество должно вырастать из жизненного и телесного опыта рэпера: «Чтобы тебе так зачитать, это надо, чтобы нас поменяли телами» (1, 1); «Когда нет бита, я рифмую под биение сердца» (1, 6)³; «Я — уникальный кот (обыгрывается псевдоним Meowizzu. — О. Г.), зови меня белым тигром. / Я — уникальный рэпер: единственный с нервным тиком» (1, 4); «Кто-то читает как Окси, другой косит под Топора. / Я объясню, в чем ваш косяк. / Чтоб быть как Гарри, нужно заниматься спортом / и при этом быть настоящим патриотом. / Чтоб быть как Окси, нужно закончить Оксфорд, / много читать, бухать, размышлять над тем, что происходит в мире, / и так про это зарифмовать, чтоб люди в поисках смысла словари открыли. / Будь собой...» (2, 6). Такая привязка к романтическому и неоромантическому виду поэтологии может объясняться и типологически, и, в частных случаях, генетически.

Органичность, опора на личный опыт в рэпе формализуется, то есть появляется четкое представление, каким должен быть этот «личный опыт»:

³ В традиционном виде баттлов нет музыкального и ритмического сопровождения (битов).

рэпер должен происходить из самых низов, расти в неблагополучных районах, читать рэп о своей улице, своем районе или городке; почти мемом в самих баттлах стало требование «уличности» читаемого рэпа (4, 4). В международных баттлах категории улицы/квартала могут заменяться на категории нации/народа: «We don't understand political correctness, right? / The shit you say in battle rap, we say in actual life» («Мы не знаем, что такое политкорректность, понимаешь? / Но то, что вы говорите на баттлах, мы говорим в обычной жизни [в повседневности]») (2 раунд Оксимилона против Дизастера).

Жизнетворчество, тождество субъекта высказывания и реального автора были изначальными установками в русскоязычном рэпе [4, с. 66], и они не могут быть полностью деконструированы в баттлах, что заставляет эмси прибегать к означиванию и превращать свои недостатки в достоинства: «Твои два раунда против меня — браво, чувак, это был потрясающий текст, / но читая про мое прошлое, ты лишь подтверждаешь, что у меня оно есть. / Во мне легко найти изъяны. В отличие от тебя я человек: / я состою из неудач и побед, ты — из панчлайнов и схем» (4, 10); «Он реально до баттла в боксерских перчатках в спортзале заснял фотосет. / Я *бать обосрался. Ты взял с собой капу? Я-то думал, что баттл — эссе, / где ты деконструируешь образ врага, всё, чтобы перехитрить, на*бать его. / Мне не надо качаться и фоткать себя, чтобы попросту быть обаятельным. <...> Все давно научились читать, все давно научились панчить, / однотипно шутить, слоги в рифме считать, дабл-таймить и байтить Tech N9ne'a. / И ты вроде был самый успешный из них, но вы все одну вещь позабыли: / дело не в количестве панчей, не в качестве рифм — дело в личности, что за ними» (3, 1).

2. *Рэп и прямая поэтология.* К этой линии аргументов относятся все развернутые или общие упоминания своего или чужого рэпа. Проходными и многочисленными являются отрицания чужого творчества в целом: «твой рэп — это фикция» (1, 1); «Какой «вечный жид»? Ты вечный нелепейший фрикер. / Как твой прежний ник, все твои достижения — миф» (1, 3); «Добро пожаловать в отставку с этого дня. / У тебя болт во рту, и рэп твой — болтовня» (2, 2). Со второго сезона начинается переосмысление самого формата рэп-баттлов с точки зрения поэтологии. Блогер Ю. Хованский, один из судей баттлов, сказал после одного из выпусков (2, 4), что баттл «не битва шоуменов, а битва рэперов и людей, которые любят рэп как искусство», а рэпер Брол перед своим поединком (2, 6) напрямую заявил, что начал рассматривать Versus как площадку для высказываний о рэпе, поэтому выбор оппонента уже не столь важен; сам поединок стал поводом для метарефлексии. Самым плотным по поэтологии противостоянием третьего сезона можно назвать баттл Оксимилона против ST (3, 5), в котором поэтологическая аргументация раскрыла свои суггестивные возможности, что видно по реакции аудитории: когда звучала сущностная критика чужого творчества, слушатели напряженно следили за ней и молчали, когда возвращалась привычная личностная аргументация или даже общая поэтологическая — начинали проявлять эмоции: смеяться, возмущаться, недоумевать.

Рэп-поединки начали возникать на улицах и в интернете как развлечение хип-хоп любителей, однако стремительно институализировались и стали функционировать по принципу спорта. Получает распространение идея жертвенного и серьезного отношения к баттлу, а по цепочке — служения рэпу, без которого нельзя добиться результата. Баттлы требуют концентрации сил и памяти, хотя бы кратковременного отказа от алкоголя и наркотиков.

И если образ плохого парня может быть актуальным в рэп-творчестве, в баттле он может трактоваться как симптом болезни и заката некой рэп-легенды (3, 1; 4, 1).

Основными конструктами прямой рэп-поэтологии являются *оригинальность* творчества и его *востребованность*. Засилие продюсерского, коммерческого рэпа, распространение технологий байтинга (заимствования) и открытой покупки битов трансформируется в баттл-упреки в плагиате: «Если вы — уличные псы, то нужен вам кинолог. / Ты свежий MC? Нет, ты байтер Obe 1 Kanobe» (1, 2); «Если ты когда-нибудь предложишь слог альтернативный, / потому что стыдно в 27 лет жить чужою парадигмой, / то на собственном пути станешь героем нарратива, / а пока ты просто то, что моя жопа породила» (VXS); «Мое творчество — целый продукт, твое — ссанный огрызок. / Ты, кстати, в курсе, что топчешь поляну Дениса? / И в ближайшее время он тебя порадует иском и будет неб*льски прав. / Вы только вдумайтесь, байтер засудит байтера за нарушение байтерских прав» (2, 4). Разумеется, чаще всего на *versus*-овских баттлах звучат упреки в подражании Оксимирону, что открывает возможность самому рэперу обыгрывать это в своих раундах: «Дуня, каждый, кто здесь желал тебе победы, правда не лгал, / но они хотят, не чтобы ты выиграл, а я проиграл. / Я даже знаю, почему. Я просто вас за*бал, / я сейчас рифмую косо, лишь бы не косить под себя» (2, 9). А апогеем означивающего эгоцентризма Оксимирона стал баттл с Johnnyboy'ем, прервавший карьеру последнего:

Там⁴ хоть бой ветеранов и как-никак уважение.
Здесь — его ведь ни грамма, ты сраное отражение,
я здесь, чтобы поржали на пару с пренебрежением.
Он ко мне с обожанием... подражанием... но отторжением!
Кто ты, что назойливо мне тут глаза мозолит?
Мой вскормленный Григорием Зориным⁵ попсовый сперматозоид?
Клянчил фит, после вызвал на баттл — вот уж «Метаморфозы» Овидия,
но единственным местом, где наши имена будут стоять относительно тесно,
станет название этого снафф-видео.
Я тобой пообедаю. Тебе быть удобрением.
Ты здесь не за победою, а за моим одобрением (3, 1).

Но и эта линия аргументации не означает складывания системы ценностей: заимствовать и даже воровать чьи-то биты или семплы в рэп-культуре считается относительной нормой. Формат баттла требует только точно оформить свою аргументацию: «Для него Эминем — потолок, эталон, этот Стэн любит красть просто явно. / Для меня весь хип-хоп — каталог. Итого: я бы мог воровать постоянно» (3, 1).

Коммерческая успешность и амбиции в рэпе столь же двойственно используются для поэтологических упреков в адрес оппонента: разбогатеть или подписать выгодный контракт, появиться на телевизоре и спеть вместе с поп-звездой так же плохо и «зашкварно», как и упустить этот шанс. Чаще остальных эту тему развивает Гарри Топор, и если в баттле с известным за пределами рэп-среды Noize MC он подчеркивает статусную разницу и упрекает в успешности оппонента («Он говорил, что будет без подготовки, ведь Ваня — это король во фристайле. / Тебя любят люди, но тебя не поймали, когда ты со сцены делал stage diving. / Ты же звезда, я простой пацан — вот разница

⁴ Речь идет о двух предыдущих баттлах.

⁵ Григорий Зорин — музыкальный продюсер.

между нами. <...> Гарри ведет себя очень дерзко плюс немного даже нагло-вато / против ванильного MC с песнями радиоформатного ватоката» (1, 13)), то в баттле с Obe 1 Kanobe (4, 4) в 3 раунде Гарри Топор ставит в упрек непопулярность оппонента и даже использует реквизит (магнитную доску), чтобы показать плохую статистику посещаемости и лайков в его соцсетях.

В целом тема продажности звучит в контексте баттлов противоречиво. С одной стороны, практически все участники находятся в одном сегменте рэп-андеграунда, и почти никто из них не добился широкого признания и не закладывал в рэп установку на коммерческий успех; с другой стороны, в отличие от того же рока «рэп уже на стадии своего зарождения явно испытывает тяготение к эстрадной, массовой песне и массовой культуре» [7, с. 5]. Только когда сами баттлы приобрели популярность в обществе (3-4 сезоны, 2016—17 гг.), проблема смогла выйти на новый метауровень: «Это не панчи и скиллсы против важного смысла. / Для меня баттлы — жизнь, а для тебя это бизнес, / ведь ты продаешь билеты на концерт из-за хайпа после баттлов. / И не делай вид, что нет, это правда» (3, 5). Эти же линии питают и ключевое баттл-противостояние Славы КПСС с Оксимионом: главный антипод упрекает рэп-героя в эгоизме и тщеславии, и ему действительно уже есть, что предьявить: «Отбросил друга быстрее, чем шаурму гангстер. / Я б не доверил тебе спину, словно ты пьяный тату-мастер. / И все это ради зрелища стадионов и гудящих толп?.. / Для эго твоего размера “Олимпийский” — подходящий гроб!» (VXS). Стратегия Славы КПСС не свободна от предзаданности, ведь и он всего лишь занимает нишу — нишу низвергателя кумиров: «Я читаю не чтобы стать знаменитым, / а чтобы опускать именитых, / снять скальп в этой битве — / и насрать на софиты» (баттл против R.S'ONE); «И ты прав, дружок, все приколы. / В этой грайм-игре моя ставка — честь. / Да, ты прав, дружок, против — хайпожор, / ведь я пожираю тех, у кого он есть» (баттл против Riskey F; при этом здесь переворачивается значение слова «хайпожор», которым изначально называют людей, гонящихся за хайпом, громким, пусть и коротким успехом вопреки принципам).

Слава КПСС, как и Оксимион, поэтологичен в своих баттлах, но является негативную версию поэтологии. Напротив, Оксимион делает ставку на позитивную прямую поэтологию, которая даже отодвигает на задний план личностную аргументацию: «Вот почему нету к тебе уважения: / твое к игре отношение / не спортивнее, чем наше с тобой телосложение» (1, 3). Иерархия аргументов/ценностей переворачивается, рэпер готов признать свои недостатки, признать превосходство оппонента, но не в том, что касается собственно рэпа/поэзии.

3. *Аудитория.* Деликатной, но вместе с тем при должном подходе перспективной в прагматическом аспекте является тема аудитории. Этнос рэпа отражается в слушателях, их социальные, интеллектуальные характеристики говорят оппоненту о рэпе порой больше, чем прямая поэтология: «твой рэп репитят мажоры и нарики» (1, 1); «Чем ты научишься читать, / есть больше вероятность излечить вич с оспой. / Я, кстати, предпочел бы эти вирусы твоему рэпу, / ведь его последствия страшнее — паралич мозга» (1,8). Переворачивание темы встречается еще чаще: «моих треков ты закачал гигабайты» (1, 1); «Ты мой фанат, ты как Царь — я с тобой бэттлю за футболку» (1, 2); «Мой новый альбом называется “Бог”, можешь начинать алтарь строить. / В рэп-игре ты карлик, моему рэпу ты сосешь стоя» (1, 5).

Резкое изменение прагматики высказывания и целевой аудитории, в частности, из-за угроз и насилия во время бифов критикуется как личная непоследовательность, трусость и предательство аудитории: «И у тебя правда была непростая задача: “Дано: по *бальнику” (речь о пощечине, которую дал D. Masta рэперу Jubilee. — О. Г.). / И ты из грозного баттлера становишься паинькой, / так что больше нет варика из себя жесткого парня корчить на камеру, / но для Никиты задача очень просто решается, в два действия: / перестаем делать ставку на чуваков из падигов, / делаем ставку на тех, кто любит сладеньких. / И всё, работаем дальше, Мавроди в ах*е, / наш петушочек сразу не боевой, а сахарный» (4, 12).

В принципиальных противостояниях возможен даже показательный конфликт с чужой аудиторией, отказ от потенциальных слушателей из числа поклонников оппонента: «Я хочу обратиться к его целевой аудитории. / Ты так любишь сказки про пони, не знаешь пока о тампоне / и дома, когда никого нет, болеешь на баттлах за Джонни. / И если я вынесу Джонни, останься поклонницей Джонни. / И так уже сотни тупых мокрощелок, как ты, меня в Инсте фолловят, сука. / Смотри: бро (показывает на оппонента. — О. Г.) — не бро (показывает на себя. — О. Г.)» (3, 1); «Я хочу поговорить... обратиться к твоим фанам, / поговорить, как Сара с Мойшей: / если между ним и Хованом, / разницы нет, то зачем таки платить больше?» (3, 5).

4. *Тематика.* По этой линии девальвируется значимость проблем, которые оппонент поднимает в своих треках, а проявленная специфика тематики используется против него: чувственность или маскулинность человека/мира (4, 12), политизированность или конформность высказывания (1, 13), оригинальность или тривиальность конфликта (3, 5) и т. д. Такие поэтологические претензии часто вырастают из личностной характеристики, внешний вид или поступки рэпера как гражданина приводят к утрированию тематико-идейных интересов: Гарри Топора и Сашу Скул обвиняют в национализме за внешний вид, Noize MC — в либеральности за участие в протестах, Jubilee — в гипертolerантности («возможно, повлияло, что часто тебя называли терпилой» (4, 10)).

Критика содержания рэпа оппонента в целом не так активно используется в баттле, в отличие от разбора стратегии продвижения творчества (говоря языком науки о литературе, спор происходит не на уровне поэтики и обсуждений места в литературном процессе, а на уровне литературной жизни) — кто с кем записал фит, кто с кем баттлится раньше, кто с каким лейблом заключил контракт. Несмотря на то, что рэперы в 3 и 4 сезонах начинают внутри раундов делать программные заявления, уделять особое внимание чужой тематике и поэтике не рискуют, поскольку это может создать впечатление заинтересованности и погруженности в чужое творчество. Так происходит несовпадение рэпа и баттла на тематическом уровне. Это легко увидеть благодаря данным статьи «Что скрывает русский рэп? Тематическое моделирование текстов русскоязычной хип-хоп сцены» А. Е. Бойченко и С. В. Жучковой, в которой представлен анализ значительного корпуса рэп-текстов, с помощью модели аддитивной регуляризации BigARTM проводится тематическое моделирование, в результате которого выделяются 17 основных тем русского рэпа [2, с. 142—145]. Если сопоставить эти результаты с нашими наблюдениями, увидим, что баттл активизирует радикальные, крайние позиции — самые популярные темы («Поиск и “становление” себя», а также «(Несчастливая) любовь», в терминологии указанной статьи) и самые редкие («Мат», «Разборки», «Рэперские атрибуты»,

«Размышления о родине», «Успех»). В этой статье также были сопоставлены нарративы Басты, Тимати и Оксимилона, и именно для последнего темы мата и оскорблений оказываются наиболее актуальными, что возвращает к вопросу о том, насколько все же опыт баттлов может влиять на конкретную поэтику.

5. *Рэп и поэзия*. Апелляция к литературному авторитету в ранних баттлах работает на субъекта высказывания, и здесь мы возвращаемся к первому пункту — рэпер должен возвысить себя над оппонентом: «Я вдохновляюсь только Гоголем и Достоевским, / пока ты на стройке синий тянешься до стамески» (1, 2); «У меня “Блок” — и первая мысль: литературный гений. / У тебя “блок” — и первая мысль: у кого бы сигу стрельнуть» (2, 4); «Говоришь, не рэпер я, теперь это звучит похвально. / Где стих, который нес идею, расскажи мне, рэпер?» (там же). Аналогии с поэзией звучат довольно прямолинейно и нравоучительно, вызывая иронический ответ, включающий Поэзию уже как контраргумент в контексте рэпа: «Ты думаешь, ты знаешь хип-хоп? Нет! / Ты унижаешь его, а твой рэп это не рэп — сборник бездарных стихов» (1, 9).

Рэпер ST неизменно читает текст на баттлах в поэтической манере и позиционирует себя как поэта, не отказываясь от хип-хоп эстетики. Образ ST как рэп-поэта стал внутри баттлов мемом и используется для того, чтобы предостеречь оппонента, стремящегося в баттл-рэпе продемонстрировать поэтическую технику: «Он постоянно орет, что поэт современности. / Тебя что, укусил ST?» (3, 7); «И он еще называет себя поэтом... / Крученных был поэт. Не знаю, бл*ть, Саша ST был поэт... / А ты просто мудака, который знает пару омонимов, / убого свяжет их рифмой, разбавит все речитативчиком. / Но если бы Маяковский был жив, он бы оставил тебя в подписчиках» (VXS).

Наконец, сама общепоэтическая просодия и риторика используются пародийно, снижая «поэтический» пафос на баттле:

Говно-вопрос. Я тоже не *баться поэт, я тоже могу, как и ты, читать стихи и выдавать их за рэп. Смотри.

Перед нами картина маслом, вызывать бы ей гордость Репина, —
нарисованный черной, белой и красной краской собирательный образ рэпера.
Как подчеркнуты верно контуры у фигуры, тютелька в тютельку,
мешковатая, допотопная субкультурная атрибутика.

Не хватает мяча для баскета, шапки Опух, бутылки с дыркой,
псов бойцовских, баллона с краскою.

Он как будто зачат в пробирке был —
собирательный образ рэпера

образца эдак 95-го, глуповатого и нелепого, но по сути родного брата нам (3, 5).

В целом, в рэп-творчестве многих эмси упоминаний поэтических и литературных имен гораздо больше⁶, чем в баттлах. В баттл-контексте рэперу оказывается выгоднее подчеркнуть разницу между рэпом и поэзией, отказаться от титула поэта:

Я третьесортный поэт, но зато первосортный MC.

Ты не то и не сё, лучше бы ты вдохновлялся Backstreet Boys и N Sync,
а не Geto Boys и Jay-Z. И теперь позвольте спросить,

⁶ В 2019 году компании «Билайн» и «Яндекс» разработали специальную нейросеть, которая проанализировала аллюзии на поэтические и литературные тексты и феномены в рэп-хитах. На ее основе была создана интерактивная карта: <https://yandex.ru/promo/gigi-za-mozgi>

какой может быть внутренний конфликт у этого человека:
 подобрать ли ему сегодня кроссы под цвет снепбека?
 Поэту неловко поэтом себя называть, он застенчив и робок,
 а если он преодолет себя, то вы*бистый, вечный ребенок.
 Поэту нередко х*ево, его дух оголенный, как провод.
 Ты — самодовольный, спокойный, радостный, обыкновенный у*бок.

<...>

Труд у поэта сакрален, люди видят, и не на*бать их.
 Ты действительно обаятельный, но любитель и обыватель.
 Ты не хочешь ходить по краю, где не пахано и не сеяно —
 нах*я, если можно впарить им третьесортный ремикс Есенина? (3, 5).

6. *Язык и техника.* Языку рэп-баттлов некоторые тенденциозные академические работы предписывают прагматику бунта или освобождения, однако в самом баттле структура означивания раскладывает проблему языка и обценной лексики, в частности, на три различных варианта: а) *чистое переворачивание*: «У тебя в треках много мата, что ты за хам, бл*ть?» (1, 1); б) *неприятие*: «На Versus'е этот соперник будет, как голограмма, / все твои тексты — маты на мате — яд и отравы» (1, 7); «Мне грустно, Брол. / У меня есть чувство, что ты не знаешь русских слов» (1, 6); в) *апология*: «И, быть может, заметил кто-то, в моих раундах нету мата. / Как же так? — меня спросит Готэм, — ты же автор той самой цитаты (речь о матерной считалке Оксимилона. — О. Г.). / Очень просто: я баттлю контуженного, дико тусклого босяка, / а нецензурная брань — жемчужина великого русского языка!» (VXS). Эмси, в интерпретации, учитывающей фольклорные истоки субкультуры, может быть этимологически истолкован в значении «ритуального специалиста» или «хозяина обряда», который «обучает, развлекает и охраняет подростков в период их приобщения к взрослой жизни», поэтому иначе «воспринимается и использование рэперами ненормативной лексики, которая в традиционной культуре, как известно, имеет сакральный характер и отчасти синонимична молитве. По поверьям, отогнать нечистую силу можно либо помолвившись, либо ругнувшись матом» [5].

Основными понятиями на уровне техники остаются «рифма» и «флоу». Рифма по-прежнему играет в рэпе большую роль, в отличие от новейшей поэзии, хотя и здесь возможны типичные переворачивания, и тогда рифмы воспринимаются как ставшие самодостаточными элементы, за которыми не видно рэпа: «Он мог стать легендой и быть на скрижалях, / но он вечно накуранный, вечно рифмует. Это сильно мешает. <...> Всё, что видит он, с ходу рифмует, а после юзает, например: / Мать, мигренью больна от сыновьяго рэпа, просила купить ей немного таблеток. / Так и быть, он заходит в аптеку: / — Эяу! Меня зовут Крип-А-Крип. / Я болен этим дерьмом, тап. У меня грип-а-грип. Nigga, плиз, не томи. / Мне нужен витамин, кетамин, риталин, глицерин, тетрогитрогидрохлоридный спирт и рыбий жир» (1, 3).

Комплексное понятие «флоу» (от англ. flow — «поток», «течь») объединяет представления об идиостиле рэпера, включает в себя индивидуальные вокальные и технические характеристики. Если у рэпера есть узнаваемое флоу, его творчество вызывает физическую приятную реакцию, его треки «качают». Соответственно, в баттле эмси нахваливает свое флоу и утверждает отсутствие (оригинального) флоу у оппонента: «Ты коверкаешь русский язык на манер афро-бруклинских джиз, / выдавая за купчинский стиль... Не п*зди, просто так читать проще!» (1, 3).

В заключение скажем, что поэтологическая убедительность достигается все же не прямыми высказываниями, а самим ведением баттла, искусностью и изобретательностью оскорблений, артистичностью эмси — баттл-тексты эстетически неотделимы от исполнения и исполнителя⁷, и это своего рода продолжение органической поэтологии (см. пункт «Субъект высказывания»).

Столкновение органики и означивания, поэтологического и метапоэтологического, приводящее к аннигиляции, произошло в баттле Оксимирона со Славой КПСС, самым духом *signifyin(g)* в баттлах: «А ты так и живешь на пафосе творца культуры, да? / Без самоиронии, без угара? / Порча, Акела промахнулся, когда ссышь мимо писсуара. / Самовлюбленная мудила, тут не театральные подмости, / но ты провел за зеркалом больше времени, чем Андрей Тарковский» (VXS). Парадокс означивающей истории баттла в том, что на самом популярном поединке прозвучала фраза о смерти жанра:

«Отец баттл-рэпа на русском»?..
 Вы штампуете сомнительный стафф.
 «Антихайп» — социальная служба:
 я лишая тебя родительских прав!
 Ведь твоя «борьба за развитие» — пустые слова.
 Ты не разу не был на сторонней тусе, откуда тебе знать,
 что культура жива, если ты не держишь руку на пульсе?
 «Сделать баттл-рэп снова великим»?
 Да ты даже не в курсе, что он умирает.
 Нет никаких новых талантливый эмси,
 уже на *Versus*'е баттлит Райт Раунд,
 снимают ремейки других финалов.
 По сути дела, мы пинаем уже мертвый жанр.
 Баттл-рэп издох, нет никакого андеграунда,
 а мейнстрим — позорище, как *Fresh Blood* на крови,
 но если ему суждено сдохнуть под камерой,
 я хочу быть автоматом, стреляющим в Брендона Ли! (VXS).

Баттл лишь на короткое время стал той площадкой, на которой идет реальное осмысление рэп-искусства и возможны принципиальные столкновения, позволяющие проговорить сущностные моменты для сообщества. Творчество и поединок остаются в известном смысле параллельными. Баттл заявил о себе как об отдельном жанре, потребовав выработать свой стиль говорения о рэпе, отличный от высказывания о нем в самих песнях. Баттл можно сопоставить с жанром интервью, столь же популярном в российском YouTube-сегменте в 2010-х: в баттле исполнитель вынужден раскрываться, даже подставляться, но он также может через баттл корректировать свой образ. Однако переизбыток креативной информации делает интервью, баттл или вокальный конкурс самодостаточными форматами, в редких случаях срабатывающими как реклама собственно творчества.

Вместе с тем в параллельности этих историй, с точки зрения заявленной темы, можно увидеть *тотальность поэтологии, самодостаточность*

⁷ То, что панчи могут держаться исключительно на харизме рэпера, отмечалось на самих баттлах: «панчи Мирона в отрыве от него теряют блеск: / “Ты не создатель големов, но на фото ты, как глиномес”. <...> Но Мирону не нужны панчи, он интересный и так. / Сегодня ты смотришь баттлы без панчей, а завтра — порнуху без баб» (VXS). Продемонстрировать несостоятельность панчей без поддержки образа говорящего — сильный панч сам по себе.

манифеста. Этот побочный эффект, вероятно, не был запланирован теоретиками «новых искренностей» и «метамодерна»: манифест не просто реактуализировался после этапа постмодерна, но и выдвинулся на первый план, заменив собой деятельность. В таком контексте рэп-баттл только один из первых, пробных форматов общей тенденции, ведь баттл (как и ранний рэп) собственно и строится на голом манифесте, прямых заявлениях, показной чванливости, сам рэп для него — либо область референсов, либо материал для оскорблений. И пока для будущих исследований остается вопрос: является ли этот перекося болезнью роста молодого жанра или тот путь, который прошел баттл, может стать уроком для поэтологических стратегий в новейшей поэзии?

Список литературы

1. *Богданов А. В.* Лингвокультурные характеристики афроамериканского рэп-дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2007. 16 с.
2. *Бойченко А. Е., Жучкова С. В.* Что скрывает русский рэп? Тематическое моделирование текстов русскоязычной хип-хоп сцены // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. № 23 (2). С. 130—165.
3. *Василевич Е.* Рэп-поэзия 2000-х: векторы художественных поисков (на примере творчества знаковой фигуры феномена Мирона Федорова) // European Journal of Humanities and Social Sciences. 2020. № 2. С. 157—161.
4. *Доманский Ю. В.* Русский рэп: начало (субъект и автор в первых русских рок-рэпах о рэпе) // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 2020. № S20. С. 55—67.
5. *Дорохова Е. А.* Фольклорные истоки русского рэпа // Художественная культура. 2017. № 1 (19). URL: <http://artculturestudies.sias.ru/2017-1-19/yazyki/5220.html> (дата обращения: 12.11.2021).
6. *Завалишин А. Ю., Костюрина Н. Ю.* Русская рэп-культура: специфика научного анализа // Журнал интегративных исследований культуры. 2020. Т. 2, № 1. С. 60—68.
7. *Карпов Д. Л.* Русский рэп и литературная традиция (Versus/Версия) // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 2020. № S20. С. 4—15.
8. *Лассан Э. Р.* Рэп-баттлы как специфический жанр современной культуры // Жанры речи. 2018. № 4 (20). С. 313—320.
9. *Масалов А. Е.* Пост-ирония и «мерцание»: к вопросу о некоторых типологических схождениях русского рэпа и актуальных поэтических практик // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 2020. № S20. С. 22—31.
10. *Сапожникова Ю. Л.* Категория идентичности как художественная доминанта в афро-американских классических и новых историях рабов (XIX—XXI вв.): дис. ... д-ра филол. наук. Смоленск, 2014. 457 с.
11. *Семенова Е. А.* Клоун vs рэпер (инвективы в онлайн и офлайн рэп-поединках) // Наука телевидения. 2020. № 16.3. С. 89—104.
12. *Соколов С. С.* Между Пушкиным и Хармсом: проекции литературы в рок-поэзии и рэп-культуре // Искусствознание: теория, история, практика. 2017. № 3. С. 59—67.
13. *Ezhykov A.* Русский батл-рэп как зеркало культурной эволюции // Medium. 2017. 17 сент. URL: <https://medium.com/russian/русский-батл-рэп-как-зеркало-культурной-эволюции-609b9693d5a6> (дата обращения: 10.11.2021).
14. *Gates H. L. Jr.* The Signifying Monkey: A Theory of Afro-American Literary Criticism. New York: Oxford University Press, 1988. 290 p.
15. *Keyes C. L.* Rap Music and Street Consciousness. Chicago: University of Illinois Press, 2004. 302 p.
16. *Remes P.* Rapping: A sociolinguistic study of oral tradition in Black urban communities in the United States // Journal of the Anthropological Society of Oxford. 1991. Т. 22, № 2. P. 129—149.

УДК 82.09

ББК 83.011.6

DOI: 10.46726/H.2021.4.2

Л. С. Кучмаренко

ХРОНОТОП БОЛОТНОГО ТЕЛА И ДВУГОЛОСООЕ СЛОВО В РАССКАЗЕ М. ЭТВУД «БОЛОТНЫЙ ЧЕЛОВЕК»

В данной статье представлен анализ рассказа канадской писательницы М. Этвуд «Болотный человек» (The Bog Man), а именно анализ процесса формирования двуголосого слова в связи с «хронотопом болотного тела» как основного элемента композиционного и пространственно-временного уровней текста. Главная героиня пытается переосмыслить свое прошлое. Ее попытки выбрать подходящую повествовательную модель для рассказа о нем получают воплощение в двуголосом слове, формирующем повествовательное ядро рассказа. Рассказ М. Этвуд «The Bog Man» становится ярким примером полифонического дискурса. Различные повествовательные модели, используемые главной героиней с целью артикуляции ее прошлого, формируют субдискурсы, совокупность которых образует полифонический текст, репрезентирующий широкий диапазон возможных перспектив и голосов. Поскольку в центре рассказа лежит восприятие прошлого, хронотоп болотного тела становится неотъемлемым средством интерпретации отношений между временем, пространством и повествованием в полифоническом тексте.

Ключевые слова: Маргарет Этвуд, канадская литература, Бахтин, хронотоп, полифония.

L. S. Kuchmarenko

THE BOG BODY CHRONOTOPE AND DOUBLE-VOICED DISCOURSE IN M. ATWOOD'S "THE BOG MAN"

The article represents the analysis of M. Atwood's short story "The Bog Man". What we observe here is the process of forming the double-voiced discourse by means of the bog body chronotope as the main element of compositional, time and space levels of the text. The protagonist is trying to revise her own past. Her attempts to choose a suitable narrative pattern become embodied in a double-voiced discourse as a narrative core of the short story. "The Bog Man" becomes a clear example of polyphonic discourse. Various narrative patterns which the protagonist tries on to articulate her past constitute sub-discourses, the sum of which forms polyphonic text that represents a wide range of possible visions and voices. A happily-ever-after, gothic, and anecdote narrative patterns represent the already existing ways of telling the protagonist tries to appropriate feeling unable to form her own interpretation. As the story is based on perception of past, chronotope is becoming a necessary mean for interpreting relations between time, space, and narration in polyphonic text.

Key words: Margaret Atwood, Canadian literature, Bakhtin, chronotope, double-voiced discourse.

Рассказ канадской писательницы Маргарет Этвуд (род. 1939 г.) «Болотный человек» (The Bog Man) был опубликован в 1991 г. в сборнике «Советы по выживанию в дикой природе» (Wilderness Tips). Внешне фабула рассказа основана на романе студентки последнего курса антропологического факультета Джули с женатым преподавателем Коннором. Их экспедиция отправляется в Шотландию на раскопки так называемого болотного тела. Болотными телами (или болотными людьми) в антропологии принято называть частично или полностью сохранившиеся человеческие останки, обнаруженные в торфяных болотах на севере Европы. Особенность таких древних останков в том, что они почти не подверглись разложению, сохранили кожные покровы и внутренние органы и поэтому представляют особый интерес для исследователей-антропологов. Главный интерес в рассказе представляет психологическая подоплека парадоксального процесса: впервые увидев болотного человека, Джули словно бы запускает процесс переосмысления своих отношений с Коннором и той роли, которую они сыграли в становлении ее как личности. На протяжении последующих двадцати лет Джули будет пытаться выяснить, что именно стало причиной ее психологической травмы и как артикулировать этот опыт. Попытки Джули выбрать подходящую повествовательную модель для рассказа об отношениях с Коннором получают воплощение в двуголосом слове, формирующем повествовательное ядро рассказа. В данной статье мы попытаемся проанализировать процесс формирования *двуголосого слова* в связи с «хронотопом болотного тела» в рассказе М. Этвуд «Болотный человек» как основного элемента композиционного и пространственно-временного уровней текста.

Уже первые предложения рассказа настраивают читателя на то, что перед ним не столько любовная история, сколько трансляция восприятия этой истории главной героиней со всеми сложностями поиска подходящих слов:

«Julie broke up with Connor in the middle of a swamp. Julie silently revises: not exactly in the middle, not knee-deep in rotting leaves and dubious brown water. More or less on the edge; sort of within striking distance. Well, in an inn, to be precise. Or not even an inn. A room in a pub. What was available. And not in a swamp anyway. In a bog. *Swamp* is when the water goes in one end and out the other, *bog* is when it goes in and stays in. How many times did Connor have to explain the difference? Quite a few. But Julie prefers the sound of *swamp*. It is mistier, more haunted. *Bog* is a slang word for toilet, and when you hear *bog* you know the toilet will be a battered and smelly one, and that there will be no toilet paper. So Julie always says: *I broke up with Connor in the middle of a swamp*» [1, p. 87]¹.

Перед нами яркий пример того, что Бахтин называл «двуголосым словом» — слово с установкой на чужую речь, «преломление авторского замысла в слове рассказчика» [4, с. 214]. В попытке Джули определить место

¹ «Джули и Коннор расстались посреди топи. Джули мысленно поправляет себя: даже не посреди топи, даже не по колено в гниющих листьях и колеблющейся коричневой воде. Скорее где-то на краю, в пределах досягаемости. Вообще, в гостинице, если точнее. Или даже не в гостинице, а в пабе. И вообще ни в какой ни в топи. В болоте. Топь — это когда вода приходит и уходит, болото — это когда она приходит и стоит. Сколько раз Коннору приходилось объяснять ей эту разницу? Немало. Но Джули больше нравится, как звучит слово “топь”. Туманно, призрачно. Болотом иногда называют туалет, причем такой, который наверняка разваливается и воняет, и без туалетной бумаги. Поэтому Джули всегда говорит: “Мы расстались с Коннором посреди топи”» (Здесь и далее перевод мой. — Л. К.).

расставания с Коннором представлены две точки зрения: реальная версия событий (герои расстались в пабе) и версия ее романтизированного восприятия (герои расстались посреди болота). Однако вскоре читатель видит, что Джули затрудняется определить не только то, где произошло расставание, но и то, какое место это событие заняло в ее памяти, в системе ее самоидентификации. Риторические повторы глагола «revise» (исправляться) («There are other things she revises as well»; «She revises Connor She revises herself»² [1, p. 87—89]) подчеркивают, что в центре повествования не просто пересказ давних событий, а рефлексия и ретроспективный анализ жизни главной героини. Подобная установка не может не напомнить о том, что американская писательница-феминистка Адриенн Рич определяла процесс женского чтения (включая и «перечитывание» собственного жизненного опыта) как *revision* [3, с. 79]. Как утверждает канадский литературовед Энтони Перди, автор работы, посвященной образу болотного человека в поэтике произведений П. Глоба, А. Эбер, М. Этвуд и М. Дрэббл, «конечно, этот рассказ повествует не о любовных отношениях, не о запутанных переплетениях любви, секса и силы. Этот рассказ — о памяти и о течении времени, о том, какое отношение мы имеем к нашему прошлому и какое место оно занимает в нашем настоящем» [9, p. 448].

Выбор названия рассказа подтверждает эту мысль. Болотный человек становится метафорой прошлого, преследующего персонажей в их настоящем. Тема переоценки прошлого представлена не только на паратекстуальном, но и на пространственно-временном уровне текста, структурообразующим элементом которого становится хронотоп болотного тела. Этот термин был впервые использован вышеупомянутым Энтони Перди. В своей работе «Раскапывая прошлое: археология болотных тел в творчестве П. Глоба, А. Эбер, М. Этвуд и М. Дрэббл (*Unearthing the past: the archaeology of bog bodies in Glob, Atwood, Hebeit and Drabble*)» ученый отмечает, что первое болотное тело было обнаружено в 1950 г. С тех пор каждое открытие нового болотного человека сопровождалось текстом, описывающим его останки. Анализ текстов, сопровождающих объявления об обнаружении нового болотного тела, проделанный Перди, показал, что они имеют общие композиционные черты, что привело исследователя к гипотезе о существовании особого хронотопа, объединяющего их. Исследования болотных людей способствуют восстановлению антропологической связи между прошлым и настоящим. «Иными словами, специфическая способность болотных тел сжимать время, века в часы, а часы в минуты, наделила их искренней, трогательной человечностью, особой связью между повседневностью прошлого и настоящего» [9, p. 447]. Таким образом, Перди предлагает считать упоминание болотного тела «особым хронотопом, площадкой временной компрессии, пространством, в рамках которого одно время оживает в другом» [9, p. 447].

Представляется, что апелляция к бахтинской терминологии для описания нарративов о болотных людях, вполне легитимна. Термин «хронотоп» был впервые введен Бахтиным в работе «Формы времени и хронотопа в романе» (1975). Бахтин определил хронотоп как «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [5, с. 234]. Бахтин подчеркивал, что основной чертой хронотопа является неотделимость времени от пространства: «нам важно выражение

² «Есть и другие вещи, которые она исправляет», «Она исправляет Коннора. Она исправляет себя».

в нем неразрывности пространства и времени (время как четвертое измерение пространства)» [5, с. 234].

Болотный человек становится своего рода триггером, запускающим процесс переоценки и переосмысления любви-преклонения Джули к своему преподавателю. Она присоединилась к шотландской экспедиции в качестве ассистентки Коннора. На протяжении нескольких дней с момента прибытия Джули не изъявляла желания увидеть болотного человека. Следует обратить внимание на то, что Джули принимает решение пойти посмотреть на болотного человека сразу после того, как находит фотографию семьи Коннора в его бумажнике:

«She didn't bother then, but she's bothered since. Tucked behind the driver's license there's the whole family group, in colour, taken on the lawn in summer: the wife, huge in a flowered dress and squinting; the three boys, with Connor's red hair, squinting also; the dog, a black Labrador that knew better than to look at the sun, its tongue out and drooling. <...> She decides to walk out to the bog, to find Connor. She has not seen the bog before; she has not seen the bog man» [1, p. 93—95]³.

Встреча с болотным человеком что-то меняет в сознании Джули, в ее восприятии окружающей действительности и ее места в ней. Ее реакция неожиданно эмоциональна:

«For a moment, Julie feels this digging-up, this unearthing of him, as a desecration. Surely there should be boundaries set upon the wish to know, on knowledge merely for its own sake. This man is being invaded. But the moment passes, and Julie goes out of the tent. Maybe she looks a little green in the face: after all, she's just seen a dead body. When she lights a cigarette her hands are shaky» [1, p. 96]⁴.

В будущем, возвращаясь к этим воспоминаниям, Джулия продолжит бессознательно конструировать все новые барьеры (границы, установленные для желания знать — «boundaries set upon the wish to know») с целью защитить себя от понимания того, что так травмировало ее в отношениях с Коннором. Этот юношеский эпизод так и не встроится в общую картину ее прошлого и будет преследовать ее на протяжении последующих двадцати лет. Рассказывая об этих событиях своей молодости подругам двадцать лет спустя, Джулия будет формировать все новые и новые версии этой истории, словно отодвигая от себя их смысл. Более того, эти барьеры представляют не только границы между различными версиями событий, сосуществующими в сознании Джули, но и границы между двумя голосами (дискурсами), формирующими двуголосое слово рассказа. Внутренняя разорванность сознания

³ «До этого момента ей было не важно, но стало важно, как только это произошло. За водительскими правами спрятана цветная фотография всей семьи на летней лужайке: жена, огромная, в платье с цветочным рисунком и щурящаяся; трое мальчиков с рыжими волосами Коннора тоже прищурились; собака, черный лабрадор, который знал, что лучше не смотреть на солнце, высунул язык и пускает слюни. <...> Она (Джули. — Л. К.) решает выйти на болото, чтобы найти Коннора. Она еще ни разу не видела болота, ни разу не видела болотного человека».

⁴ «На мгновение раскопки болотного тела показались Джули осквернением. Несомненно, должны быть границы, установленные для желания знать, знания как такового. Но это мгновение проходит, и Джули выходит из палатки. Может, ее лицо немного позеленело: в конце концов, она только что видела мертвое тело. Когда она закуривает сигарету, у нее дрожат руки».

героини получает воплощение в сложности повествовательного строя. Неспособность главной героини выбрать определенную повествовательную модель иллюстрируется многослойностью дискурсов в рамках одного рассказа.

Впервые увидев болотного человека, Джули принимает решение изменить свою жизнь и уйти от Коннора. Вспоминая М. Бахтина, Перди комментирует: «Как и любой хронотоп, хронотоп болотного тела становится местом, где “завязываются и развязываются сюжетные узлы”, “время приобретает в них чувственно-наглядный характер; сюжетные события в хронотопе конкретизируются, обрастают плотью, наполняются кровью”» [9, р. 447]. Болотное тело делает время видимым. Неслучайно Бахтин называет время доминантным принципом хронотопа: «Время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории» [5, с. 234]. Глядя на болотного человека, Джули словно провидит будущее время, в котором они с Коннором больше не вместе. Несмотря на то, что читателю не явлены мысли Джули в момент наблюдения болотного человека, сюжетный перелом свидетельствует о том, что этот опыт привел Джули к определенному внутреннему прозрению.

Более того, образы трех основных персонажей (Коннора, его жены и Джули) описываются в тех же категориях, что и болотное тело. Если образы Джули и жены со временем обретают контуры, становятся более зримыми, образ Коннора, напротив, стирается. Жена, казавшаяся Джули абстрактной фигурой до поездки в Шотландию, становится более определенной и видимой:

«It’s astounding to her, the way this invisible wife has put on flesh, has gradually acquired solidity and presence. At the beginning of her two months with Connor the wife was a negligible shadow. Julie wasn’t even that interested in going through Connor’s wallet to look for family photos while he was out of the way in the shower» [1, р. 93]⁵.

Двадцать лет спустя, когда Джули начнет делиться этой историей с подругами, она заметит, что теперь она испытывает симпатию к жене, утратившей функцию угрожающей соперницы: «She is no longer the menacing rival of the piece: Julie has now been a wife herself, and feels a sneaking sympathy» [1, р. 105]⁶. Образ Коннора же практически стерся из ее памяти: «Connor, however, loses in substance every time she forms him in words. He becomes flatter and more leathery, more life goes out of him, he becomes more dead. By this time he is almost an anecdote» [1, р. 106]⁷. Следует обратить внимание на то, что Джули использует один и тот же эпитет при описании Коннора и болотного человека — *flatter*. В данном случае объем, который со временем утрачивают и Коннор, и болотный человек, символизирует жизненную энергию, потерю значимости в восприятии Другого. Французский философ и литературовед Рене Жирар отмечал: «Я не есть объект, соседствующий с другими

⁵ «Ее (Джули. — Л. К.) поражает то, как эта невидимая жена облеклась в плоть, постепенно приобрела прочность и присутствие. В начале отношений с Коннором жена была ничтожной тенью. Джули даже не было интересно заглянуть в бумажник Коннора в поисках фотографий его семьи, пока он был в душе».

⁶ «Она (жена. — Л. К.) перестала быть грозной соперницей: теперь, когда Джули сама вышла замуж, она даже испытывает к ней скрытую симпатию».

⁷ «Коннор, однако, становится все менее реальным с каждым разом, когда она (Джули. — Л. К.) облекает его в слова. Он становится более плоским, жизнь покидает его, он становится более мертвым. К этому моменту он почти превратился в анекдот».

Я-объектами; оно создается своими отношениями с Другим, и его нельзя рассматривать вне этих отношений» [6, с. 150]. Вне отношений с Другим, реципиентом, представленным Джули, Коннор утрачивает свою значимость для главной героини и, как следствие, стирается из ее памяти.

Находясь в отношениях с Коннором, Джули пыталась «подогнать» историю их романа под нарративную модель «и жили они долго и счастливо» (*happily-ever-after narrative*), ставшую одним из элементов двуголосого слова, представленного в рассказе. Джули описывает жену как захватчика, о чем свидетельствуют неоднократные риторические повторы грамматической основы «she has»:

«She has the territory staked out. She has the home. She has the house, she has the garage, she has the doghouse and the dog to put into it. She has Connor's children, forming together with them a single invincible monster with four heads and sixteen arms and legs. She has the cupboard where Connor hangs his clothes and the washing machine where his socks whirl on washdays, ridding themselves of the lint they've picked up from the bathmats in the rooms he's shared with Julie. Motels are a no man's land: they are not a territory, they cannot be defended. Julie has Connor's sexual attention, but the wife has Connor» [1, p. 94]⁸.

Следующим повествовательным паттерном, примеряемым Джули, становится пастораль. Она описывает первое впечатление от Оркни, города, в котором работала их экспедиционная группа, в пасторальном тоне:

«It was her first trip across the Atlantic Ocean; she wanted things to be old and picturesque. More important, it was the first time she and Connor had been alone together for any length of time. She felt almost marooned with him. He felt it too <...>. The fields were green, the sun shone, the stone circles were suitably mysterious. If Julie stood in the centres of them and closed her eyes and kept still, she thought she could hear a sort of hum» [1, p. 91—92]⁹.

Бахтин определял пастораль как основной вид идиллического хронотопа, для которого характерно единение с природой («сочетание человеческой жизни с жизнью природы, единство их ритма, общий язык для явлений природы и событий человеческой жизни» [5, с. 257]) и цикличность времени («Это определяемое единством места смягчение всех граней времени существенно содействует и созданию характерной для идиллии циклической ритмичности времени» [5, с. 258]). Приведенный выше фрагмент демонстрирует представление Джули об Оркни как о потерянном рае, живописном острове, на котором останавливается время. Подобное представление становится

⁸ «Эта территория принадлежит ей (жене. — Л. К.). У нее есть дом, у нее есть гараж, у нее есть собачья будка, к которой прилагается собака. У нее есть дети Коннора, образующие единого непобедимого монстра с четырьмя головами и шестнадцатью руками и ногами. У нее есть шкаф, в который Коннор вешает свою одежду, и стиральная машина, в которой его носки кружатся в дни стирки, избавляясь от ворса, который они собрали с ковриков в ванной комнате, которую он делил с Джули. Мотели — это ничейная территория: это вообще не территория, их нельзя защитить. У Джули есть сексуальное внимание Коннора, но у жены есть Коннор».

⁹ «Это было ее первое путешествие через Атлантический океан; ей хотелось, чтобы все было старым и живописным. Что еще более важно, это был первый раз, когда они с Коннором были вместе наедине какое-то время. Им обоим казалось, будто они на необитаемом острове <...>. Поля были зелеными, солнце светило, круги из камней казались загадочными. Когда Джули становилась по центру, закрывала глаза и не двигалась, ей казалось, что она слышит какой-то гул».

ярким примером любовной идиллии как разновидности идиллического хронотопа, выделенного Бахтиным. Однако, после того как Джули нашла фотографию семьи Коннора в его кошельке и переосмыслила свою жизнь после «встречи» с болотным человеком, она поняла, что ее история не соответствует модели «и жили они долго и счастливо», что приводит ее к осознанию необходимости поиска нового способа подачи этой истории. Как отмечает исследовательница малой прозы М. Этвуд Р. М. Уивер, Джули трансформировала Коннора «в супергероя, и теперь ей придется снова превратить его в реального человека, не такого успешного, молодого и красивого, каким она себе его представляла, чем сконструированный ей образ» [10, p. 80].

Следующей составляющей общего полифонического дискурса рассказа становится *готическая* модель повествования. Так Джули описывает встречу с Коннором по возвращении из экспедиции в Торонто сразу после их расставания. В этом эпизоде Джули, одетая во все черное (что также отсылает читателя к готической эстетике), убегает от Коннора, который представляется ей чудовищем из готического романа:

«She is truly frightened of him now, she's whimpering with fright. He's no longer anyone she knows; he's the universal child's nightmare, the evil violent thing, fanged and monstrous, trying to get in at the door. He mashes his face front — ways into the glass, in a gesture of desperation or a parody of a kiss. She can see the squashed tip of his nose, his mouth deformed, the lips shoved back from the teeth» [1, p. 104]¹⁰.

Однако вскоре Джули осознает, что не может представлять Коннора огром, так как он все-таки был человеком, которого она когда-то любила: «Connor was not an ogre. She had loved him, uselessly» [1, p. 105]¹¹. Таким образом, она понимает, что готическая модель повествования также мало применима. Будучи не в состоянии найти подходящие слова для этой истории, так как она оказалась «слишком болезненной и сложной» («It was too painful for her, in too complicated a way» [1, p. 108]), Джули блокирует воспоминания о Конноре на последующие двадцать лет. Основной причиной данной блокировки воспоминаний становится невозможность Джули определить семантический центр этой истории:

«She did not know what it was about. Was it about the way she had been taken advantage of, by someone older and more experienced and superior to her in power? Or was it about how she had saved herself from an ogre in the nick of time?» [1, p. 104]¹².

Джули разблокирует этот сегмент памяти лишь двадцать лет спустя после рождения детей и двух разводов. И только, выйдя замуж в третий раз, главная героиня все чаще начинает артикулировать опыт, приобретенный вследствие отношений с Коннором:

¹⁰ «Она (Джули. — Л. К.) теперь по-настоящему боится его (Коннора. — Л. К.), она скулит от страха. Он больше не тот, кого она знает; он — ночной кошмар любого ребенка, злая жестокая тварь, клыкастая и чудовищная, пытающаяся проникнуть за дверь. Он прижимается лицом к стеклу в жесте отчаяния или пародии на поцелуй. Она видит раздавленный кончик его носа, деформированный рот, губы, оторванные от зубов».

¹¹ «Коннор не был никаким огром. Она любила его, хоть это и было бессмысленно».

¹² «Она не знала, о чем была эта история. О том, как ей воспользовался кто-то старше, опытнее и сильнее? Или о том, как она в последний момент спаслась от огра?»

«Now that she has married again, she tells it more frequently. By this time she concentrates on the atmosphere — the Scottish rain, the awful food in the pub, the scowling inhabitants of the town, the bog itself. She puts in the more comic elements: her own obsessive knitting, the long dangling sleeves, the lumpiness of the bed» [1, p. 105]¹³.

Образ Коннора стирается, он и его жена перестают быть центром этой истории, теперь это история о самой Джули. Это и стало одной из причин, побудившей Р. М. Уивер предположить, что «в рассказе “Болотный человек” Этвуд пересматривает старые конвенциональные повествовательные модели, предлагая женщинам новые возможности для жизни, <...> которые, в свою очередь, позволяют им стать центром собственных историй» [10, p. 82].

Несмотря на то, что Джули переместилась с периферии этой истории в центр, ей так и не удалось найти подходящие слова для формирования собственной модели повествования. Теперь она рассказывает историю своих отношений с Коннором как *анекдот*, что становится третьей составляющей полифонического дискурса рассказа и очередной нарративной маской, примеряемой Джули. Как утверждает Э. Перди, артикуляция этой истории «позволяет Джули приносить в жертву как Коннора, так и себя в молодости каждый раз, когда она рассказывает эту историю, что дает ей возможность занять свое место в женском обществе, не погружаясь в глубокую рефлексию осмысления того, что на самом деле произошло с ней тем летом» [9, с. 450]. Джули по-прежнему пытается повествовательно оформить свой опыт и выяснить, что же травмировало ее тогда и как рассказать об этом. Единственный способ преодолеть травму — рассказать о ней, облечь ее в слова. Неслучайно Юлия Кристева называет рассказы «сундуками боли» («cache for suffering»): рассказ есть «повествование боли: кричащие страх, неприятие, отвращение успокаиваются, сцепленные в историю» [8, с. 180]. Как утверждает американский историк и культуролог Кэти Карут, повествуя о травматическом событии снова и снова, жертва становится способна выяснить, что послужило причиной психологической травмы и как с этим дальше жить — вот почему детали травмировавшего события преследуют жертву в кошмарах. «То, что возвращают видения прошлого, связано не только с непостижимостью опыта на грани смерти, но и с непостижимостью выживания. Само выживание составляет травму» [7, с. 572]. В романе Этвуд «Погружение» (Surfacing) главная героиня сравнивает нарративы с домами, добавляя: «уж лучше бумажный дом, чем никакого» («a paper house is better than none» [2, p. 138]). Данная метафора служит прекрасным описанием того, что делает Джулия, подавая историю своих отношений с Коннором в комическом ключе, она сооружает бумажный дом, наличие которого лучше, чем полное отсутствие дома. Как отмечает Э. Перди, подобный способ описания событий «несомненно, помогает [героине] сжиться с болезненным инцидентом из прошлого и увидеть в нем определенную значимость» [9, p. 45].

Пытаясь подыскать подходящие слова для разговора о событиях из прошлого, Джули восстанавливает диалог не только с прошлым, но и с собственной идентичностью. Как поясняет Р. М. Уивер, «Этвуд использует свое

---

¹³ «Теперь, когда она снова вышла замуж, она рассказывает эту историю чаще. Теперь она концентрируется на атмосфере — шотландском дожде, ужасной еде в пабе, хмурых жителях городка, самом болоте. Она добавляет больше комичных элементов: свою одержимость вязанием, длинные свисающие рукава, мятую постель».

метахудожественное колдовство, чтобы заполнить разрыв в повествовании между реальностью и ее восприятием для того, чтобы открыть перед женщинами пути для оглашения собственных историй и, как следствие, для контроля над собственной жизнью» [10, p. 78].

Рассказ М. Этвуд «The Bog Man» становится ярким примером полифонического дискурса. Различные повествовательные модели, используемые Джули с целью артикуляции ее прошлого, формируют субдискурсы, совокупность которых образует полифонический текст, репрезентирующий широкий диапазон возможных перспектив и голосов. Мелодраматическая, готическая и анекдотическая модели повествования представляют собой способы повествования, которые Джули пытается присвоить, будучи неспособной сформулировать свою собственную интерпретацию событий. Поскольку в центре рассказа лежит восприятие прошлого, хронотоп болотного тела становится неотъемлемым средством интерпретации отношений между временем, пространством и повествованием в этом полифоническом тексте.

Список литературы

1. *Atwood M. Wilderness Tips. Bloomsbury, 1995. 288 p.*
2. *Atwood M. Surfacing. Virago, 1997. 192 p.*
3. *Анциферова О. Ю. Извивы феминистского литературоведения (Материалы к спецкурсу) // Женщина в российском обществе. 2005. № 3—4. С. 73—86.*
4. *Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М. М. Собрание сочинений: В 7 т. М.: Русские словари: Языки славянской культуры, 2002. Т. 6. С. 7—300, 466—505.*
5. *Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С. 234—407.*
6. *Жирар Р. Достоевский: от двойственности к единству / пер. с фр. Г. М. Куделич. М.: Издательство ББИ, 2013. 162 с.*
7. *Карут К. Травма, время и история // Травма: Пункты. М.: НЛЮ, 2009. С. 561—582.*
8. *Кристева Ю. Силы ужаса: Эссе об отвращении / пер. с фр. А. Костикова. СПб: Алетейя, 2003. 256 с.*
9. *Purdy A. Unearthing the Past: the Archaeology of Bog Bodies in Glob, Atwood, Hebert and Drabble // Textual Practice. Vol. 16, no. 3, 01 January 2002. P. 443—458.*
10. *Weaver R. M. Innovation within the Modern Short Story through the Interaction of Gender, Nationality and Genre: M. Atwood's Wilderness Tips and Alice Munro's Open Secrets, U of Manitoba, 1996. 276 p.*

ББК 83.3(2=411.2)52-8,43

УДК 821.161.1.09"18"

DOI: 10.46726/H.2021.4.3

*С. М. Лукьянова***«САМОЗВАНЧЕСТВО» В КОНТЕКСТЕ
АВТОПОРТРЕТИРОВАНИЯ:
«МОЦАРТ И САЛЬЕРИ» А. С. ПУШКИНА**

В статье рассматривается проблема самозванчества как семиотического кода, который реализуется в художественном пространстве многих произведений русской литературы. Автор находит связи между понятием самозванчества и метажанром автопортрета. Этот метажанр воплощает подвижность границы между субъективностью и объективностью и существует в двух семиотических моделях — как «икона» и как «картина». А. С. Пушкин реализует в своем творчестве множество семиотических моделей самозванчества, которое воплощается в создании масок, мистификаций, изображении себя в облике различных персонажей, а также является инструментом самоанализа в широком контексте творчества и истории.

В «Маленьких трагедиях» самозванчество раскрывается через тему греха и таланта. Все герои «Маленьких трагедий» имеют какой-либо «талант», но поступают с ним по своему произволу. Оба героя пьесы «Моцарт и Сальери» — самозванцы «фаустианского типа». Моцарт — невольный Мефистофель по отношению к Фаусту-Сальери, и Моцарт — Фауст, которому дар достался «даром». Сальери чувствует себя на фоне Моцарта самозванцем в музыке, но как завистник считает самозванцем и самого Моцарта, которому гениальность якобы дается слишком легко. Образы Моцарта и Сальери в значительной степени автопортретны, но сам автор не противопоставлял труд и вдохновение. Эти образы — две стороны цельной личности.

Существует очевидная связь между склонностью Пушкина к автопортретированию, его тяготением к игре, мистификаторству, маскам и его приверженностью к теме самозванчества. Пушкин — тоже русский Фауст, но Фауст, не поддавшийся Мефистофелю.

Ключевые слова: самозванчество, автопортрет, семиотическая модель, двойничество, фаустианский тип, игровое сознание.

*S. M. Lukyanova***“IMPOSTURE” IN THE CONTEXT OF SELF-PORTRAITURE:
“MOZART AND SALIERI” BY A. S. PUSHKIN**

The article deals with the problem of imposture as a semiotic code, which is implemented in the artistic space of many works of Russian literature. The author finds connections between the concept of imposture and the meta-genre of self-portrait. This meta-genre embodies the mobility of the border between subjectivity and objectivity. It exists in two semiotic models — as an “icon” and as a “picture”. Pushkin implements in his work many semiotic models of imposture, which is embodied in the creation of masks, hoaxes, portraying himself in the guise of various characters, and is also a tool of introspection in the broad context of creativity and history.

© Лукьянова С. М., 2021

In “Little Tragedies” imposture is revealed through the theme of sin and talent. All the heroes of “Little Tragedies” have some kind of “talent”, but they act with it at will. Both heroes of the play “Mozart and Salieri” — are impostors of the “Faustian type”. Mozart is an involuntary Mephistopheles in relation to Faust-Salieri, and Mozart is Faust, who got the gift “for nothing”. Salieri feels like an impostor in music against the background of Mozart, but as an envious person he considers Mozart himself an impostor, to whom genius is supposedly given too easily. The images of Mozart and Salieri are largely self-portraits, but the author himself did not oppose work and inspiration. These images are two sides of a whole personality.

There is an obvious connection between Pushkin’s penchant for self-portraiture, his attraction to the game, mystification, masks and his commitment to the topic of imposture. Pushkin is also a Russian Faust, but a Faust who did not succumb to Mephistopheles.

Key words: imposture, self-portrait, semiotic model, duality, Faustian type, game consciousness.

Самозванчество — понятие на стыке истории, литературы, социологии, психологии и психиатрии, ономатологии, персонологии и многих других наук. Понятие это автосемиотическое, содержащее в себе не просто перекодирование одним другим, но замещение собственным означающим чужого означаемого явления или личности. С внешней позиции разоблаченное самозванчество означает портрет, выдаваемый за автопортрет (мыслится как переход из иконологии в картинологию¹), с внутренней — автопортрет, выдаваемый за портрет (желанный переход из картинологии в иконологию). Неразоблаченное самозванчество напоминает подделку или копию, снаружи воспринимаемую как оригинал, то есть семиотически (хотя и не до конца семантически) тождественную оригиналу.

Для отечественной культуры семиотическая и поведенческая модель самозванца — одна из важнейших: «Сложно найти в нашем прошлом сюжеты более увлекательные, чем история российских самозванцев, и тому есть вполне объективные, в том числе количественные, резоны» [8, с. 19]. Историк И. Андреев утверждает: «На продолжении двух с половиной веков самозванческий наряд примеряли более ста человек <...> только “Петров III Федоровичей” было за 40 и несколько меньше Лжедмитриев» [1, с. 110]. Самозванчество в России — масштабный культурно-исторический феномен (см. [16]), имеющий как «национальные», так и «общечеловеческие» истоки, укорененный в мифопоэтических механизмах и представлениях, своеобразная «изнанка» свободы, творчества и разума. Г. Л. Тульчинский указывает на этические корни явления, говорит об особенностях национального духовного опыта: «...этика спасения, предуготовления к новой, высшей жизни в мире ином <...>, но не в этом мире — юдоли страдания, нравственного предуготовления. Эта нравственная “перегретость” в сочетании с нравственным нигилизмом <...> порождают исключительно благоприятную, “искусительную” духовную среду для самозванства...» [14, с. 47]. На уровне народного сознания самозванчество часто рождается как реакция на несправедливость, парадоксальная

¹ Автопортрет понимается здесь как уникальный метажанр, «воплощающий подвижность границы между субъективностью и объективностью. Он существует в двух семиотических моделях — как “икона” и как “картина”. В первой модели автопортрет — это подобие Первообраза и инструмент восхождения к нему. Во второй модели автопортрет — это самостоятельный эстетический объект, перекодирующий художественную реальность» [7, с. 180].

попытка восстановить легитимность добра, ответ на «богооставленность мира». Как если бы «статусная» картина начала вдруг восприниматься как подделка, а далее подлинник, наделенный свойствами подделки, изымается из рамы, и на его место ставится подделка, наделенная семантикой подлинника. Семиотическая «рама» (статус и сакральность царя) остается той же, а вот семантика «подлинности» зависит от многих факторов: так, на Руси самозванчество нередко выступало как «антиповедение», на основании чего «народная молва еще при жизни Петра объявила его не подлинным (“природным”), а подмененным царем» [16, 165], т. е. фактически навязала императору-реформатору негласный статус самозванца.

Русская литература дала миру целую галерею образов явных и скрытых героев-самозванцев. В XVIII веке созданы трагедия А. А. Ржевского «Подложный Смердий» (1769), пьеса А. П. Сумарокова «Дмитрий Самозванец» (1771). Семантика самозванчества ощутима в образе Чацкого (возвратившись в Москву, он представляет себя женихом Софьи, но портрет в данном случае не совпадает с автопортретом; очень быстро становится понятно, что он — самозванец в фамусовском обществе). «Самозванец поневоле» — гоголевский Хлестаков («Вранье потому и опьяняет Хлестакова, что в вымышленном мире он может перестать быть самим собой, отделаться от себя, стать другим, поменять первое и третье лицо местами <...> Он превозносит себя потому, что втайне полон к себе презрения» [6, с. 303]). Сложные коллизии самозванчества / двойничества характерны для многих героев Ф. М. Достоевского, использующего эту «парность» как структурный принцип романной поэтики. Связь самозванчества и двойничества — в возможности «поведенческого инобытия личности, не укладывающейся в свою судьбу и не желающей быть равной ей» [9, с. 6].

Классические образцы произведений, породившие впоследствии вариативность темы самозванчества в русской литературе, принадлежат А. С. Пушкину. Самозванчество волновало его с разных точек зрения: генетической (с одной стороны — «Арап Петра Великого», самозванец на русской земле, с другой — родовые корни, восходящие к Раче — сподвижнику Александра Невского, и дед, оставшийся верным Петру III); социально-исторической («Борис Годунов», «Капитанская дочка»); романтической («Дубровский»); иронической («Барышня-крестьянка»); психологической («Метель»: самозванчество мыслится как «экстремальная ситуация» для человека, в которой он проявляет себя особым образом); в очень многих текстах — в плане судьбы и рока, а также с точки зрения автопортретирования (приверженность к созданию масок, мистификаций, изображению себя в облике различных героев и персонажей; самозванчество как инструмент самоанализа в широком контексте творчества, истории и т. д.).

Самозванчество у Пушкина не всегда очевидно, отчасти амбивалентно. Самозванцев обычно больше одного. Так, в «Капитанской дочке» Пугачев и Екатерина — два самозванца, оказавшиеся на разных концах социальной вертикали. Имеет место, в частности, приравнивание «обоих персонажей к некоему общему знаменателю сюжетной функции: один самозванец (Пугачев) пощадил невесту — Машу, другой (Екатерина) пощадил жениха — Гринева» [14, с. 51]. В «Борисе Годунове» сразу несколько главных героев — самозванцы: нелегитимный царь-убийца Борис (называемый сначала Борисом, после — Царем), Григорий Отрепьев (сначала именуется Григорием, в разговоре с Мариной — Димитрием, затем Лжедмитрием и Самозванцем; у него масса ролей: послушник, мирянин, галантный кавалер, полководец, воин; он

«по нраву всем», подстраивается под любую речь, напрочь теряет границы себя, становится тем, кого ждут в данный момент), Марина Мнишек. Разоблачает царя Бориса («нельзя молиться за царя Ирода») только Юродивый. Юродство на Руси почиталось за «внешнее уподобление евангельскому Христу» (случай иконологического перекодирования своего облика, образа жизни и пр.) и означало добровольный отказ от удобств мирского бытия, социального статуса, быта, традиционно понимаемой личности ради совершения «подвига христианского благочестия». Не случайно О. Г. Усенко отмечает, что «предрасположенность к самозванству можно связать с определенным типом личности, весьма характерным для средневековой Руси. Его носители часто встречались среди “живущих во Христе” — юродивых» [15, с. 71]. Таким образом, и разоблачитель-юродивый в некоторой степени является «самозванцем», только не замещающим царя, а собственной жизнью перекодировавшим себя «в направлении» Первообраза (ср.: «Честь, воздаваемая образу, переходит на Первообраз» — основной догмат иконопочитания), что меняет оценку всей «картины».

Многовариантно и многоуровнево реализуются «самозванческие стратегии» в «Повестях Белкина», а в «Медном всаднике» в качестве самозванца предстает уже целый город, возникший на месте, на котором города быть не должно. Город-призрак, город-декорация, город-текст, город-миф, город-проект, «самый нерусский город России», где человек всегда «на грани» и даже белые ночи воспринимаются как самозванство природы («Весь комплекс самозванства воплощен в истории и культурной среде этого города» [14, с. 56]. В рукописи к «Медному всаднику» есть странный рисунок Пушкина — «Медный всадник без всадника»: камень на месте, лошадь вздыблена, копыта занесены, но Петр «ушел» (слезть с лошади в таком положении человек не может — только свалиться). Что пытался показать Пушкин этим рисунком? Не посмел в излюбленной манере пририсовать себя на месте императора (его роль в истории становления русской культуры никак не меньше роли Петра в становлении Российской империи; в пользу этой гипотезы говорит тот факт, что в «Медном всаднике», пока пьедестал пустует, Пушкин как бы ходит по всему Петербургу, вдруг переместившись на позицию всевидящего автора)? Или хотел сказать, что дело сделано: городу-призраку приличествует кумир-призрак, и Россия так и останется отныне «вздернутой на дыбы», кто бы ни занял место седока? И это пустующее место куда страшнее, чем традиционный всадник, скачущий за Евгением.

«Медный всадник» — о роли личности в истории и о трагедии маленького человека перед лицом и личности, и истории (обе мыслятся как стихия). «Борис Годунов» — о кризисе личности в российской истории, о зарождении амбиций, не обусловленных местничеством. Личность в русском обществе начинает осознание себя не с вопросов «кто я?» или «для чего я?», но с вопроса «почему бы не я?». «Маленький человек» вообразил себя «Петром». Самозванство в «Борисе Годунове» — тотальное. Народ пока безмолвствует, чтобы позже породить своего Пугачева.

«Маленький человек», «частный человек», «лишний человек», а позднее — «подпольный» и «отверженный» человек (галерея образов Достоевского), Чацкий и Печорин, пушкинские Онегин (который не знает, чье место он хочет занять) и Германн из «Пиковой дамы», в котором «дремлет самозванец (хочет занять не подобающее ему место в обществе, но долгие годы боится рискнуть)» [12], и даже «прохиндеи русской литературы» Хлестаков и Чичиков — суть

самозванцы, носители столь гениально и многообразно схваченного Пушкиным типа сознания. Гениально — потому что «самозванству придается статус достаточно распространенного феномена обыденного опыта и сознания — с одной стороны, а с другой — оно увязывается с метафизикой человеческого существования вообще» [14, с. 54].

В «Маленьких трагедиях» (МТ) самозванчество раскрывается через тему греха и таланта. Все герои МТ имеют какой-либо «талант», но поступают с ним по своему произволу, вследствие чего «таланты» оказываются соотнесены со смертными грехами: сребролюбием («Скупой рыцарь»), завистью («Моцарт и Сальери»), блудом («Каменный гость»), унынием и чревоугодием («Пир во время чумы»). Можно сказать, что «Пушкин создает галерею индивидуального грехопадения человечества, вписанного в культуру и историю отдельных эпох, начиная со Средневековья и заканчивая эпохой романтизма» [5, с. 12]. Все пушкинские грешники из МТ — самозванцы. Всех так или иначе настигает возмездие.

Сильной печатью автопортретности отмечена пьеса «Моцарт и Сальери» (1830). Одновременно это самая «фаустианская» пушкинская трагедия. В чем тайна творчества? В попытке ответить на этот вопрос сталкиваются два начала: модус «трудоу» и модус «вдохновенья». Казалось бы, божественный приоритет вдохновения очевиден. Но так ли это для Пушкина?

Изначально задуманная как мистификация (в одном из списков МТ пьеса помечена как перевод с немецкого), она отсылает нас к более раннему драматическому произведению — «Сцене из Фауста» (1825) — тоже своего рода мистификации. Пушкин немецкого не знал и «Фауста» в оригинале читать не мог, однако отрывочные переводы, обсуждение трагедии в обществе и собственно средневековая легенда о Фаусте, известная поэту, не могли не оказать влияния на его воображение. Он создает фантазию, вариацию на тему Гёте. В изначальном списке «маленьких трагедий» значится также «Влюбленный бес» — задуманная поэтом интерпретация фаустианской темы. Мотивы трагедии Гёте используются поэтом «для создания собственной пространственной и смысловой модели текста» [там же, с. 13]. «Фаустианский код» Н. Васин усматривает не только в «Сцене...» и «Маленьких трагедиях», но также в «Евгении Онегине» и текстах «онегинского круга», «Борисе Годунове». При этом диалог пушкинских и гетевских текстов — не просто «смысловой и мотивный». Связан он также с особым типом героя. Исследователь отмечает «внутреннее родство героев Гёте и Пушкина: не только персонажей “Маленьких трагедий”, но и другого лица, предвосхитившего и Скупого рыцаря, и Дон Гуана, и Сальери, и Вальсингама, — Евгения Онегина, впервые явившего в русской словесности тот же тип героя, зараженного внутренним противоречием, фаустианским сомнением и демоническим скептицизмом» [там же, с. 12]. Всё это — черты самозванческие, недаром существует утверждение, что «самозванец — это русская разновидность Фауста» [2, с. 47], что соотносится с пониманием того, как «“фаустианский код” Пушкина моделирует национальный эквивалент образа Фауста, отражая многосторонний процесс вхождения произведения Гёте в пространство отечественной литературы и культуры» [5, с. 14].

Итак, оба героя «Моцарта и Сальери» — фаустианские самозванцы, хотя и совсем не русские (проблема творчества для Пушкина глобальна, а в 1830 году общечеловеческое и личное для поэта тесно связаны через эту тему и в связи с ней стоят выше национального кода, несмотря на весь интерес к нему. Не будем забывать и о том, что МТ — это аллегорическая

конструкция, для которой необходим более абстрактный код). Строится трагедия по зеркальному принципу: два героя и две сцены. Моцарт — невольный Мефистофель по отношению к Фаусту-Сальери, и Моцарт — Фауст, которому дар достался «даром». Сальери, с одной стороны, чувствует себя на фоне Моцарта самозванцем в музыке (скромный талант и трудолюбие в тени пронзительной гениальности), но, будучи искушаем завистью, ощущает самозванцем и самого Моцарта, которому гениальность якобы дается слишком легко и который не ценит ее, «недостойн сам себя». Сальери пытается поверить не только алгеброй гармонию, но и свою предполагаемую гениальность злодейством — и оказывается на него способен. Слабый талант не выдерживает искушения грехом; по Пушкину, истинный гений выше греха, и Моцарт, чуждый тщеславию, легко позволяет самозванцу — уличному скрипачу — коверкать свою музыку. При этом сам Моцарт невольно искушает Сальери просто фактом своего существования. И Сальери доходит до того, что мыслит убийство жреческой миссией, а себя — спасителем искусства, призванным остановить Моцарта (почти раскольниковская позиция). Кто же виновен в убийстве?

Есть в трагедии и еще один герой-самозванец — заказчик «Реквиема»: «Человек, одетый в черном, / Учтиво поклонившись, заказал / Мне Requiem и скрылся» [11, с. 330] — этим исходным «черным человеком» в русской литературе Пушкин походя, легко, совсем как Моцарт, заложил еще одну традицию. С одной стороны, данный образ можно трактовать как двойника Моцарта («Мне день и ночь покоя не дает / Мой черный человек. За мною всюду / Как тень он гонится. Вот и теперь / Мне кажется, он с нами сам-третей / Сидит» [там же]), предсмертную тень его музыкального автопортрета — ведь получается, что «Реквием» заказан для него самого. С другой стороны, это персонафицированный образ судьбы — всесильной и неотвратимой самозванки, как в «Повестях Белкина», на этот раз не ироничной, как, например, в «Метели», но поистине трагической (не судьба, а рок). Сальери вновь проигрывает, как будто это не он, обратив ко злу свою свободную волю, убивает Моцарта, а рок прежде него решает это сделать, превращая его в орудие, из мнимого самозванца (ведь Сальери не так уж бездарен, но не замечает этого на фоне Моцарта, который, между прочим, дает другу совсем иную оценку: «Да! Бомарше ведь был тебе приятель; / Ты для него “Тарара” сочинил, / Вещь славную. Там есть один мотив... / Я всё твержу его, когда я счастлив... / Ла ла ла ла...» [11, с. 331]) в настоящего — уже на фоне не только гения, но судьбы, рока.

Характерно, что, в подтверждение своей самозванческой позиции, Сальери всё время пытается на кого-то сослаться (Бомарше, Микеланджело и пр.), оправдывая грех и одновременно навязывая себе роль убийцы. В этом плане показательна финальная реплика героя, которой Пушкин по ряду причин завершает трагедию: «Но ужель он прав, / И я не гений? Гений и злодейство / Две вещи несовместные. Неправда: / А Бонаротти? Или это сказка / Тупой, бессмысленной толпы — и не был / Убийцею создатель Ватикана?» [11, с. 332]. Эта реплика дана не случайно, хотя вызывает вопросы (к чему рефлексия, раз дело сделано и трагедия окончена? Почему отсылка именно к Микеланджело? — и т. д.). В реплике, очевидно, дана отсылка к легенде о том, что великий Микеланджело убил натурщика, дабы правдоподобней изобразить предсмертные страдания. Но Пушкин как бы разграничивает авелеву жертву, угодную Богу (в данном случае — искусство), и каинову, греховную и Богом отвергнутую (убийство якобы во имя искусства, а на самом деле — из зависти; теория Сальери потерпела фиаско, как впоследствии —

теория Раскольникова). Таким образом, даже если Микеланджело совершает оба жертвоприношения, то они оказываются оторванными друг от друга, «гений и злодейство» не совмещаются в нем, так как одно относится к творцу, а другое — к человеку. Сальери же, по слабости своей, смешивает одно с другим. Реплика «И я не гений» раскрывает его как раба тщеславия, ведь, казалось бы, в присутствии Моцарта это было очевидным. После исчезновения идеала вновь появляются сомнения — в отсутствие солнца тяжело становится отделить свет от тьмы, ориентир исчезает, Сальери попадает в ловушку: Каин, убивший Авеля, вовсе не автоматически занимает его место, а становится изгнанником, своевольным самозванцем (а не смирившимся, добровольным, «не знающим, где главу подклонить»).

Другая причина наличия такой финальной реплики — упредить читателя от буквальной, исторической трактовки трагедии, в сюжет которой также легла легенда, очистить от подозрений реальный образ Сальери, показать, что и его преступление — всего лишь «сказка». Да и Моцарт не умирает в «кадре», а только собирается пойти уснуть — Пушкин щадит гения, его гибели в сценическом времени и пространстве не происходит.

Наконец, третья причина (в значительной мере связанная с первой), точнее, задача, которую поэт этой репликой решает, — снять саму антиномию между «убийством» и «Ватиканом», «гением» и «злодейством», «трудом» и «вдохновением». Стоит предположить, что последнее было для Пушкина чрезвычайно важно. Современникам сам он часто представлялся Моцартом, из-под пера которого с легкостью выходят одно за другим гениальные творения. В то же время существует версия, что поэт завидовал литературному успеху и самому образу жизни Грибоедова (она изложена в «Пушкинском томе» А. Битова [3]). Известно, что появление «Горя от ума» произвело на поэта сильное впечатление — заметное, несмотря на ряд высказанных критических замечаний. Это было мощным имплицитным влиянием — как будто баловень муз резко ощутил себя не-Моцартом и испугался этого ощущения. Если бы Пушкин параллельно не ощутил греха в себе самом, эта шизофреническая рефлексия не развилась бы до масштаба художественной трагедии.

Сам же Моцарт в трагедии — человек смиренный, чуждый тщеславию, труд и вдохновение он не противопоставляет («За твое / Здоровье, друг, за искренний союз, / Связующий Моцарта и Сальери, / Двух сыновей гармонии» [11, с. 331]).

В том, что Пушкин изобразил себя в образе Сальери, не сомневалась Анна Ахматова, приводившая в доказательство черновики Пушкина, отражающие «танталовы муки творчества». Она протягивала нить от «Моцарта и Сальери» к «Египетским ночам» и считала, что Пушкин в этих сочинениях противопоставлял себя Адаму Мицкевичу: «легкость, с какой сочинял Мицкевич, Пушкину была чужда» [13, с. 121].

Единство и противопоставление взаимодействуют в конструкции пушкинского текста довольно необычным образом. Так, еще Д. Благой заметил, что в «Моцарте и Сальери» очень большое место занимает монологическая форма речи, причем монолог Сальери, по мысли представляющий собой единое целое, в пьесе рассредоточен — разбит на три части [4, с. 632]. Корректно ли в принципе противопоставлять сухой рационализм Сальери легкости и живости Моцарта? «Труд и вдохновение в равной мере знакомы двум героям — как были они в равной мере знакомы Пушкину...» [13, с. 133], — отмечает И. З. Сурат.

Ближе всего к разгадке пушкинской идентификации, пожалуй, подошел Осип Мандельштам, утверждавший, что «в каждом поэте есть и Моцарт, и Сальери» (см.: [13, с. 122]). Пушкин же в творчестве сам был смыслопорождающей единицей. Об этом свидетельствует тот факт, что он часто изображал себя в образе своих героев на полях рукописей. Моцарт и Сальери в его пьесе не столько две творческие ипостаси автора (Пушкин не противопоставлял трудов и вдохновенья), сколько две стороны цельной личности; здесь разыгрывается трагедия, изложенная на бумаге и поэтому не случившаяся с ним самим.

Существует очевидная связь между склонностью Пушкина к автопортретированию, его тяготением к игре, мистификаторству, маскам — и его приверженностью к теме самозванчества. Пушкин — тоже русский Фауст, но Фауст, не поддавшийся Мефистофелю. Ему органически присуще свойство автоперекодирования, игровое сознание — но единственным образом, пригодным к совпадению с ним, оказался его собственный. Пушкин жаждал семиотического замещения², но в силу своего таланта у него не нашлось для совпадения и замещения величины больше, чем он сам. Поэт прошел путь от замысла самого себя («Исполню ли? Бог весть» [10, с. 485]) через осознание исключительности и ответственности за свой дар («Пророк»); распавшаяся, распределяя свои черты и мысли в образы героев, Пушкин собирает каждое произведение с помощью конструкции, пока вновь сам не соберет себя воедино уже не в романтическом варианте, но в вершинном «Каменноостровском цикле», во многом лишенном автопортретности. Место Бога в художественных парадигмах Пушкина определяет характер этих парадигм (эволюция от байронического противопоставления и восприятия власти Бога как враждебной к христианскому смирению). Характерно, что в качестве «эпицентра» Каменноостровского (великопостного) цикла может быть выбрано практически любое из входящих в него стихотворений. В зависимости от этого будет меняться ракурс восприятия всего цикла, но его тональность всё равно останется христианской. С точки зрения автопортретности центрально пушкинское переложение (чрезвычайно точное) молитвы Ефрема Сирина, в которой на место творца (автора) становится молящийся субъект. Подобная обращенность предполагает а) замену монологической формы диалогической; б) смещение акцента в сторону сознания собственной греховности. Показательно, что в рукописи стихотворение сопровождается уже не автопортретом, но изображением Ефрема Сирина в темнице (нетипичный для Пушкина общий план «в интерьере» на фоне окна темницы вверху стены).

Автопортретом для христианского сознания является уже не субъект, а образ, к которому он восходит и обращается. Этому сознанию всегда сопутствует сопоставление своей несовершенной и искаженной природы с исходным образом, по которому был сотворен человек. Подобное восприятие предполагает только иконологический автопортрет, но никак не картинологический. Именно к этому приходит Пушкин в итоге своих исканий.

---

² Автопортреты в образе Данте, арапа, попытки фантазии на тему «Фауста», амбивалентное восхищение образам Петра Первого, литературные маски и мистификации; автор, Татьяна, Онегин и Ленский (как минимум) — бесспорные образцы частичного функционального автопортретирования. Пушкин создает произведение на основе дифференциации своего характера и дробления / обобщения своего опыта, и это самопознание-самоопределение — движущая сила творчества.

Список литературы

1. *Андреев И. Л.* Анатомия самозванства // Наука и жизнь. 1999. № 10. С. 110—117.
2. *Андреев И. Л.* Самозванство и самозванцы на Руси // Знание — сила. 1995. № 8. С. 46—57.
3. *Битов А. Г.* Пушкинский том: статьи. М.: АСТ, 2014. 410 с.
4. *Благой Д. Д.* Творческий путь Пушкина (1826—1830). М.: Советский писатель, 1967. 724 с.
5. *Васин Н. С.* Семантическое поле фаустианских реминисценций в творчестве А. С. Пушкина // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 360. С. 11—14.
6. *Лотман Ю. М.* В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь: Кн. для учителя. М.: Просвещение, 1988. 352 с.
7. *Лукьянова С. М.* Автопортрет как «икона» и как «картина»: к вопросу о семиотике жанра // 80-летие елецкой филологии: материалы Международной научной конференции. 2019. С. 180—190.
8. *Мауль В. Я.* Лжедмитрий I: телесный код как культурный маркер самозванца // Мининские чтения: сб. науч. трудов по истории Восточной Европы в XI—XVII вв. Нижний Новгород: Кварц, 2011. С. 19—40.
9. *Поддубная Р. Н.* Двойничество и самозванство // Достоевский: Материалы и исследования. Т. 11. СПб.: Наука, 1994. С. 28—40.
10. *Пушкин А. С.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. Стихотворения 1814—1822. М.: ГИХЛ, 1959. 643 с.
11. *Пушкин А. С.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 4. «Евгений Онегин». Драматические произведения. М.: ГИХЛ, 1960. 598 с.
12. *Сергеева Т.* «Пиковая дама»: что снится человеку... (Из опыта обращений русских режиссеров к пушкинской повести) // Киноведческие записки. 1999. № 42. URL: <http://www.kinozapiski.ru/ru/article/sendvalues/793/> (дата обращения: 20.09.2021).
13. *Сурат И. З.* Мандельштам и Пушкин. М.: ИМЛИ РАН, 2009. 386 с.
14. *Тульчинский Г. Л.* Самозванство, массовая культура и новая антропология // Человек. 2008. № 1. С. 43—58.
15. *Усенко О. Г.* Самозванчество на Руси: норма или патология? II. Самозванство // Родина. 1995. № 2. С. 69—72.
16. *Успенский Б. А.* Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. I: Семиотика истории. Семиотика культуры, 2-е изд., испр. и доп. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 142—183.

УДК 821.133.1
ББК 83.3. (4)
DOI: 10.46726/Н.2021.4.4

К. П. Османова

ПРОБЛЕМА КРИЗИСА ЯЗЫКА В «ПРИЗНАНИИ» АРТЮРА АДАМОВА

Статья содержит анализ взглядов французского писателя Артюра Адамова (Arthur Adamov, 1908—1970) на проблему языка, отразившихся в его автобиографической книге «Признание» (“L’Aveu”, 1946). Предпринимается попытка определить место и значение языковой рефлексии Адамова как в идейном сюжете его книги, так и в эстетической парадигме эпохи модернизма. «Упадок языка» рассматривается Адамовым как результат процесса деградации и десакрализации культуры, признак утраты существенных связей и ценностных ориентиров. Современный язык есть, согласно Адамову, живой организм, страдающий двойственностью и брэнностью, лишённый универсальности и рельефности. Но иных средств самовыражения, которые могли бы язык заменить, человек не знает, и, обречённый на немощь, испытывает настоятельную необходимость в его всестороннем переосмыслении и обновлении. Исходя из этой необходимости, Адамов обращается к этимологии, древней науке об истинном значении слов, и развивает ряд идейных мотивов, раскрывающих связь проблемы языка с онтологическими и этическими принципами. Таковы мотивы экзистенциального одиночества и его преодоления, вневличностной вины и возвращения к мифологическим корням культуры. Впервые намеченные в «Признании», они вскоре обретают полнозвучное звучание в драматургии Адамова, определившей тот новый тип западноевропейского театра, который вошёл в историю двадцатого века под именем «театра абсурда».

Ключевые слова: Адамов, десакрализация, кризис языка, мотив письма, этимология.

К. P. Osmano

THE PROBLEM OF THE LANGUAGE CRISIS IN “THE CONFESSION” BY ARTHUR ADAMOV

The article contains an analysis of the views of the French writer Arthur Adamov (1908—1970) on the language problem, reflected in his autobiographical book “The Confession” (“L’Aveu”, 1946). An attempt is made to determine the place and meaning of Adamov’s linguistic reflection both in the ideological plot of his book and in the aesthetic paradigm of the modernist era. “The decline of language” is considered by Adamov as a result of the degradation and desacralization of culture, a sign of the loss of essential connections and value orienting points. Modern language is, according to Adamov, a living organism, suffering from duality and frailty, devoid of universality and relief. However, a human being does not know other means of self-expression that could replace language, and, doomed to dumbness, feels an urgent need for its comprehensive rethinking and renewal. Proceeding from this need, Adamov turns to etymology, the ancient science of the original meaning of words, and develops a number of ideological motives that reveal the connection between the language problem and ontological and ethical

principles. These are the motives of existential loneliness and its overcoming, extrapersonal guilt (“the fault of all men everywhere and forever”) and a return to the mythological roots of culture. First outlined in “The Confession”, they soon take on a full-fledged sound in Adamov’s drama, which defined the new type of Western European theater that went down in the history of the twentieth century under the name of “the theater of the absurd”.

Key words: Adamov, desacralization, etymology, language crisis, motif of writing.

В истории драмы абсурда Артюра Адамова (Arthur Adamov) играет роль, сопоставимую по масштабу с ролью Сэмюэля Беккета (Samuel Beckett) и Эжена Ионеско (Eugène Ionesco). По мнению Мартина Эслина (Martin Esslin), крупнейшего исследователя театральных процессов, Адамов был «мыслителем», который «сформулировал эстетику абсурда» [4, с. 95]. Однако, при всей неоспоримости значения фигуры Адамова для западноевропейского авангарда, особенности творческого метода Адамова-абсурдиста изучены недостаточно. За год до появления на свет первой пьесы Адамова «Пародия» (“La Parodie”, 1947) в парижском издательстве «Стрелец» (“Sagittaire”) выходит автобиографическая книга Адамова «Признание» (“L’Aveu”) — исповедь сына двадцатого века, беспрецедентная в своей беспощадной откровенности. Именно «Признание» даёт возможность ознакомиться с убеждениями автора, его образом мыслей, представлениями о времени, о действительности, о себе и отыскать ключи, которые помогут осуществить анализ художественного мира Адамова. Одним из таких ключей, бесспорно, является язык и своеобразная философия языка, разработанная Адамовым на страницах «Признания».

Под названием «Признание» объединены автобиографические сочинения Артюра Адамова, созданные в разное время, а конкретно — в период с 1938 по 1943 годы, и дающие представление о жизни и личности автора. Книгу «Признание» составляют следующие тексты: «Что существует» (“Ce Qu’Il Y A”, 1938), «Бесконечное унижение» (“L’Humiliation Sans Fin”, 1939), «Время позора» (“Le Temps de l’Ignominie”, 1939—1940), «Кошмарный дневник» (“Journal Terrible”, 1939—1943), а также «Предисловие» (“Introduction”, 1943)¹.

Одной из главных проблем, поднятых Адамовым в «Признании», становится проблема языка. Адамов вплетает в ткань повествования яркую метафору: язык представляется ему огромным деревом, корни которого пущены не в землю, а в небо — то есть неким «гигантским перевёрнутым организмом» [5, р. 16]. Именно поэтому, комментируя свои языковедческие изыскания, Адамов употребляет фразу «вознестись к священным началам» (“remonter aux sources sacrées”): «Я принялся без усталости изучать корни того дерева, коим является утраченный язык. Я старался вознестись к священным началам...» [5, р. 15]. Автору близок этимологический подход. Этимология, по убеждению Адамова, способна вывести человека на качественно иной уровень осмысления действительности: «Я продолжаю ждать от этимологии непреходящих откровений» [5, р. 15]; «всякий раз, когда мог, я исследовал происхождение слов» [5, р. 15]. Писатель ищет истоки слов так же истово, скрупулёзно, как ищет истоки человеческого страдания. Для Адамова поиск источников происхождения слов есть процесс восхождения, конструирования

¹ Здесь и далее перевод текстов Артюра Адамова мой. — К. О.

внутренней вертикали, выработки способов объяснения законов этой Вселенной, а значит, построения пути к смыслу, то есть — попытка «воскрешения смысла» (“la ressuscitation du sens du sacré”) [5, p. 109].

Однако во «Времени позора» появляется примечательный абзац: «Дабы воскресить в этой тьме смысл священного, необходимо, чтобы всё, что таким именуется, вписывалось в тайную реальность, которая бы это священное охватывала, которая бы его символизировала. Необходимо, чтобы каждое слово, даже в самом низком значении, всё ещё было бы отмечено печатью своего наивысшего смысла. Но это более невозможно» [5, p. 109]. Таким образом, Адамов декларирует невозможность воскрешения смысла в современном мире — в силу того, что человек утратил связь с той самой реальностью, обладающей способностью символизации священного. Десакрализация языка и шире — десакрализация смысла становится характерной чертой времени, в котором живёт Адамов, и, как следствие, характерной чертой художественного мира, который Адамов создаёт. Констатация факта десакрализации звучит из уст Адамова не единожды, и мучительному постижению этого явления посвящены многие страницы «Признания».

К заключению об искажении, крушении и невозобновимости священного Адамов приходит в том числе и через обращение к латинскому слову “sacer”. Он считает, что современному человеку более не доступен смысл, связывающий «всё со всем», и доказательством этой смыслоутраты (в данном случае — религиозной) служит «полное забвение значения слова “sacer”» [5, p. 12]. В этом пассаже у Адамова уже звучит понятие «смерть смысла» (“la mort du sens”), оказывающееся фундаментальным для абсурдистов. Адамов беспепелляционно определяет слово “sacer” как «непереводимое» (“intraduisible”), соединяющее «два основополагающих и противоречащих друг другу аспекта неприкосновенного» [5, p. 12]. Адамов имеет в виду, что слово “sacer” вмещает в себя значения антонимические: благословения («священный», «внушающий благоговейное уважение») и проклятия («проклятый», «гнусный») [2, с. 891]. И так же, как одно слово может называть два контрадикторных явления, человек способен соединять в себе святость и грех, высоту духа и позор плоти. Это обострённое чувство собственной двойственности и «непереводимости» мучило Адамова до конца жизни. Об этой двойственности — как слова, так и человека — и размышляет герой «Признания».

Адамов утверждает, что современный человек разучился молиться настоящему, а потому употребление самого слова «Бог» (“Dieu”) кажется Адамову фарсом. «Имя Бога не должно впредь срывать с уст человеческих» [5, p. 44]. Адамов полагает, что слово это изношено, затёрто настолько, что перестало иметь какое-либо значение, оно «лишено всякого смысла, всякой крови» [5, p. 44], а слова начала молитвы, которое всегда представляет собой обращение к Богу («Господи!», «Мой Бог!» и т. д.), «навсегда осквернены» [5, p. 45]. По мнению Адамова, использовать слово «Бог» сейчас, в это «время позора», есть «больше, чем проявление лениности, — это отказ мыслить, способ ускориться, какая-то гнусная стенография» [5, p. 45]. Бога больше не должно быть даже формально — как слова в любом словаре.

Тем не менее, молитва подразумевает воззвание, название. Ставя вопрос «Кому молиться?», Адамов делает попытки найти ответ. Он призывает на помощь потенциал языка и пробует дать названия предположительному адресату молитвы: «первооснова» (“le premier principe”), «покой, рождающий

движение» (“le moteur immobile”), «безусловный свет» (“l’astre absolu”) [5, р. 45], однако осознаёт всю курьёзность подобных экспериментов.

Одним из языковых вопросов, обладающих для Адамова предельной важностью, становится вопрос невыразимости. «Кроме того, хорошо бы уметь выразить всё то, что существует» [5, р. 33]. Адамов чувствует — и его практика подтверждает справедливость иррациональных опасений — что язык, при всей своей уникальности как организма, не является универсальным инструментом для выражения человеком самого себя. И сказанное, и написанное, по представлению Адамова, не имеет бессрочной ценности, и это есть драма для носителя языка. Существовая некоторое время как эквивалент (вероятно, всё же неполный) переживанию внутреннему, слова постепенно утрачивают свою актуальность, а главное — точность. Всё названное рано или поздно требует быть переименованным (даже «Бог»); всё написанное рано или поздно требует быть переписанным — и в этом смысле фраза, звучащая лейтмотивом в «Признании»: «Всё нужно начинать заново», относится и к взаимоотношению человека со словами.

Адамова беспокоит недолговечность словесных формулировок. Первый абзац «Предисловия» таков: «Я долго трудился над этими страницами. Но если бы я начал писать их заново, то выразил бы себя совершенно иначе» [5, р. 9]. На последней странице «Предисловия» читатель обнаружит ссылку, поясняющую: «Я написал вступление к этой книге в 1943 году, и оно уже — не есть выражение моей мысли. Следовало бы написать новое, однако мне недостаёт смелости: отступления в прошлое меня пугают» [5, р. 16]. Три года, прошедшие между написанием «Предисловия» и выходом «Признания», — срок, достаточный для того, чтобы текст утратил свою сообразность авторским представлениям. Адамов придерживается следующей точки зрения: работа с текстами никогда не может быть закончена по-настоящему; она заведомо невыполнима; она устроена по принципу бесконечности. Действия человека, обречённого на тексты, есть квинтэссенция тщетности. Адамов определённо ретранслирует греческий миф, актуализированный Альбером Камю (Albert Camus) в философском эссе «Миф о Сизифе» (“Le Mythe de Sisyphe”), которое впервые было опубликовано в 1942 году. Как бы усердно герой не закатывал камень на вершину горы — камень этот непременно сорвётся: «Боги не без оснований полагали, что нет кары ужаснее, чем нескончаемая работа без пользы и без надежд впереди» [3, с. 137].

Текст едва ли бывает равен — и равен перманентно — той вселенной, или даже «части вечности», которую автор имел намерение выразить. Имманентным свойством текста Адамов считает его принципиальную брэнность. Тяжёлым испытанием для автора, особенно — для автора, выбравшего исповедальную интонацию, является преодоление (и преодоление безуспешное) пропасти между тем, что должно быть сказано, и тем, что сказано на самом деле. «Уразумев свой провал, отчаявшись от осознания разрыва между моим настоящим образом мыслей и тем, что эта книга выражает, я почти отрёкся от неё» [5, р. 10]. Необходимо подчеркнуть, что этот разрыв (“écart”), а точнее — его переживание, есть, в том числе, результат наследования традиции французской романтической литературы. Неизъяснимость духовной составляющей жизни заявляется романтиками как беспорная. Все оттенки и нюансы внутреннего мира человека невыразимы в полной мере; абсолютная эквивалентность между чувством и словом, его выражающим, между мыслью и словом, её выражающим, недостижима. Замысел всегда удалён от своего

воплощения, а иногда и чужд ему. Проблема разрыва между внутренним и внешним, проблема невыразимости и шире — невозможности реализации идеи завершенности во всём, что связано с текстами, — отразится и в ранней драматургии Артюра Адамова, в частности, в пьесе «Вторжение» (“L’Invasion”, 1949).

Адамов делает акцент на отчётливой для него как для автора схожести людей и слов («Слова подчиняются общему закону» [5, p. 30]): и те, и другие не обладают бессмертием и очень уязвимы; настаивает на том, что у слов есть плоть — «кровоточащая» (“saignante”), «беззащитная» (“sans défense”) [5, p. 45]; сообщает, что слова, как и люди, чувствительны ко лжи и способны страдать, слова стареют, болеют, какие-то оправляются после болезни, а какие-то — неизлечимы. Такое пристальное внимание к природе слов впоследствии проявят и персонажи пьес Адамова. Так, например, у Пьера во «Вторжении» появится исключительная цель: уразуметь такие характеристики слов, как «вместимость» (“volume des mots” [6, p. 86]) и «зыбкость плоти» (“corps mouvant des mots” [6, p. 86]). Поэт у Адамова — «тот, кто использует слова не столько затем, чтобы обнаружить их непосредственный смысл, сколько затем, чтобы заставить слова выдать то, что скрывает их молчание» [5, p. 15]. В связи с этим интересно наблюдение Эжена Ионеско, который в эссе «Почему я пишу» (“Pourquoi est-ce que j’écris?”, 1976) вспоминает своё детство: «...я сознавал... <...> ...что живу в счастье, в радости и что каждый момент — полнота бытия, хотя я не знал слов полнота бытия» [1, с. 355]. За непроизнесёнными — по незнанию ли, по умыслу ли — словами всегда есть тайна, требующая почти жреческого отношения.

Концепт «утрата», являющийся одним из основных для философии абсурда, многоаспектен. Он включает в себя значение утраты языка, выводящее к пониманию масштабной утраты смысла как такового. Так, например, Эжен Ионеско красноречиво называет свою заметку «Трагедия языка» (“La tragédie du langage”) [7]. Адамов в «Признании» использует словосочетания «утраченный язык» (“le langage perdu”) [5, p. 15], «упадок языка» (“la déchéance du langage”) [5, p. 16]: «...упадок языка может заставить человека понять, что в природу всякого языка заложены хрупкость и двойственность, и, в то же время, инициировать попытки человека от этого языка — освободиться» [5, p. 16].

Во «Времени позора» Адамов обращается к истокам и рассуждает о том, с какой целью изначально был придуман человеческий язык, по какой причине он возник: «Язык был создан для того, чтобы прославлять (“glorifier”), чтобы выражать (“énoncer”), а вовсе не чтобы обвинять (“dénoncer”)» [5, p. 105]. «Временем позора» Адамов нарекает, разумеется, современность. Эта часть «Признания» начинается с лапидарного определения того, что такое позор, — по версии Адамова, это то, что не имеет имени, «невыразимое» (“l’innommable”) [5, p. 105]. Дать чему-либо или кому-либо название, имя представляется Адамову сложнейшей задачей, поскольку слова в двадцатом веке более не способны выполнять свои прямые функции — прославлять (воспевать) и выражать (излагать).

В «Что существует» Адамов уже затрагивал эту тему, сокрушаясь об «упадке языка» (“la déchéance du langage”): «Упадок языка в наше время есть мера нашего позора» [5, p. 31]. Великая ночь, на которую обречено человечество, безжалостно язык поглощает: «В ночи всё расплывается, нет больше ни имён, ни форм» [5, p. 46]. Упадок языка, без сомнений, становится для Адамова важнейшей характеристикой эпохи.

Адамов оплакивает то состояние, в котором находится язык, так, словно оплакивает человека. «Прискорбно думать об исковерканной судьбе большинства слов, об ужасающей утрате смысла, которая их постигла... теперь они не более, чем призраки самих себя» [5, р. 30—31]. Адамов констатирует смысловую утрату (“*déperdition de sens*”), оценивает её масштаб, однако не видит альтернативы, не представляет себе, чем можно язык заменить: «Тем не менее, слова — последнее средство спасения в этом угасающем мире» [5, р. 31].

Для Адамова поэт в первую очередь — творец наименований, называтель. В этом Адамов видит высшую миссию поэта — «назвать каждую вещь её именем» [5, р. 106]. Поэт есть ономотет (от др.-греч. ὀνοματοθέτης — создатель или творец наименований). Именно посредством наречения всякой вещи верным именем достижимо раскрыть, обнаружить «тайный дух» (“*l'esprit caché*”) этой вещи. Важнейшая интонация этой авторской исповеди — номинативная. Очищение невозможно без вербализации: внутреннее содержание обретает некую словесную форму; предметы и явления внешнего мира («вещи») получают свои имена.

В «Бесконечном унижении» Адамов разбирает слово “*exister*” («существовать»). Для него такое занятие не просто лингвистическое упражнение. Язык помогает Адамову найти ответы на волнующие философские вопросы, через язык ему удаётся хотя бы отчасти постичь замысел того, кого уже нельзя называть «Богом». «Я утверждаю, что разбора по составу одного только слова «существовать» (“*exister*”) достаточно, чтобы объяснить неизменное несчастье бытия человеческого. Приставка “*ex-*” подразумевает идею движения, которое направлено изнутри — наружу. «Существовать» означает — находиться вне себя. Только потому, что существует, — человек уже изгнан, следовательно, помещён за пределы» [5, р. 70]. Значение морфемы инспирирует ощущение наказания человека посредством вытеснения за привычные границы.

Адамов оповещает как о том, что болен, так и о том, что болезнь его управляется чувством вины. Он пишет свою исповедь для того, чтобы искупить вину: «Спасения нет; я должен искупить вину, которая, кажется, пала на самую мою плоть» [5, р. 56]. Именно поэтому пристального рассмотрения удостоивается и слово “*faute*” («вина»). Адамов пишет, что оно двукомпонентно: с одной стороны, в нём можно распознать “*faillie*” (от “*faillir*” — «недоставать» [2, с. 147—148], то есть выражение идеи отсутствия); с другой — “*fall*” (германского происхождения — «падать», «рушиться», то есть выражение идеи падения). Следовательно, утверждает Адамов, «вина есть отсутствие и падение, которые как раз и являются ужасными признаками сепарации» [5, р. 57].

И это не досужие филологические изыски — такой метод помогает Адамову сформулировать идею внеличностной вины, вины, не закреплённой за отдельным человеком. Адамов пишет так: «...эта вина в конечном счёте не является моей виной, она выходит за пределы меня, она — огромней, чем недуг, который живёт внутри меня. Я хочу явить эту истину как неизбежную, отравляющую: всякая частная вина, всякое персональное чувство вины, осознаёт ли виновный это или нет, выходит за пределы личности самого виновного, чтобы навсегда стать виной всеобщей, виной всех на свете — великим изначальным нарушением, которое именуется сепарацией» [5, р. 56—57]. Позже Ионеско в своём «Дневнике кусочками» (“*Journal en miettes*”, 1973) озвучит идею всечеловеческой совместности: «Здесь происходит глубинное сближение, здесь выход к отождествлению с другими» [1, с. 369].

Искупление вины у Адамова напрямую связано с мотивом письма. «Писать, я должен писать, любой ценой, несмотря на всё и вся. Ибо если я перестану писать — всё рухнет» [5, р. 26]. Недуг следует высвободить, исторгнуть из себя не только посредством произнесения, так называемого выговаривания (для Адамова подобное действие носит характер миссии: «Я считаю, что мне одному суждено сказать это» [5, р. 159]), но и посредством записывания. В «Что существует» Адамов употребляет словосочетание «внутреннее пространство» (“l’espace intérieur”) [5, р. 27]. Письменная фиксация содержания этого пространства имеет для Адамова терапевтический эффект.

Один из самых сильных страхов, явленных Адамовым в «Признании», — страх утраты написанного. Шестая часть «Кошмарного дневника» начинается словами: «Я потерял все листы, на которых торопливо фиксировал свои беспокойные мысли, — всё, что написал за последнее время» [5, р. 134]. И далее: «Эта потеря представляется мне знаком судьбы и пугает меня» [5, р. 134]. Адамова страшит не столько перспектива восстановления текстов, сколько сам факт потери. Утрату бумаг Адамов трактует как человек, для которого письмо служит одним из способов преодоления недуга, она означает «потерять иллюзию психической устойчивости, лишиться единственной защиты... перед хаосом и безумием» [5, р. 134]. Письмо не даёт окончательно сорваться в пучину помешательства. В данном случае “Cogito, ergo sum” Рене Декарта трансформируется в “Scribo, ergo sum” исповедующегося Адамова, который, отдавая себе отчёт в том, что его собственный внутренний мир не обладает такой характеристикой как стабильность, истово ведёт записи, обретая в этой одержимости краткое мнимое успокоение.

Мотив письма окажется важен и для ранней драматургии Адамова. Герои его пьес так или иначе будут иметь дело с носителями текстов: документами, конспектами, записными книжками, тетрадами, листками и клочками бумаги и т. д. Например, расшифровка и толкование записей умершего друга превращаются в миссию для Пьера во «Вторжении». Профессор Таранн в одноимённой пьесе постоянно носит с собой записную книжку; он объясняет полицейскому: «Я туда записываю все мысли, которые приходят мне в голову в течение дня, мысли, которые я впоследствии развиваю...» [6, р. 228]. Зенно в пьесе «Все против всех» надиктовывает ужасающие своей формальностью предложения, и Мари, как и Агнес во «Вторжении», печатает их на машинке. Мотив письма есть эффективный компонент, с помощью которого Адамов конструирует свой театр абсурда.

Таким образом, в эстетике Адамова язык наделяется исключительным значением, становясь важнейшим инструментом для понимания бытия. Результативным Адамов считает подход этимологический — выявление происхождения слова есть обязательная ступень к постижению мироустройства, где человек обнаруживает себя изгнанником, существующим вне собственных пределов. Заявляя о неизбежности смерти смысла и невозможности его воскрешения, автор определяет современность как масштабный процесс десакрализации. Ключевыми характеристиками языка по Адамову оказываются *двойственность*: человек стремится избавиться от языка, но в то же время не обладает никакими другими инструментами для самовыражения и самопознания; *временность*: любое языковое решение в конечном счёте требует перерешения; а также *неуниверсальность*, выводящая к вопросу принципиальной невыразимости внутреннего содержания говорящего и пишущего средствами любого языка. Адамов размышляет о поэте как об ономатете,

о языке как о живом организме, а о тексте как об искусстве раскрытия тайны и установления верного имени всякого явления. Мотив письма инспирирует Адамова на построение концепции всеобщей вины. В своей исповеди Адамов выкристаллизывает идею, свойственную эпохе: идею упадка и последующей утраты всего самого ценного, и особенно — языка. Языкоутрата и Богоутрата как части глобальной смыслоутраты есть суть трагического двадцатого века, в середине которого и появляется драма абсурда, чью поэтику Адамов начал разрабатывать на страницах «Признания».

Список литературы

1. *Бибихин В. В.* Слово и событие. Писатель и литература. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. 416 с.
2. *Дворецкий И. Х.* Латинско-русский словарь. Около 50 000 слов. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Русский язык, 1976. 1096 с.
3. *Камю А.* Миф о Сизифе. Калигула. Недоразумение: сборник: пер. с фр. М.: АСТ: Астрель: Полиграфиздат, 2010. 317 с.
4. *Эсслин М.* Театр абсурда / пер. с англ. Г. Коваленко. СПб.: Балтийские сезоны, 2010. 528 с.
5. *Adamov A.* L'Aveu. Paris: Sagittaire, 1946. 162 p.
6. *Adamov A.* Théâtre I. Paris: Gallimard, 2011. 242 p.
7. *Ionesco E.* Notes et contre-notes. Paris: Gallimard, 1962. 262 p.

ББК 83.3(2=411.2)6
УДК 82-31
DOI: 10.46726/И.2021.4.5

В. А. Павлычев

РЕАЛИЗАЦИЯ ФОТОГРАФИЧЕСКОГО ПРИНЦИПА В МАЛОЙ ПРОЗЕ Л. ДОБЫЧИНА: СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье предпринимается попытка осмыслить поэтику Л. Добычина через методологическое соотнесение с искусством фотографии. На примере малой прозы Л. Добычина рассматривается общее композиционно-семантическое устройство текста. Некоторые аспекты поэтики текстов Л. Добычина могут быть соотнесены с базовыми философскими принципами, формирующими фотографическое искусство. Дискретность композиции и имплицитность художественных образов, формирующих текст, остраивают читательское восприятие и актуализируют необходимость в замедленном, вдумчивом чтении. Однако вне определенной методологической установки, позволяющей комплексно описать и объяснить уникальность стиля Л. Добычина, читательский опыт может оставаться поверхностным. В качестве такой методологической установки может выступать принцип фотоснимка, способный запечатлеть вещи в их статическом состоянии, лишенном потенциала к динамическому развитию. Этот принцип применяется как к композиционной структуре малой прозы Л. Добычина, так и к субъектно-объектным моделям, формирующим ее семантическое, внутреннее устройство. Несмотря на неоднозначность интерпретаций, к которым приводит данное методологическое сопоставление, оно всё же может частично объяснить уникальность поэтики Л. Добычина.

Ключевые слова: Добычин, фотография, остранение, малая проза, субъектно-объектные отношения.

V. A. Pavlychev

REALIZATION OF THE PHOTOGRAPHIC PRINCIPLE IN L. DOBYCHIN'S SHORT PROSE: STRUCTURAL AND SEMANTIC ASPECT

The article attempts to comprehend the poetics of L. Dobychin through methodological correlation with the art of photography. Using the example of L. Dobychin's short prose, the general compositional and semantic structure of the text is considered. Some aspects of the poetics of L. Dobychin's texts can be correlated with the basic philosophical principles that form the photographic art. The discreteness of the composition and the implicitness of the artistic images forming the text detract from the reader's perception and actualize the need for slow, thoughtful reading. However, outside of a certain methodological principle that allows to comprehensively describe and explain the uniqueness of L. Dobychin's style, the reader's experience may remain superficial. As such a methodological installation, the principle of a photograph can act, capable of capturing things in their static state, devoid of the potential for dynamic development. This principle applies

both to the compositional structure of L. Dobychin's short prose and to the subject-object models forming its semantic, internal structure. Despite the ambiguity of the interpretations to which this methodological comparison leads, it can still partially explain the uniqueness of L. Dobychin's poetics.

Key words: Dobychin, photography, estrangement, defamiliarization, small prose, subject-object relations.

В статье «Литература и кинематограф» В. Б. Шкловский пишет: «Мы живем в бедном и замкнутом мире. Мы не чувствуем мира, в котором живем, как не чувствуем одежды, которая на нас одета. <...> Мир ушел из нашего видения, мы имеем только узнавание вещей. Мы не говорим друг другу “здравствуйте”, мы говорим “...асте”. Весь мир, через который мы проходим, дома, нами незамеченные, стулья, на которых мы сидим, женщины, с которыми мы ходим под руку, говорят нам “..... асте”» [5, с. 4]. Это наблюдение представляется ценным не только в качестве общефилософской установки, описывающей гипотрофию вовлеченности современного человека в действительность, но и в качестве конститутивного принципа, который фиксирует важную особенность поэтики Л. Добычина, а именно — предельную дискретность как повествования, так и образов, формирующих текст.

Процитированный фрагмент статьи Шкловского предваряет дальнейшие рассуждения об остранении — о необходимости присвоения знакомым вещам новых номинаций и новых смысловых перспектив, способных вырвать эти вещи из автоматизма восприятия. В этом смысле поэтика Л. Добычина представляется чем-то противоположным: образы его текстов будто бы нарочито уплощены и опредмечены, доведены до предельной степени инерционного воспроизведения, которое, по Шкловскому, являлось бы антиэстетическим нарушением, умаляющим силу воздействия объекта искусства на реципиента. Однако по некоторым причинам такая особенность добычинских текстов воспринимается читателем как мощнейший острабяющий механизм, не просто переназывающий и препарирующий привычные вещи, но будто бы трансформирующий саму их сущность.

Такая нетипичная, почти парадоксальная ситуация, может быть обусловлена, помимо прочего, внутренней структурой малой прозы Л. Добычина. В науке уже предпринимались попытки описать уникальность поэтики Добычина через сравнение ее композиционного устройства с искусством кино. Выводы, к которым приходит Ф. Федоров в своей статье [4], посвященной данной проблеме, представляются довольно убедительными, однако методологический потенциал этой интерпретации, как нам кажется, не исчерпан. В своей дискретности и разобщенности образов, прозу Добычина было бы так же уместно осмыслить через искусство фотографии, художественный потенциал которой уже в эпоху Добычина выглядел неоспоримым.

Принципиальное отличие фотографии от кинематографа как вида искусства состоит, в первую очередь, в способах взаимодействия с временем как таковым. Если кинематограф распознает и использует время в его непосредственной сущности¹, то фотография как такового времени не имеет.

---

¹ Заметим, что в данном случае монтаж не играет особой роли: даже если кинофрагменты представлены не в последовательной хронологии типа $A \rightarrow B \rightarrow C$, а в хронологии, скажем, $B \rightarrow C \rightarrow A$, они всё равно подчинены самой онтологической сущности времени, и развертываются на экране перед зрителем в течение определенного хронологического отрезка.

Е. В. Васильева определяет позицию времени в фотографии через ряд очень точных сентенций. Вот, на наш взгляд, самые важные из них: «Фотография представляет время законченной конструкцией — снимок есть *итог* фрагмента актуального времени. Фотография эсхатологична — она всегда рассказывает о завершённом, представляет *конечность* главным атрибутом происходящего, называет временем только то, что завершено. <...> Любая фотография — событие. *Кадр не локализует происходящее во времени*» (курсив мой. — В. П.) [1, с. 70].

Говорить, что литература как искусство в осмыслении времени сближается с фотографией, было бы не совсем корректно. Даже в самых экспериментальных своих формах, каждый конкретный текст не лишен хронологических координат. Особенно это касается эпоса (пусть и дискретного), в котором субъект и объекты, окружающие его, так или иначе существуют и развиваются в заданном временном промежутке. Даже простое перемещение героя из точки А в точку В задействует необходимый для этого процесса хронологический потенциал. Такой же логике подчиняются и все остальные субъектно-объектные взаимоотношения внутри текста.

Малая проза (говорить далее будем только о ней, не касаясь романов) Л. Добычина и опровергает, и подтверждает этот тезис одновременно. Действительно, субъектно-объектные отношения в рассказах помещены в хронологические сегменты и неизбежно развертываются во времени. Однако еще одним существенным признаком, отличающим фотографию от кинематографа, помимо собственно времени, является понятие *динамики*. Под ней, в произвольной форме, предлагаем понимать всякую имплицитную и эксплицитную возможность и непосредственную реализацию *движения* в самом широком смысле — будь то изменения, произошедшие в сознании или жизни героя за отведенный кинолентой отрезок времени, или же какое-либо движение героев/объектов/образов киноленты навстречу друг другу и т. п. Разговор о подобной динамике неизбежен в случае, если мы говорим о кино, но он совершенно избыточен и невозможен применительно к искусству фотографии. Наряду с незнанием времени, фотография также обречена на незнание динамики: образы, запечатленные на фотоснимке, не способны к развитию и переменам, они зафиксированы в своей данности и, возвращаясь к словам Е. В. Васильевой, представляют «итог фрагмента актуального времени» [1, с. 70].

У Добычина мы можем наблюдать нечто сходное: при внешнем сохранении динамики повествования и заданной композиционной структурности, эти *внешние* элементы слабо коррелируют с *внутренним* наполнением текста. Герои его рассказов не изменяются и не развиваются во времени или пространстве, а их положение в тексте сводится к некоему симулятивному присутствию, подобно жизни, которое уместнее было бы назвать существованием, чем жизнью в привычном смысле слова.

Продемонстрируем на примере:

«Селезнева заперла калитку и <...> отправилась.

Предчувствовалась оттепель. Деревья были черны. Огородные плетни делили склоны горок на кривые четырехугольники.

Дымили трубы фабрик. Новые дома стояли — с круглыми углами. <...>

Репейники торчали из-под снега. Серые заборы нависали» [2, с. 64].

Перед нами ряд пейзажных композиций, разрозненных пространств, присутствие которых в тексте продиктовано перемещением героя между ними («Селезнева заперла калитку и <...> отправилась»). Заметим, что повествование в рассказе ведется от третьего лица, и номинально субъектом повествования является сторонний наблюдатель, рассказчик. Однако фактический субъект действия — именно Селезнева, перемещающаяся между различными пространствами. Таким образом, принцип отбора этих пространств представляется очевидным, однако нельзя при этом не отметить их контрастности и равноудаленности друг от друга. Натуралистический пейзаж («Деревья были черны. Огородные плетни...») сразу же сменяется (будто растворяясь, скрадываясь в этом соседстве) монументальным урбанизированным пространством. Переключение между этими кадрами происходит по принципу монтажа, однако редуцированная (вплоть до почти что неразличения²) позиция субъекта по отношению к описываемым пространствам, «впечатывает» их в текст в такой пропорции, что из них будто бы изымается всякий динамический потенциал. Такая статуйность и громоздкость пространств роднит их с фотографическими изображениями — недвижимыми и умерщвленными, развернувшимися перед наблюдателем в своей данности. Здесь же напрашивается другая метафора, дополняющая сравнение добычинской прозы с фотографией — механизм ушедших в прошлое диафильмов, которые демонстрировали зрителю фотографии или картинки, часто сопровождаемые комментариями.

Антропологические образы размещаются в тексте по тому же принципу. Всё, что составляет непосредственное окружение главного героя (а иногда и сам герой, с его мыслями, чувствами и действиями), преподносится в статическом модусе, неспособном выразить многообразие эмфатических оттенков, свойственных переменчивому поведению человека. Так, диалог между героями, традиционно занимающий существенное пространство в любом художественном тексте и характеризующий своих участников, у Добычина часто превращается в систему сжатых вопросительно-ответных конструкций, а иногда и вовсе замещается косвенной речью: «Тень аэроплана пробежала по столам, и мы поговорили, сколько получают летчики» [2, с. 71].

Мы видим, что действие («мы поговорили») номинировано, но не экспонировано в полном объеме. Самого разговора нет, есть лишь свидетельство, запечатленный субъектом факт того, что этот разговор состоялся. В данном случае в роли субъекта выступает ребенок, повествование в рассказе ведется от первого лица (что в целом несвойственно для малой прозы Добычина), и, казалось бы, нет никаких препятствий для развернутого изложения событий. Однако субъект выбирает умолчание, сокрытие от читателя даже минимальных подробностей о происходящем. Вновь, как и на фотоснимке, мы можем увидеть выхваченное из общего потока мгновение реальности, но никогда не сможем очутиться *внутри* него и восстановить его сущностное содержание, только если мы не были непосредственными участниками сфотографированного момента. Очевидно, что никто, кроме самих героев Добычина, внутри описываемых «фотоснимков» присутствовать не мог.

---

² В исходном тексте предложение, сообщающее о том, что «Селезнева <...> отправилась» осложнено рядом несогласованных определений. Это значимо, поскольку создает эффект затрудненного чтения и будто бы намеренно скрывает от читателя присутствие субъекта действия в тексте.

Перед читателем разворачивается целая галерея персонажей, взаимодействия между которыми представлены через последовательность усеченных, отрывистых фактов: «Гроб с Таисией прибыл из больницы. Кучер привязал вожжами лошадь и пришел сказать. Управделами отпустил конторщиц проводить Таисию. Построились за гробом. Чернякова, поправляя галстук, встала с профуполномоченным, за ними встали регистраторша с курьершей, а за ними — машинистки: Закушняк и Полуектова» [2, с. 67]. Снова наблюдаем акт говорения («кучер <...> пришел сказать»), свернутый в косвенную речь³, а затем — механическое перечисление действий, совершаемых героями. Похоронная процессия, традиционно сопровождающаяся глубоким эмоциональным потрясением участвующих, у Добычина превращается в обыденную рутинную процедуру, эмоциональное подключение к которой кажется избыточным. Читатель, однако, видит существенное противоречие между подразумеваемым и непосредственно запечатленным. Ему (читателю) только что продемонстрировали ряд фотоснимков, порождающих в его сознании некий аффект, при этом сами же фотографии, по понятной причине, отобразить этот аффект в динамике неспособны. По словам С. Сонтаг, «фотографии сами не могут ничего объяснить, но неутомимо призывают к дедукции, спекуляции, работе воображения» [3, с. 38].

Верно было бы предположить, кроме всего прочего, что такая дискретность в повествовании и описании вещей является своеобразной формой трансгрессии для субъекта: в момент, когда негативные свойства окружающей действительности преодолевают его (в данном случае в роли субъекта вновь выступает безмолвный наблюдатель, регистрирующий происходящее, а повествование ведется от третьего лица) и расшатывают устоявшийся психологический комфорт, он выбирает отстраниться от этой действительности, спрятаться за тем, что превращает травматический опыт в простой повседневный факт. Объектив фотоаппарата, к слову, также обладает сильным отстраняющим свойством. Вновь обратимся к С. Сонтаг: «Погубленные надежды, молодежные неистовства <...> — все едино, все стрижется под одну гребенку камерой. Фотосъемка установила хроническое вуайеристское отношение к миру, уравнивающее значение всех событий» (курсив мой. — В. П.) [3, с. 22].

Об упоминаемом С. Сонтаг вуайеризме стоит сказать отдельно. Далее она называет фотографию «элегическим искусством», а важным сущностным признаком сфотографированного (в широком смысле) — его трогательность: «Уродливая или нелепая модель может быть трогательной благодаря тому, что внимание фотографа придало ей достоинства» [3, с. 28]. Ключевой здесь является позиция субъекта, спускающего затвор фотоаппарата, а еще точнее — сам факт присутствия этого субъекта, ведь именно он стал тем

---

³ Примечательно также, что и без того имплицитная речь героев подается через совершенные формы глагола. В первом цитируемом фрагменте герои «поговорили» о зарплате летчиков, во втором — кучер «пришел сказать» (в аналитической сцепке с «пришел», инфинитив «сказать» также воспринимается как совершенный глагол, грамматически таковым не являясь). Логично, что глагол совершенного вида указывает на завершенность действия, однако у Добычина он используется в том числе для передачи процессуальности — действий, композиционно разворачивающихся во времени. Наблюдается явное несовпадение между планом содержания и планом выражения.

актером, который подарил фотоснимку право на жизнь. Именно этот взгляд, это вуайеристическое упоение и удовольствие не столько от «подсматривания», сколько в целом от процесса *смотрения*, позволяют фотографии обрести уникальные оттенки смыслов. Такая логика вполне применима и к Добычину. Помимо уже упомянутых трансгрессивных свойств его «фотографической прозы» нередко в рассказах актуализируется чувство уюта и некоей меланхолической интонации в наблюдении за героями, застигнутыми в их повседневности и нарочитой обыденности: «Кошка, тряся стул, лизала у себя под хвостиком. Отец шуршал страницами. Маман, посмеиваясь, пришивала кружево к штанам. Я перелистывала книгу» [2, с. 73]. Заметно, как глаголы утратили свою перфектность, холодность и чеканность, которую мы наблюдали в предыдущих случаях. Никуда не ушла дискретность, но здесь она будто бы начинает работать по-другому принципу, позволяя субъекту посредством перечисления коротких фактологических заметок не минимизировать травматичность описываемого, но сделать как можно больше снимков, вызывающих приятные переживания: «Маман, с полузакрытыми глазами, с полотенцем на плече, перемывая чашки, улыбалась. Гости только что ушли — сапожной мазью еще пахло» [2, с. 73].

Меланхолическая интонация, о которой мы говорили, в цитируемом фрагменте не просматривается вовсе, но возникает в тесном композиционном и смысловом единстве с общим содержанием рассказа, в котором повествование ведется от первого лица, а субъектом наблюдения за окружающим миром является ребенок (выше мы уже обращались к этому тексту). Как это часто бывает у Добычина, фигура ребенка непременно актуализирует чувство тревоги, потерянности и страха перед действительностью, довлеющей над беспомощным героем.

Таким образом, «фотографическая» поэтика Добычина не вполне однородна и в зависимости от конкретных имманентных проявлений способна навязывать тексту разные семантические модификации. Однако видимая однородность художественных принципов, на наш взгляд, позволяет применять такой аналитический метод в качестве основополагающего (или одного из таковых) при попытке знакомства с прозой Л. Добычина.

Список литературы

1. Васильева Е. В. Фотография и феномен времени // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение. 2014. № 1. С. 64—79.
2. Добычин Л. Город Эн. М.; СПб.: Т8 Издательские технологии, 2020. 286 с.
3. Сонтаг С. О фотографии. М.: Ад Марингем Пресс; Музей современного искусства «Гараж», 2021. 272 с.
4. Федоров Ф. Добычин и кинематограф // Писатель Леонид Добычин: Воспоминания, статьи, письма / сост. В. Бахтин. СПб.: Журнал «Звезда». 1995. С. 69—77.
5. Шкловский В. Б. Литература и кинематограф. Берлин: Русское универсальное издательство, 1923. 59 с.

УДК 811.161.1'37
ББК 81.411.2-3
DOI: 10.46726/И.2021.4.6

С. Рагасова, А. А. Хуснутдинов

СЛОВА ХАЛЯЛЬ И ХАРАМ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ

Статья посвящена описанию функционирования в русскоязычных текстах слов *халяль* и *харам*, которые активно употребляются в современной русской речи, но не получают описания ни в научных сочинениях, ни в словарях. Показывается, что эти слова обозначают важные для мусульман понятия, определяющие область запретов и дозволений в личной и общественной жизни человека. Представленные в статье многочисленные примеры употребления этих слов, извлеченные из «Национального корпуса русского языка» и других источников, дадут представление читателю о форме и значениях, в которых они употребляются, сочетаемости с другими словами и т. д., а также о словах, образованных на их основе (*халяльный*, *харамный* и др.). Установление формальных и содержательных свойств описываемых в статье слов и специфики их использования позволяет, с одной стороны, увидеть связь значений этих лексических единиц с соответствующими «исламскими» понятиями и особенностями представления их в разных речевых ситуациях, с другой стороны, заметить те изменения, которые они претерпевают в процессе функционирования в русском языке. В статье указывается, что полноценное и объективное описание слов, тематически связанных с исламом и мусульманской культурой, будет способствовать преодолению исламофобии и обеспечению благоприятных условий общения в многонациональной и поликультурной среде.

Ключевые слова: русский язык, лексика, ислам, заимствование, неология, неография.

S. Ragasova, A. A. Khusnutdinov

THE TERMS *HALAL* AND *HARAM* IN MODERN RUSSIAN SPEECH

This article describes the functioning of the terms *halal* and *haram* in the Russian language texts. The two words are actively used in modern Russian speech, but are not described either in scientific writings or in dictionaries. It is shown that these words designate important concepts that define the area of prohibitions and permissions in the personal and public life of Muslims. The numerous examples of the use of these words presented in the article, extracted from the “National Corpus of the Russian Language” and other sources, will give the reader an idea about the form and meanings in which they are used, their compatibility with other words, as well as the words derived from these two terms. The establishment of the formal and substantial properties of the words described in the article and the specifics of their use allow, on the one hand, to see the connection between the meanings of these lexical units with the corresponding “Islamic” concepts and the peculiarities of their presentation in different speech situations and, on the other hand, to notice the changes that they undergo in the process of functioning in the Russian language. The article indicates that a full and objective description of words thematically related to Islam and Muslim culture will help overcome

Islamophobia and ensure favorable conditions for communication in a multinational and multicultural environment.

Key words: Russian language, vocabulary, Islam, borrowing, neology, neogeography.

Необходимость лингвистического, в том числе и в лексикографическом плане, описания новых слов и выражений, входящих в нашу речь, что называется, на глазах, как особая научная проблема была осознана еще в середине прошлого столетия. В процессе разработки проблем, связанных с научным описанием появляющихся в языке новых слов и значений, в лингвистике формируются особые разделы — неология и неография — и создаются особые виды словарей неологизмов, а именно словарей неологизмов, появившихся в русском языке за четверть века [10], за десятилетие [7 и след.], за один год [4 и след.] (см. об этом [3, с. 210—225; 2, с. 94—101]).

Однако практика показала, что даже «годовые» словари неологизмов могут быть изданы с запозданием на несколько лет (ср. [5, 6]). Более того, и такие словари не в состоянии отразить все изменения в словарном составе языка за это время, в частности изменения, происходящие с тем или иным словом или выражением в современном русском языке в различных условиях общения. Не всегда могут удовлетворить пользователя и специальные словари, ставящие основной целью показать изменения, которые претерпевают лексические и фразеологические единицы в живой речи [11, 12]. Поэтому оказываются необходимыми исследования, в которых описываются особенности использования в речи отдельных лексических или фразеологических единиц с момента их появления в языке до современного состояния [9]. Обычно такого рода работы по жанру определяются как «лексикографические портреты», так как они чаще всего основываются на данных словарей различных типов, которые в той или иной степени дополняются языковым материалом из других источников (см., например, [13]).

Особую значимость в этом отношении приобретают исследования слов и выражений, функционирование которых в живой речи по каким-либо причинам не получило полноценного описания в научных изданиях и словарях. Это касается в первую очередь таких слов и выражений, употребление которых в различных ситуациях общения, особенно в письменных текстах и публичной речи, может квалифицироваться как ошибочное или некорректное [8]. К числу таких лексических единиц относятся «исламские» слова *халяль* и *харам*, некоторые сведения о которых обычный пользователь может почерпнуть из приложений «Википедия» (информацию энциклопедического характера о понятиях, обозначаемых данными словами) и «Викислово» (самые общие сведения о форме, общем значении, частеречной принадлежности и т. п.). Полноценная информация об этих словах и особенностях использования их в русском языке отсутствует. Между тем современному носителю языка (да и любому говорящему на русском языке, включая иностранца, хорошо знающего русский язык) необходимы хотя бы такие сведения, которые позволяли бы ему не только понимать высказывания и тексты, где эти слова содержатся, но и правильно и корректно употреблять их в своей речи.

Задача данной статьи — показать особенности значения и употребления в русском языке слова *халяль* и его антонима *харам* вместе с их производными (*халяльный*, *халяльно*, *халяльность*, *харамный* и др.). Исследование

основывается на языковом материале, выбранном из текстов, размещенных в «Национальном корпусе русского языка», с привлечением данных из других источников.

Слова *халяль* и *харам* обозначают важные для мусульман понятия: «Согласно шариату, совершающих харам («недозволенное») ожидает строгое наказание и в этой жизни (шариатская гвардия), и в жизни потусторонней (мучения в аду). Избегающие харама из-за страха наказания получают «благодать Всевышнего Аллаха»; отрицающие недозволенное, с точки зрения шариата, автоматически переходят в разряд неверных» [1, с. 57]. Понятие «халяль» включает в себя все, что разрешено и допустимо с точки зрения исламского вероучения. В обиходно-бытовой жизни это понятие используется обычно для обозначения продуктов питания, в первую очередь мяса и мясопродуктов, употребление которых не нарушает установленные исламом пищевые запреты, в частности употребление в пищу крови животных, мяса умерших животных, «нечистых» животных и т. д. Вместе с тем в исламе и мусульманской культуре понятие «халяль» может быть отнесено к самым разным сторонам жизни — продуктам питания, одежде, косметическим средствам, работе и отдыху, имуществу, взаимоотношениям между людьми и др. Понятие «халяль» тесно связано с противоположным понятием «харам», обозначающим то, что является недозволенным, запретным (по Корану, к хараму относятся язычество — поклонение многим богам, прелюбодеяние, воровство, лжесвидетельство, ростовщичество, азартные игры, нарушение пищевых запретов и др.; ср. с понятием «грех» в христианском вероучении). Поэтому в исламском мире эти понятия сосуществуют, занимая важное место в системе ценностей.

В православии понятия «дозволенное» и «запрещенное» не получают такого концептуального содержания (определенные ограничения в православии связаны, вероятно, только с соблюдением поста), поэтому они не получают фиксации как особой категории в понятийной сети русского языка и, соответственно, в его лексической системе. С этим, вероятно, связано то, что словари, описывающие функционирующие в русском языке слова и выражения, связанные с исламом и мусульманской культурой (*Аллах, Коран, Курбан-Байрам, ислам, мусульманин, мечеть, мулла, чадра, джин, гурия* и др.), не включают в реестры подлежащих лексикографической разработке лексем слова *халяль* и *харам*.

До сравнительно недавнего времени употребление слов *халяль* и *харам* можно было увидеть, как правило, в русскоязычных текстах, относящихся к специальной — научной и исламоведческой — литературе, а также в изданиях СМИ и в живой речи жителей тех регионов России, население которых по преимуществу исповедует ислам или относит себя к мусульманам. Однако в наши дни по крайней мере одно из слов этой пары — *халяль* — хорошо известно каждому россиянину независимо от его национальной принадлежности и вероисповедания. На рубеже XX—XXI веков слово *халяль* стремительно входит в русскую речь, становится актуальным, о чем свидетельствует, в частности, то, что оно быстро обрастает производными (*халяльный, халяльно, халяльность, даже нехаляльный*) и активно расширяет свою сочетаемость, развивая новые значения.

Понятие, выражаемое словом *харам*, для русского языка оказалось не столь актуальным, ср.: «*Харам*: строго запрещенные действия. К примеру: убийство невинного человека; воровство; прием алкогольных напитков;

употребление свинины; непокорность родителям. Противоположностью харамного является халяльное. Например, свинина является харамной, а баранина, заколотая с призыванием имени Аллаха, халяльной. <...> Наиболее очевидный пример харам для мусульман — это действия, запрещенные Кораном, такие, как: ширк (многобожие — поклонение кому-нибудь или чему-нибудь, кроме Аллаха); убийство собственных детей из боязни обеднения (Коран 17:31); воровство; супружеская измена (Коран 17:32); нарушение договоров (Коран 17:34); крик на родителей (Коран 17:23); употребление спиртных напитков; богохульство; сквернословие и другие» [1, с. 57]; «Харамом является и убийство животных со злыми намерениями либо без всякой цели. При этом умерщвление для приготовления пищи животных, разрешенных к употреблению в пищу, а также уничтожение животных, наносящих мусульманам вред, харамом не считается» [1, с. 58]; «Термин “харам” также используется арабами для выражения отношения к различным ситуациям, которые по-русски можно назвать “позорными”, “стыдными”» [1, с. 59].

Вероятно, в силу указанной специфики данного понятия слово *харам* в русскоязычных текстах используется более ограниченно и обычно в паре со своим антонимом (примеры см. ниже в иллюстративном материале). Однако это не исключает исследования особенностей использования этого слова в русском языке, тем более, что слово *харам* так же, как и слово *халяль*, обросло производными (*харамный*, *харамность*). Важно также, что совместное исследование антонимической пары *халяль* — *харам* позволит точнее и полнее описать их свойства и особенности использования этих слов в современной русской речи.

Слова *халяль* (вариантная форма этого слова *халал* употребляется, по нашим наблюдениям, в единичных случаях) и *харам* в русскоязычных текстах используются в нескольких значениях. Наш материал позволяет выделить следующие.

Основное значение — ‘то, что дозволено, разрешено’ — в применении к широкому кругу понятий, предметов и явлений (см. выше), в котором слово *халяль* может использоваться в исламе, в русскоязычных текстах встречается редко (в нашем материале это значение представлено единичными примерами), например: *Зампред Совета муфтиев России Рушанхазрат Аббясов заявил, что для исповедующих ислам разрабатывают «халяль соцсети», позволяющие просматривать дозволенную с точки зрения религии информацию (У верующих россиян появится религиозный Wi-Fi. Lenta.ru)*¹. Среди них есть и примеры употребления слова *халяль* в этом же значении для обозначения явлений, которые в исламе не соответствуют и даже противоречат понятию «халяль», ср.: *На фоне черного знамени исламских радикалов глава «шамхальского сектора» Юсуп Муртузалиев, поигрывая автоматом, обращается к своему другу детства. — Ты меня давно знаешь, я пришел к исламу и встал на путь убивать или быть убитым. Ты не в исламе, поэтому я должен изъять у тебя 2 миллиона рублей. Твое имущество — халяль (благо, благодетельние. — Авт.) для мусульман (Д. Стешин, А. Коц. Кто превращает Дагестан в форпост ваххабизма?)*² (убийство человека, даже иноверца, с целью завладеть

¹ У верующих россиян появится религиозный Wi-Fi // Lenta.ru. 2015.11.06. URL: <https://lenta.ru/news/2021/07/18/wifi/> (дата обращения: 03.10.2021).

² Стешин Д., Коц А. Кто превращает Дагестан в форпост ваххабизма? Часть 3 // Комсомольская правда. 2012. 15 нояб.

его имуществом — не «халяль», а «харам»); ср. также пример трактовки понятий «халяль» и «харам»: *Коран и жизнь Пророка Мухаммада (а. с. с.) свидетельствуют о том, что родоплеменной, то есть тейпово-тукхамный строй исламом разрешается. Другими словами, трайбализм — это не харам, а халал.* (Хож-Ахмед Нухаев. Чечня и Россия: одно ценностное пространство — две общественные системы)³.

Аналогично употребление слова *харам* в значении ‘то, что запрещено, не дозволено’, например: *Единственное, что не нравилось Парвизу в бывшем квартирном хозяйстве, это то, что Сулейманов каждое утро тщательно брился. — Это для мусульманина, совершившего хадж, считается харам (то есть запрещено исламом. — Прим. ред.), — покачал он головой. — Наверное, он не хотел привлекать к себе лишнего внимания* (А. Востров. Подозреваемого в убийстве Юрия Буданова выдал глянцево-журнальный журнал)⁴.

Основная часть примеров использования слова *халяль* в указанном значении — это обозначение продуктов питания, в первую очередь мяса, в том числе и дичи, добытой на охоте, например: *Фарух вспорол хубаре живот, вынул потроха и скормил соколу. Затем он надел на него колпачок и перерезал хубаре глотку. «Теперь она халяль», — сказал он* (А. Иличевский. Перс); — *Я тоже кое-что слышал о соколиной охоте, — вмешался Керри. — Арабы для омоложения пожирают только ту хубару, которая была убита соколом. Это высший разряд продукта, высшая форма халяль: дичь, убитая именно соколом, этим символом власти и могущества в пустыне* (А. Иличевский. Перс); — *У нас клиенты все постоянные, и мясо тоже дорогое. — А откуда мясо? — Арабское. Халяль. — А вас проверял Роспотребнадзор? — Нас всегда проверяют* (А. Гераскина. Родословная мяса. В Москве прошли внеплановые проверки точек торговли шаурмой)⁵; *Международный олимпийский комитет утвердил меню, которое в феврале 2014-го предложат спортсменам. «Советский спорт» выяснил, что в Сочи даже проигравшие останутся сытыми и довольными. В сочинском меню будет представлена русская, азиатская и европейская кухни, вегетарианская пища и блюда халяль (мясо, употребление которого не нарушает исламских пищевых запретов)* (И. Чернуха. Вкусные. Зимние. Твои. На Играх—2014 спортсменов угостят винегретом, гречкой и солянкой)⁶ и др.; см. также использование слова *халяль* для обозначения других продуктов питания: *Раньше мусульмане осетра не очень-то и ловили — не халяль, брезговали, только браконьеры управлялись. А сейчас по нужде — всем охота, а не умеют* (А. Иличевский. Перс); *Выставка поделена на деловую и ярмарочную части. В ходе деловой части состоятся круглые столы, выступления и презентации диаспор. Вторая часть представит выставку культурного наследия мусульман и ярмарку товаров: издательств духовной литературы, художественно-реставрационных и ювелирных мастерских, мечетей, мусульманской атрибутики,*

³ Нухаев Хож-Ахмед. Чечня и Россия: одно ценностное пространство — две общественные системы // Звезда. 2003. № 4.

⁴ Востров А. Подозреваемого в убийстве Юрия Буданова выдал глянцево-журнальный журнал // Комсомольская правда. 2011. 15 сент.

⁵ Гераскина А. Родословная мяса. В Москве прошли внеплановые проверки точек торговли шаурмой // Новая газета. 2018. 27 окт.

⁶ Чернуха И. Вкусные. Зимние. Твои. На Играх—2014 спортсменов угостят винегретом, гречкой и солянкой // Советский спорт. 2013. 23 мая.

халяль-продуктов питания и изделий народных промыслов (И. Куимова. Первый форум мусульман пройдет в Перми)⁷ и др.

В этом же значении слово *халяль* употребляется в атрибутивной функции наряду с прилагательным *халяльный*, ср.: *Блогер Айдан Мамедова выпустила видеоролик, в котором рассказала о конфликте с охраной саратовского продуктового рынка во время съемок. Видео доступно на YouTube-канале «Блог мусульманки». Девушка вместе со съемочной группой планировала исследовать рынок на предмет халяльного мяса. Мамедова рассчитывала выяснить, знают ли продавцы о том, какие продукты можно пометить знаком «халяль» (Автора «Блога мусульманки» выгнали с рынка за попытку проверить мясо. Lenta.ru)⁸; Тут к диалогу присоединился другой молодой сотрудник заведения. Рассказал, что вчера была некая проверка, никаких нарушений не выявила и вообще — многие специально перед проверками закрываются, а они вот — работают. Курица — от фирмы «Мир халяль». Посоветовал подойти минут через 20 — подъедет начальник (А. Гераскина. Родословная мяса. В Москве прошли внеплановые проверки точек торговли шаурмой)⁹; Халяльное мясо в Финляндии становится все более популярным. Как сообщает *Ue*, спрос на такую продукцию растет, поскольку в стране увеличивается число мусульман. Соответствующее необходимым требованиям мясо уже производят в самой Финляндии, но большую часть по-прежнему привозят из-за рубежа. «Много запросов о наличии мяса халяль поступает из магазинов, в районе которых расположены центры по приему беженцев, а также из организации Финского Красного Креста», — заявил предприниматель Харри Ляхтеенмяки (Популярность халяльного мяса в Финляндии растет. Gazeta.ru)¹⁰; Еда на борту была только халяльной, алкоголь не подавался, а его употребление было строжайше запрещено. Пассажиры также должны были быть одеты согласно предписаниям шариата (Совершен первый в мире халяльный авиарейс. Lenta.ru)¹¹; Также составители рейтинга обращали внимание на визовые требования, на наличие заведений общепита, подающих халяльные блюда, и на то, насколько безопасным для туриста является пребывание в каждом конкретном городе (Москва вошла в топ шопинг-направлений у мусульманских туристов. Lenta.ru)¹²; Что же касается интереса к продукции халяль со стороны представителей других вероисповеданий, то он не осуждается, если не ведет к нарушению норм отдельной религии. Так, сотрудник Отдела внешних церковных связей Московского*

⁷ Куимова И. Первый форум мусульман пройдет в Перми // РИА Новости. 2009. 3 дек.

⁸ Автора «Блога мусульманки» выгнали с рынка за попытку проверить мясо // Lenta.ru. 2017. 12 мая. URL: https://lenta.ru/news/2017/05/12/blog_muslim/ (дата обращения: 03.10.2021).

⁹ Гераскина А. Родословная мяса. В Москве прошли внеплановые проверки точек торговли шаурмой // Новая газета 2018. 27 окт.

¹⁰ Популярность халяльного мяса в Финляндии растет // Gazeta.ru. 2016. 4 апр. URL: https://www.gazeta.ru/lifestyle/news/2016/04/04/n_8457581.shtml (дата обращения: 03.10.2021).

¹¹ Совершен первый в мире халяльный авиарейс // Lenta.ru. 2015. 21 дек. URL: <https://lenta.ru/news/2015/12/21/muslimflight/> (дата обращения: 03.10.2021).

¹² Москва вошла в топ шопинг-направлений у мусульманских туристов // Lenta.ru. 2015. 29 сент. URL: <https://lenta.ru/news/2015/09/29/muslimmoscow/> (дата обращения: 03.10.2021).

патриархата священник Георгий Роцин заявил РИА Новости, что всякая пища пригодна к еде, согласно Евангелию, — и «для православного христианина кошерная или **халяльная** пища не представляет никакой опасности, если не смущает человека в вере» (О. Липич. В Москве может появиться **халяльный «Макдональдс»**)¹³; В Казани проводятся съезды исламских банкиров, слеты мусульманской молодежи, проходят фестивали мусульманского кино и мусульманской моды, работают мусульманские такси и мусульманские парикмахеры, магазины с продукцией **халяль** буквально на каждом углу (А. Топоров. В казанский лицей отказались брать девочек: IT — не женское занятие)¹⁴; Продукты, полученные путем переработки частей свиной туши, такие, как желатин, также запретны по мнению многих мусульманских богословов, в то же время, по мнению других мусульманских богословов, это разрешенные, **халяльные** продукты [1, с. 59] и др.

Прилагательное **харамный**, как и существительное **харам**, в этом значении в русскоязычных текстах употребляется редко, что, вероятно, связано с неактуальностью этого исламского понятия в православном мире: **Харамом** считается употребление запрещенных продуктов, прежде всего свинины [1, с. 59]; Красители, полученные из насекомых, такие, как кармин (один из самых распространенных натуральных пищевых красителей красного цвета, получаемый из кошенили, содержится в кока-коле), также считаются **харамными** [1, с. 59]; Например, если мусульманин, умирающий от голода в безлюдной местности, остался без еды, то ему разрешается питаться **харам-пищей** в той мере, чтобы не умереть с голоду. Для сохранения жизни ему можно употребить и **харам** (Ипотека — халяль или харам? Халяль-гид)¹⁵; см. также: Приведенные аргументы подводят черту под этим конфликтом. Майонезы могут быть как **халяльные**, так и **харамные**, а определить их статус можно только при тщательной проверке, и только специалистами Комитета по стандарту «Халяль» совместно с учеными-богословами (Доказано Комитетом: майонез может делиться на халяльный и харамный. Инфо-Ислам)¹⁶; Ведь известно, что если мы зарабатываем запретным путём, то купленная на эти деньги даже **халяльная** продукция будет на самом деле **харамной** для употребления (Харамный заработок в халяльной сфере? Ислам.ру)¹⁷.

Аналогичным образом употребляются в русском языке существительные **халяльность** и **харамность**, ср. например: В последнее время не утихают дискуссии по поводу **халяльности** майонезной продукции. Представители Эссен Продакшн АГ, выпускающие майонез под маркой «Махеевъ»,

¹³ Липич О. В Москве может появиться халяльный «Макдональдс» // РИА Новости. 2007. 26 нояб.

¹⁴ Топоров А. В казанский лицей отказались брать девочек: IT — не женское занятие // Комсомольская правда. 2013. 28 авг.

¹⁵ Ипотека — халяль или харам? Мнение эксперта // Халяль-гид. URL: <http://halal-gid.ru/ipoteka-halyal-ili-haram-mnenie-eksperta> (дата обращения: 03.10.2021).

¹⁶ Доказано Комитетом: майонез может делиться на халяльный и харамный // Инфо-Ислам. 2010. 16 дек. URL: http://www.info-islam.ru/publ/stati/khaljal/dokazano_komitetom_majonez_mozhet_delitsja_na_khaljalnyj_i_kharamnyj/7-1-0-11025 (дата обращения: 03.10.2021).

¹⁷ Харамный заработок в халяльной сфере? // Ислам.ру. 2013. 21 нояб. URL: <http://islam.ru/content/obshestvo/41617> (дата обращения: 03.10.2021).

утверждают, что не могут выделяться в категорию халяльных отдельные сорта майонеза по одной простой причине: он весь халяльный, и о его **халяльности** не упоминается в Священной книге мусульман — Коране. В чем **«харамность»** майонеза? Наверное, не случись этого суда, обычные мусульмане так и покупали бы любой майонез, думая, что он **халяльный**. Пришло время тщательно изучить этот вопрос (Доказано Комитетом: майонез может делиться на халяльный и харамный. Инфо-Ислам)¹⁸; В настоящее время в исламском мире нет единого мнения относительно газавата и **харамности** нападения [1, с. 57—58].

Слова *халяль* и *харам* широко используются в другом значении, в котором они характеризуют соответствующим образом действия, поступки, поведение человека. *Халяль* — в значении ‘то, что соответствует установлениям ислама’, ср.: *В воскресенье знаменитого многоженца похоронили при большом скоплении народа в городе Бида, располагающемся в центральной части Нигерии. «Он предупредил нас, что мы должны остерегаться прелюбодеяния, но можем брать столько жен, сколько сумеем, потому что это “халяль” в глазах Аллаха», — заявил ассистент проповедника Алхаджи Мутаиру Салавудин Белло (Alhaji Mutairu Salawudeen Bello) изданию Vanguard (Нигерийский проповедник после смерти оставил 130 жен и 203 ребенка. Lenta.ru)¹⁹; Также в программе KAZANSUMMIT 2010 — круглый стол по инновационной политике, Форум **халяльной** индустрии, выставка KAZANSUMMIT: инновации и инвестиции, семинар консалтинговых компаний, бизнес встречи, презентации инвестиционных проектов, международная ярмарка KAZANHALAL 2010, которая пройдет под девизом “**Халяль** как образ жизни” (РИА Новости)²⁰ и др.*

Таким же образом, но в прямо противоположном значении — ‘то, что не соответствует установлениям ислама’ — используется в русскоязычных текстах слово *харам*, ср.: *Верховный руководитель Ирана Али Хаменеи заявил, что создание ядерного оружия запрещено исламом. Об этом сообщает Reuters. «Создание и приумножение ядерных бомб — это неправильно, и их использование — это **харам** (запрещено исламом — прим. «Ленты. ру»). Хотя у нас есть ядерные технологии, Иран твердо избегает этого», — подчеркнул Хаменеи (Иран отказался от ядерного оружия из-за запрета ислама. Lenta.ru)²¹; В 2014—2015 годах, когда ремонт <мечети> делали, обращались в комбинат [«Норникеля»], они нам всегда помогают. Но все равно все это очень дорого. Здесь самое главное — бережливость, не расточительство. Да и людям всегда объясняем: расточительство — это **харам**, запрет*

¹⁸ Доказано Комитетом: майонез может делиться на халяльный и харамный // Инфо-Ислам. 2010. 16 дек. URL: http://www.info-islam.ru/publ/stati/khaljal/dokazano_komitetom_majonez_mozhet_delitsja_na_khaljalnyj_i_kharamnyj/7-1-0-11025 (дата обращения: 03.10.2021).

¹⁹ Нигерийский проповедник после смерти оставил 130 жен и 203 ребенка // Lenta.ru. 2017. 30 янв. URL: <https://lenta.ru/news/2017/01/30/masaba/> (дата обращения: 03.10.2021).

²⁰ Календарь событий 25 июня — 26 июля // РИА Новости, 2010. 23 июня. URL: <https://ria.ru/20100623/249468591.html> (дата обращения: 03.10.2021).

²¹ Иран отказался от ядерного оружия из-за запрета ислама // Lenta.ru. 2019. 9 окт. URL: <https://vsenovosti24.ru/iran-otkazalsya-ot-yadernogo-oruzhiya-iz-za-zapreta-islama/> (дата обращения: 03.10.2021).

(«Если не ты, то кто?» Lenta.ru)²²; В последнее время группировка в своей пропаганде стала усиливать акцент на том, что якобы в подконтрольных ей районах Сирии действуют исламские законы, однако, по факту, ничего не изменилось, и самый яркий пример в данном случае — сигареты, которые по-прежнему можно купить в Идлибе на каждом углу. Бандиты, придумавшие собственную версию «шариата», объясняют этот **харам** тем, что если они запретят курение и торговлю сигаретами, то местные жители лишатся средств к существованию (Идлибский гадюшник. Lenta.ru)²³; В пятницу появились еще две версии последних слов Каддафи. По одной из них последним словом стало «**харам**», что означает «одумайтесь». Если точнее, то «**харам**» значит — «то, что запрещено исламским правом и незаконно». Один из схвативших полковника революционеров якобы ответил на это: «Заткнись, собака!». По второй версии, Каддафи успел спросить: «Вы знаете, что правильно, а что нет?» (Кирсан Илюмжинов: «Каддафи говорил мне: «Пусть я погибну, но не сбегу!». Комсомольская правда)²⁴; В ночь на 7 июля в спальнях районах Бишкека появляются листовки. «Кто правит не по Корану и Сунне, а применяет Конституцию, придуманную людьми, — считается неверным. Избирать такого человека — **харам**, довольствоваться этим правлением — неверие» (Д. Филимонов. Вот пройдут выборы, тогда и застеклю витрину». Известия)²⁵; Все грехи, говорит, сауны, взятки, туда-сюда, от России, надо шариат сделать и неверных убивать. — Ты тоже так думаешь? — спросил Далгат. — Про шариат они правильно говорят, но с Россией надо быть, **харам** от нашей верхушки идет. Верхушку надо поменять (Г. Хирачев. Салам тебе, Далгат!)²⁶; Новогоднюю ночь мы провели в раздумьях. Не отмечали. Костров не жгли, тем более не устраивали фейерверков и не палили в воздух: соблюдали шумовую и световую маскировку. Некоторые приложились было к спиртному, но бородачи Арсаева изъяли наши запасы алкоголя и объявили, что для воинов Аллаха недопустимо пренебрегать запретами и совершать **харам** (Г. Садулаев. Шалинский рейд)²⁷; Старые знакомые уселись, Прапорщик, не очень задумываясь над меню, заказал подошедшему официанту ужин без спиртного, которое запрещено у мусульман, исключалось оно и в диверсионном центре. Прапорщик вспомнил, что к запретам — **харам** — относится и табакокурение, употребление наркотиков, что нарушителей или тех, у кого начинались «ломки», били палками, спасая братьев по иман — вере, единобожи. (В. Черкасов. Черный

²² «Если не ты, то кто?» История россиянина, который ушел с завода и стал имамом самой северной мечети [Беседовал Михаил Карпов] // Lenta.ru, 2019. 21 апр. URL: <https://lenta.ru/articles/2019/04/21/imam/> (дата обращения: 03.10.2021).

²³ Идлибский гадюшник: Какой сброд Россия истребляет в Сирии: убийцы пилота Су-25 и шакалы с Кавказа // Lenta.ru. 2018. 26 февр. URL: https://lenta.ru/articles/2018/02/26/idlib_groups/ (дата обращения: 03.10.2021).

²⁴ Кирсан Илюмжинов: «Каддафи говорил мне: Пусть я погибну, но не сбегу!» // Комсомольская правда. 2011. 21 окт. URL: <https://www.kp.ru/daily/25774/2758897/> (дата обращения: 03.10.2021).

²⁵ Филимонов Д. «Вот пройдут выборы, тогда и застеклю витрину» // Известия. 2007. 24 дек.

²⁶ Хирачев Г. (Ганиева А.). Салам тебе, Далгат! // Октябрь. 2010. № 6. URL: <https://magazines.gorky.media/october/2010/6/salam-tebe-dalगत.html>

²⁷ Садулаев Г. Шалинский рейд // Знамя. 2010. № 1. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2010/1/shalinskij-rejd.html> (дата обращения: 03.10.2021).

ящик); — *А ты совсем не пьешь, Дибир? — спросил Юсуп у насупленного человека с забинтованным пальцем, до этого почти не встречававшего в разговор. Тот покачал головой: — Харам. — Напиваться харам, я согласен, а кагор — это песня. Посмотри, какой тут букет, какой вкус. Лечебный напиток!* (А. Ганиева. Вечер превращается в ночь) и др. Примеры показывают, что слово *харам* в таком значении употребляется в русскоязычных текстах намного чаще, чем слово *халяль*.

Употребление в атрибутивной функции, наоборот, более характерно для слов *халяль* и *халяльный*, например: *В рейтинге самых привлекательных и удобных для путешественников-мусульман стран в 2016 году Россия заняла 49-е место из 130. В феврале сообщалось, что в ближайшее время в стране появится первый халяльный турмаршрут. Ранее в России была запущена единая система бронирования гостиничных номеров, соответствующих нормам ислама. Кроме того, в течение последнего года несколько отелей страны прошли сертификацию «халяль-френдли» (Британская путешественница-мусульманка рассказала об исламофобии в России. Lenta.ru)²⁸; Помимо Индонезии, в число победителей попали Малайзия (лучший отель для халяль-туризма и лучший отель для хаджа и умры), Турция (лучший круизный оператор) и Япония (перспективное туристическое направление, не входящее в Организацию исламского сотрудничества). Премия World Halal Tourism Awards впервые была вручена в 2015 году. Ее победителей по итогам международного онлайн-голосования выбирает жюри, состоящее из экспертов индустрии халяль-туризма (Определено лучшее в мире направление для халяль-путешествий. Lenta.ru)²⁹; В начале декабря 2015 года сообщалось, что Россия предложит туристам из мусульманских стран Персидского залива программу гостеприимства «халяль-френдли». Как рассказал замглавы руководителя Ростуризма Сергей Корнеев, программа охватывает не только халяльную кухню, но и даст туристам представления о связях России с мусульманским миром. Первой российской гостиницей, которая начала обслуживать туристов в соответствии с нормами шариата и получила статус «халяль-отеля», в сентябре 2014 года стала столичная «Аэростар». В конце декабря в столице заработал второй подобный отель — четырехзвездочный AZIMUT Moscow Olympic Hotel. По данным отчета Global Muslim Travel Index 2015, число туристов, выбравших халяльный туризм в 2014 году, составило 108 миллионов человек (10 процентов от общего числа туристов), а оборот отрасли превысил 145 миллиардов долларов (В Татарстане появились два халяльных отеля. Lenta.ru)³⁰; В сентябре турецкая туристическая компания Fusion Tour предложила своим клиентам принять участие в первом халяльном круизе по Эгейскому морю. На борту корабля под запретом оказались алкоголь и блюда из свинины. Для мужчин и женщин работали отдельные спортивные залы, спа-центры, турецкие бани и молельные комнаты.*

²⁸ Британская путешественница-мусульманка рассказала об исламофобии в России // Lenta.ru. 2017. 01 марта. URL: <https://lenta.ru/news/2017/03/01/islamofobia/> (дата обращения: 03.10.2021).

²⁹ Определено лучшее в мире направление для халяль-путешествий // Lenta.ru. 2016. 14 дек. URL: https://lenta.ru/news/2016/12/14/halal_tourism/ (дата обращения: 03.10.2021).

³⁰ В Татарстане появились два халяльных отеля // Lenta.ru. 2016. 27 янв. URL: <https://lenta.ru/news/2016/01/27/kazan/> (дата обращения: 03.10.2021).

В сентябре 2014 года московский отель «Аэростар» первым в стране прошел сертификацию на предоставление услуг в соответствии с нормами шариата и получил статус «**халяль-отеля**». Директор Всемирного саммита по **халяльному** туризму Энд Бьюкенен сообщил, что инвестиции в **халяльный** туризм в ОАЭ в ближайшие пять лет составят 350 миллионов долларов. По данным отчета Global Muslim Travel Index 2015, число туристов, выбравших **халяльный** туризм в 2014 году, составило 108 миллионов человек (10 процентов от общего числа туристов), а оборот отрасли превысил 145 миллиардов долларов (Россия предложит туристам программу «халяль-френдли». Lenta.ru)³¹; В сентябре прошлого года в Москве появилась первая **халяль-гостиница**. Сертификацию на предоставление услуг в соответствии с нормами шариата прошел отель «Аэростар», расположенный на Ленинградском проспекте (Москва вошла в топ шопинг-направлений у мусульманских туристов. Lenta.ru)³²; Духовное управление мусульман в Казани проверило **халяльные** кафе и обнаружило восемь не соответствующих нормам ислама заведений, пишут местные СМИ. В «ненастоящих» **халяльных** кафе эксперты обнаружили алкоголь на прилавках и нелегальных эмигрантов среди персонала. Всем нарушающим правила владельцам ресторанов предложено убрать вывеску «**халяль**» или же устранить нарушения и получить официальный сертификат в ДУМ РТ. В случае отсутствия реакции со стороны «**нехаляльных**» заведений мусульмане грозят обратиться в Роспотребнадзор. **Халяльным** считается заведение с соответствующим меню, соблюдающее санитарно-гигиенические нормы. Кроме того, такие кафе должны принимать на работу только сотрудников с медкнижками, носящих одежду, допустимую шариатом (В Казани проверили халяльные кафе. Gazeta.ru)³³; В отделении оборудуют специальную молельную комнату для намаза, ее перегородят ширмой, чтобы представители сильного и слабого пола не встречались. Кроме того, здесь будут строго блюсти стандарт **халяль**, запрещающий употребление свинины и спирта. Причем алкоголя не будет не только в буфете, но и в медикаментах. Например, йод заменят на перекись водорода, а для других препаратов подыщут неспиртовые аналоги (Л. Налбандян. Москвичей будут лечить по шариату. Труд-7)³⁴; По мнению Марата Алиева, культурный центр должен вмещать под одну крышу мечеть, воскресную школу, **халяль-магазин** без спиртных напитков, но с низкими ценами... — Там будет и досуговый центр, и Интернет, — погибает пальцы имам общины. — Ресторан **халяльный** (А. Коц. В Москве появились исламские кварталы. Комсомольская правда)³⁵; В апреле сообщалось, что в священном для мусульман городе Мекка в Саудовской Аравии откроется

³¹ Россия предложит туристам программу «халяль-френдли» // Lenta.ru. 2015. 9 дек. URL: <https://lenta.ru/news/2015/12/09/musulman/> (дата обращения: 03.10.2021).

³² Москва вошла в топ шопинг-направлений у мусульманских туристов // Lenta.ru. 2015. 29 сент. URL: <https://lenta.ru/news/2015/09/29/muslimmoscow/> (дата обращения: 03.10.2021).

³³ В Казани проверили халяльные кафе // Gazeta.ru. 2014. 15 сент. URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2014/09/15/n_6479641.shtml (дата обращения: 03.10.2021).

³⁴ Налбандян Л. Москвичей будут лечить по шариату // Труд-7. 2007. 24 нояб.

³⁵ Коц А. В Москве появились исламские кварталы // Комсомольская правда. 2007. 15 нояб. URL: <https://www.kp.ru/daily/24002.4/81044/> (дата обращения: 03.10.2021).

первый **халяльный** секс-шоп. В магазине можно будет приобрести презервативы, масла, а также 18 игрушек, которые одобрены исламом (В Турции появится первый халяльный круиз по Эгейскому морю. Lenta.ru)³⁶ и др.

В рамках значения 'то, что соответствует установлениям ислама' ряд лексических единиц с вершиной *халяль* (*халяль*, *халяльный*, *халяльно*, *халяльность*) не только обнаруживает словообразовательную активность, но и расширяет область распространения с точки зрения обозначаемых объектов, выходя за пределы собственно исламской тематики, ср.: мясо, разрешенное Кораном к употреблению > продукты питания, употребление которых не нарушает исламские запреты > все то, что соответствует исламским канонам > то, что соответствует понятию «здоровый образ жизни». Примеры, иллюстрирующие это положение, легко подобрать, ср.: *По оценкам Азизбаева, мусульмане во всех крупных городах сегодня имеют возможность купить халяль. Речь, в основном, идет о мясной продукции (сыром мясе, фарше, разнообразных полуфабрикатах и колбасных изделиях). Чтобы мясо считалось халяльным, оно должно быть без крови, а животные должны забиваться «с посвящением Всевышнему», а не кому-либо или чему-либо иному* (О. Липич. В Москве может появиться халяльный «Макдональдс». РИА Новости)³⁷; *«У ООН открыты миротворческие миссии в десятках странах мира, и каждому миротворцу мы обязаны обеспечить 4500 килокалорий в день из списка продуктов в 460 наименований, — рассказывает Дмитрий Довгопольный о типичных тендерах. — Причем меню должно учитывать халяль, кашрут, вегетарианство»* (А. Евстигнеева. Чиновник ООН безуспешно предлагал России 15 млрд долларов. РБК Дейли)³⁸; *Создатель миткоина утверждает, что блокчейн позволит с легкостью проверять халяльность продукта. Впрочем, возникает другой вопрос: насколько халяльна сама криптовалюта, если предполагается, что она будет расти в цене? Ведь ростовщичество — это харам. «Это самый халяль, — заверил Шакирвянов. — Ростовщичество — это когда ты берешь в банке деньги под проценты, а мы даем их в качестве 100-процентной скидки на нашу продукцию»* (М. Карпов. «Это самый халяль». Lenta.ru)³⁹; *Первой российской гостиницей, которая начала обслуживать туристов в соответствии с нормами шариата и получила статус «халяль-отеля», в сентябре 2014 года стала столичная «Аэростар»* (В Татарстане появились два халяльных отеля. Lenta.ru)⁴⁰; *В конце октября текущего года управляющая компания «Брокеркредитсервис» (УК БКС) объявила о намерениях сформировать открытый ПИФ «Халяль», инвестировать средства которого можно было бы лишь в ценные бумаги компаний, которые не противоречат нормам ислама. То есть компаний, деятельность которых прямо или косвенно связана с продажей или производством*

³⁶ В Турции появится первый халяльный круиз по Эгейскому морю // Lenta.ru. 2015. 8 мая. URL: <https://lenta.ru/news/2015/08/05/halyal/> (дата обращения: 03.10.2021).

³⁷ Липич О. В Москве может появиться халяльный «Макдональдс» // РИА Новости. 2007. 26 нояб.

³⁸ Евстигнеева А. Чиновник ООН безуспешно предлагал России 15 млрд долларов // РБК Дейли. 2013. 27 авг.

³⁹ Карпов М. «Это самый халяль»: Кто разводит бычков на мясном аналоге биткоина // Lenta.ru. 2017. 8 июля. URL: <https://lenta.ru/articles/2017/07/08/halal/> (дата обращения: 03.10.2021).

⁴⁰ В Татарстане появились два халяльных отеля // Lenta.ru. 2016. 27 янв. URL: <https://lenta.ru/news/2016/01/27/kazan/> (дата обращения: 03.10.2021).

алкоголя, пищевых добавок, свинины, с азартными играми и др. (Н. Старостина. Постучались к арабам. РБК Daily)⁴¹. Здесь следует особо указать на особенности использования этой группы слов для обозначения объектов, связанных с понятием «здоровый образ жизни».

Изменение отношения власти к религии в сторону большей толерантности, снявшее существовавшие до этого ограничения в свободе вероисповедания и удовлетворении религиозных нужд верующих, относящихся к различным конфессиям, с одной стороны, и постоянно расширяющиеся возможности в распространении информации, предоставляемые современному человеку, с другой стороны, определили более широкое (и быстрое) распространение в обществе понятий (и, соответственно, слов, обозначающих эти понятия), которые ранее не выходили за сферу того или иного вероучения (ср. с переходом в общее употребление слов и выражений из жаргонной речи — *мочить, крутой, опер, сесть на иглу* и т. п. и распространением в русском языке так называемых глобализмов типа *спам, селфи, тренд, геймер, хакер, пранкер* и др.).

В применении к нашему материалу следует указать на то, что в сознании человека, не связанного с исламом и не знакомого с мусульманской культурой, исламское понятие «халяль» определенным образом трансформируется. Так, мясо и продукты питания, определяемые в исламе как «халяль», у лиц, не исповедующих ислам и не относящих себя к мусульманам, ассоциируются с продовольственными товарами, изготовленными из натурального сырья, не содержащими каких-либо химических добавок, вредных для здоровья веществ и т. д., т. е. с продуктами высокого качества, ср.: *Приход игрока с известным брендом может поспособствовать развитию рынка, считает эксперт. Однако по мнению ресторатора и владельца компании «Краснобор» (производит мясо индейки) Аркадия Левина, ждать скачкообразного спроса на халяльную и кошерную продукцию в России не приходится. «Мы производим такое мясо, но объем его продаж в общей структуре очень незначительный», — признается г-н Левин. По его словам, производителю халяльной и кошерной пищи в продвижении товара следует делать ставку прежде всего не на религиозные взгляды потребителей, а на качество продукта: «Маркировка “халяль” и “кошер” говорит об очень высоком качестве продукта, это нужно донести до потребителя»* (Д. Черкудинова. Бифштекс от Гайдамака. РБК Daily)⁴²; *«Однако на сегодняшний день заниматься халяльным бизнесом невыгодно, потому что в целом очень низкие объемы продаж», — поделился в беседе с корреспондентом РИА Новости гендиректор одного из мясоперерабатывающих заводов, производящих халяль, Рафаэль Насыров. По его данным, в Московской области, где проживает около двух с половиной миллионов этнических мусульман, должно потребляться в сутки около 180 тонн колбасных изделий, а халяльной продукции реально потребляется в сутки не более десяти тонн. Причины низкого спроса на халяль представители СМР и бизнеса видят в недостатке религиозного воспитания среди этнических мусульман, а также в более высокой себестоимости, а следовательно, и рыночной цене «здоровой пищи»* (О. Липич. В Москве может появиться халяльный «Макдональдс». РИА Новости)⁴³; *«Халяль», —*

⁴¹ Старостина Н. Постучались к арабам // РБК Daily. 2007. 14 дек.

⁴² Черкудинова Д. Бифштекс от Гайдамака // РБК Daily. 2007. 10 дек.

⁴³ Липич О. В Москве может появиться халяльный «Макдональдс» // РИА Новости. 2007. 26 нояб.

пояснил он, — это то, что разрешено мусульманам по Корану, в отличие от «харам» — запретного». «Но это не ритуальная пища, а просто нормальная еда, которая не портит человеку здоровье», — подчеркнул Азизбаев. «Мы даже уходим от названия “халяль”, чтобы не было конфессиональных разделений. Например, соответствующие магазины с сертифицированной нами (Советом муфтиев) продукцией называем просто “магазинами здорового питания”, чтобы все окрестные жители могли приобретать качественные, полезные продукты» (там же); ср. также: Совет муфтиев России заявил об исключительном праве официальных религиозных центров на удостоверение ритуальной чистоты так называемых **халяльных** продуктов питания. Произошло это на состоявшейся в Москве пресс-конференции председателя Совета муфтиев России муфтия Равиля Гайнутдина. Он выразил озабоченность тем, что при производстве, а значит, и реализации продуктов под маркировкой «халяль» («разрешенное» — по критериям ислама) очень часто нарушаются права российских мусульман. — У нас много таких примеров, — сказал муфтий. — Отечественные производители порой и не знают, что это такое — **халяль**, не консультируются с мусульманскими духовными лицами, однако упорно продвигают свою продукцию под липовой маркировкой. Такие факты зарегистрированы в Московской, Нижегородской и других областях (Н. Баилов. Липовый «халяль». Труд-7)⁴⁴.

Такое представление естественным образом распространяется на все экологичное, не оказывающее вредного влияния на природу, окружающую среду, а далее — на все остальное, что может считаться чистым, здоровым, хорошим, полезным и т. д., ср.: По приезде в Москву повесила это слово на свой компьютер. «Харам» — то, что категорически запрещено. Даже если очень хочется. «Халяль» — наоборот, что-то хорошее, честное, праведное. **Халяльные** деньги (не путать с халявными) — чистые деньги. Они приносят удачу. «Саваб» — вознаграждение свыше за хороший поступок (Р. Ахмирова. Москва — Мекка — Медина. Как я совершала хадж. Комсомольская правда)⁴⁵. Это свидетельствует о том, что формирование новых — «немусульманских» — значений у анализируемых здесь слов в русском языке еще не завершено. Наиболее отчетливо эта тенденция проявляется в ряду слов *халяль, халяльный, халяльно, халяльность*.

В заключение укажем на возможность особого употребления слов *халяль* и *харам* в русском языке. Здесь следует указать на широкое использование слова *халяль* в вывесках, упаковках различных продовольственных товаров, в обозначениях номенклатурного характера, например: *Мусульмане, держащие халяльную латичную в городе, сообщили, что их заставили убрать надпись «халяль» на арабском языке. «Они сказали, что это иностранная культура, а нам стоит использовать все китайское», — рассказал журналистам менеджер ресторана (Китай запретил мусульманам демонстрировать религию. Lenta.ru)⁴⁶; Представительница Little Caesars Джилл*

⁴⁴ Баилов Н. Липовый «халяль» // Труд-7. 2003. 04 апр.

⁴⁵ Ахмирова Р. Москва — Мекка — Медина. Как я совершала хадж // Комсомольская правда. 2004. 27 февр. URL: <https://www.kp.ru/daily/23225/26926/> (дата обращения: 03.10.2021).

⁴⁶ Китай запретил мусульманам демонстрировать религию // Lenta.ru. 2019. 31 июля. URL: <https://lenta.ru/news/2019/07/31/morning2/> (дата обращения: 03.10.2021).

Проктор (Jill Proctor) заявила, что компания считает выдвинутые обвинения безосновательными. Сохранилась аудиозапись разговора Баззи с менеджером пиццерии, из которой следует, что мусульманин сам просил наклеить на коробку этикетку «халяль». Адвокат оспаривает это утверждение. Коран запрещает мусульманам есть свинину и некоторые другие продукты (Мусульманин подал иск на 100 миллионов долларов из-за пиццы со свинойной. Lenta.ru)⁴⁷; На сайте «Роскачества» отмечены товары с нарушениями следующих марок: «Белгородские молочные продукты», «Деревенские молочные продукты», «Карламанский продукт», «Кореновский МКК», «Любимая классика», «Молочная страна», «Молочная страна “Халяль”», «Наша семья», «Рогачевъ», «Сладеж», «Советское», «Fine Life» («Роскачество»: треть сгущенки в России не соответствует ГОСТу. Коммерсант)⁴⁸; Также выпускается продукция «Халяль», производство которой контролирует Центр стандартизации и сертификации при Совете муфтиев России («Нежنيно» и «Добрая долина»: легко готовить, вкусно есть! Комсомольская правда)⁴⁹; Как сообщили в Международном центре стандартизации сертификации «Халяль» Совета муфтиев России, отдельные сайты бронирования номеров для мусульман работают с 2014 года. Но с ними возникает ряд трудностей, так как не всегда на деле комнаты гостиниц, заказанных через эти порталы, соответствуют нормам ислама. Единый сервис бронирования и общие для всей страны стандарты сертификации таких номеров должны решить эту проблему, подчеркнули в центре «Халяль». Уже разработана система оценки гостиниц для мусульман (В России запустили единую систему бронирования халяльных номеров. Lenta.ru)⁵⁰; Сразу две гостиницы, расположенные в Казани, получили свидетельства соответствия «Халяль-Френдли Стандарт». Как сообщается на сайте Государственного комитета Республики Татарстан по туризму, сертификацию прошли отели «Корстон» и «Релита-Казань». Отмечается, что введение стандартов «халяль-френдли» призвано увеличить число мусульманских туристов (В Татарстане появились два халяльных отеля. Lenta.ru)⁵¹ и др. (см. также примеры выше).

Особо отметим также примеры использования слова *харам* для негативной характеристики человека: — *Этот харам-зада, — отвечал всадник, — не поладил со мной за подел грабленых баранов, в досаде мы всех их перерезали... не доставайся же никому — и он дерзнул выбрать жену мою...* (А. Бестужев-Марлинский. Аммалат-бек); *Молчи, говорю я тебе, харам-зада (бездельник, сын позора)!* (А. Бестужев-Марлинский. Аммалат-бек).

⁴⁷ Мусульманин подал иск на 100 миллионов долларов из-за пиццы со свинойной // Lenta.ru. 2017. 26 мая. URL: <https://lenta.ru/news/2017/05/26/halal/> (дата обращения: 03.10.2021).

⁴⁸ «Роскачество»: треть сгущенки в России не соответствует ГОСТу // Коммерсант. 2017. 25 апр. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3281780> (дата обращения: 03.10.2021).

⁴⁹ «Нежнино» и «Добрая долина»: легко готовить, вкусно есть! // Комсомольская правда. 2010. 12 февр.

⁵⁰ В России запустили единую систему бронирования халяльных номеров // Lenta.ru. 2016. 19 авг. URL: <https://lenta.ru/news/2016/08/19/halalsystem/> (дата обращения: 03.10.2021).

⁵¹ В Татарстане появились два халяльных отеля // Lenta.ru. 2016. 27 янв. URL: <https://lenta.ru/news/2016/01/27/kazan/> (дата обращения: 03.10.2021).

Проведенное нами исследование особенностей функционирования слов *халяль* и *харам* в русскоязычных текстах позволяет представить результаты наблюдений в виде нескольких положений более общего характера: 1) в русском языке группа слов, связанных с понятиями и реалиями, относящимися к исламу как мировой религии и мусульманской культуре, постоянно пополняется; 2) такие слова, как правило, появляются в живой русской речи в связи с актуализацией обозначаемых ими понятий, чем объясняется выход этих слов за пределы сферы первоначального употребления; 3) расширение сферы функционирования таких слов приводит к изменениям их первоначальных свойств (формы, значения, сочетаемости со словами и т. д.), а также к появлению на их основе новых лексических единиц; 4) эти слова входят в русский язык, заполняя лакуны в его понятийной сети, занимают свое место в словарном составе языка и его грамматике, в русском языке они функционируют как полноправные лексемы и вступают в отношения и связи с другими словами, подчиняясь общим для русского языка законам лексической и грамматической сочетаемости этих единиц; 5) научное описание таких единиц (в том числе и в словарях) требует всестороннего исследования не только источников и путей их появления в русском языке, но и реального функционирования их в устной и письменной речи нашего времени и предыдущих эпох.

Научное — полноценное и объективное — описание слов, тематически связанных с исламом и мусульманской культурой, будет способствовать преодолению исламофобии и обеспечению благоприятных условий общения в многонациональной и поликультурной среде.

Список литературы

1. Ислам: иллюстрированная энциклопедия / авт.-сост. М. Магомерзоев. М.: Эксмо, 2009. 640 с. (Энци.)
2. *Козырев В. А., Черняк В. Д.* Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший: монография. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2015. 631 с.
3. Лексикография русского языка: учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / А. С. Герд, Л. А. Ивашко, И. С. Лутовинова и др.; под ред. Д. М. Поцепни / Учебно-методический комплекс по курсу «Лексикография русского языка». СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. 672 с.
4. Новое в русской лексике: словарные материалы—77 / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; Н. З. Котелова, В. П. Петушков, Ю. Е. Штейнсапир, Н. Г. Герасимова; под ред. Н. З. Котеловой. М.: Русский язык, 1980. 176 с.
5. Новое в русской лексике: словарные материалы—1992 / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед.; отв. ред. Е. А. Левашов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004.
6. Новое в русской лексике: словарные материалы—1993 / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед.; Е. А. Левашов [и др.]; отв. ред. Т. Н. Буцева. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 447 с.
7. Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х гг.: [около 3 500 слов] / под ред. Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина. 2-е изд., стер. М.: Советская энциклопедия, 1973. 543 с. [1-е изд. в 1971 г.].
8. *Рагасова С., Хуснутдинов А. А.* Об использовании слов *басурман*, *магометанин* и *мусульманин* в современной русской речи // Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки. Т. 8, вып. 3. С. 224—229.

9. Рагасова С., Хуснутдинов А. А. Слова исламской тематики в русском языке (к формированию лексической группы) // Славянская историческая лексикология и лексикография: сб. научных трудов. Вып. 3 / Институт лингвистических исследований РАН / отв. ред. В. Н. Калиновская, О. А. Старовойтова. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2020. 418 с. С. 63—73.
10. Словарь новых слов русского языка: (середина 50-х — середина 80-х гг.): [10 000 слов, 230 фразеологизмов] / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед.; Е. А. Левашов, Т. Н. Поповцева, С. И. Алаторцева, Т. Н. Буцева, Э Р. Сальмин, Н.З. Котелова; под ред. Н.З. Котеловой. СПб.: Ин-т лингв. исслед. Рос. акад. наук: Дмитрий Буланин, 1995. 876 с.
11. Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения: около 5 500 слов и выражений / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед.; сост. Е. Ю. Ваулина [и др.]; под ред. Г. Н. Складчиковой. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 700 с.
12. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика: около 8 500 слов и устойчивых словосочетаний / С.-Петерб. гос. ун-т, Филол. фак., Ин-т филол. исслед.; авт.-сост. Г. Н. Складчикова [и др.]; под ред. Г. Н. Складчиковой. М.: Эксмо, 2008. 1131 с.
13. Хуснутдинов А. А., Хуснутдинова А. А. Лексикографический портрет слова *железо* // Вестник Ивановского государственного университета. 2012. Вып. 1. «Филология». Серия: Гуманитарные науки. С. 54—73.

УДК 83.3(2=411.2)6-8,4
ББК 821.161.1.09"19/20"
DOI: 10.46726/H.2021.4.7

Е. М. Тюленева

ПУШКИНСКИЙ КОД В РОМАНЕ БОРИСА ДЫШЛЕНКО «СОЗВЕЗДИЕ БЛИЗНЕЦОВ»

Статья нацелена на введение текста Б. Дышленко «Созвездие Близнецов. Святочный роман» в исследовательский контекст и посвящена его рассмотрению сквозь призму пушкинского кода. Предполагается, что работа с кодом позволит не просто зафиксировать интертекстуальные проявления пушкинского текста в романе Дышленко и его авторскую рецепцию, но и проследить их функционал, активность и генеративные возможности. Последовательное выявление «сигнальных точек» пушкинского кода в романе Дышленко: кодовых фраз, имен, топосов; принципов нарративной организации и сцен-моделей; концептуальных мифологем и идеологем — сопровождается обнаружением и демонстрацией их органического вживания/вживления в роман конца XX века. Соответственно, описываются ситуации «цитатного схождения», диалога, реактуализации, выявления скрытого потенциала и другие модели взаимодействия с пушкинским сверткстом как полем культуры. Сведения наиболее значимых для Дышленко концептов пушкинского кода: факультативный герой, мистериальность/пороговость, незавершенность текста — подключает в его романе святочный и петербургский коды, выводя произведение на новый уровень рецепции.

Ключевые слова: Б. Дышленко, пушкинский код, петербургский текст, святочный роман, феномен близнецности.

Е. М. Tyuleneva

PUSHKIN'S CODE IN THE NOVEL "CONSTELLATION OF THE TWINS" BY BORIS DYSHLENKO

The article is aimed at introducing B. Dyshlenko's text "Constellation of the Twins. A Christmas Novel" into a research context and is devoted to its examination through the Pushkin's code. It is assumed that working with the code will allow not only to record the intertextual manifestations of Pushkin's text in Dyshlenko's novel and its author's reception, but also to trace their functionality, activity and generative capabilities. Consistent identification of "signal points" of Pushkin's code in Dyshlenko's novel (code phrases, names, toposes; principles of narrative organization and scene-models; conceptual mythologemes and ideologemes) is accompanied by the discovery and demonstration of their organic implantation into the novel of the late twentieth century. Accordingly, situations of "quotation convergence", dialogue, reactualization, revealing hidden potential and other models of interaction with Pushkin's supertext as a field of culture are described. The combination of the concepts of the Pushkin's code, most significant for Dyshlenko (facultative character, elements of miracle, liminality, incomplete text), is connected in his novel with the Christmas and Petersburg codes, bringing the text to a new level of reception.

Key words: B. Dyshlenko, Pushkin's code, Petersburg text, Christmas story (novel), the phenomenon of twinning.

© Тюленева Е. М., 2021

Ранний текст Бориса Дышленко «Созвездие Близнецов. Святочный роман» (1974), хотя и был реактуализирован в 2009 году публикацией в журнале «Звезда» и даже номинированием на премии «Национальный бестселлер» (2009) и «Русский Букер» (2010), до сих пор остается не вписанным в историю литературы. Тогда как нельзя не заметить его буквальную прошитость литературными кодами и, перефразируем формулу А. К. Жолковского, «интертекстуальную потомственность» [5].

Одним из таких кодов становится пушкинский. Поскольку в случае Б. Дышленко важен утверждаемый им самим [3] фактор процессуальности, ассоциативной связности и генеративности структуры, будем здесь использовать именно понятие *кода* как «механизма» проявления и реализации пушкинского сверттекста, акцентируя некую систему сигналов, отсылающих к сверттексту, но при этом фиксирующих, либо даже катализирующих движение собственно анализируемого текста. При таком подходе будет возможно не только считать интертекстуальные проявления пушкинского текста в романе Дышленко и его авторскую рецепцию, но и проследить их функционал и активность в поле «схождения цитаций» [6, с. 36]. Не менее важны и «система ожиданий» [11, с. 38], и система предписаний, потенциально заложенных в коде, — их действие тоже принципиально для Дышленко, как, впрочем, и других авторов, рефлексирующих свою принадлежность к парадигме модерна/постмодерна.

Итак, обозначим «сигнальные точки» кода и рассмотрим реакцию текста на них.

Внешне стандартная нарративная фраза «Гости были предупреждены, они начинали съезжаться» [4] романа Дышленко — очевидный маркер незавершенной повести Пушкина из жизни светского общества «Гости съезжались на дачу***». Именно «сцены из жизни светского общества» в позднесоветской и полуандеграундной интерпретации представляет собой бал у Зинаиды Нарзан: здесь собирается новая богема, аристократы если не по крови, то по духу — «цвет столицы, и знать, и моды образцы», как с гордостью рекомендует общество Александр Антонович, приглашая на бал главного героя — художника Николая Болотова. Однако собственная принадлежность к цвету общества, видимо, мешает ему вспомнить продолжение этой цитаты из «Евгения Онегина»: «Везде встречаемые лица, / Необходимые глупцы...» и в особенности ее концовки, отчетливо рисующей метафорический образ самого Александра Антоновича: «Тут был в душистых седилах / Старик, по-старому шутивший: / Отменно тонко и умно, / Что нынче несколько смешно» [8, т. 4, с. 165] (не будучи стариком по возрасту, этот учитель французского подчеркнуто архаичен в риторике, образе жизни и интересах). Зато ничто не мешает литературному слуху и интертекстуальным воспоминаниям Дышленко — общий тон описания присутствующих на балу дается совершенно в пушкинских интонациях и с пушкинской прототипичностью, позволяющей современникам узнавать литературных героев: «И кого только не было за столом: искусствоведы, психологи, йоги, поэты и один одноглазый философ. Были дамы: по классификации Александра Антоновича, красивые, ученые и *comme il faut*. Некоторые дамы могли себя назвать и называли. Были дама-философ, и дама-психолог, и дама-искусствовед. Были и другие дамы, которые, кроме как дамами, никем называться не могли, но и те обладали несомненными достоинствами, например, эрудицией или каким-нибудь мнением, всегда справедливым. Был метафизик, был приезжий композитор из Харькова, был,

наконец, и просто огромного роста детина, пришедший с поэтом. Был и сам поэт, курносенький, с мутными глазками мальчик. Да кого только не было за столом» [4]. Сходные характеристики насыщают и пушкинский отрывок «Гости съезжались на дачу***», образуя внутренние переключки с «Евгением Онегиным»: «Наши дамы к тому же очень поверхностно образованны, и ничто европейское не занимает их мыслей. О мужчинах нечего и говорить. Политика и литература для них не существует. Остроумие давно в опале как признак легкомыслия. О чем же станут они говорить? о самих себе? нет, — они слишком хорошо воспитаны. Остается им разговор какой-то домашний, мелочной, частный, понятный только для немногих — для избранных» [8, т. 5, с. 472]. Так в «Созвездии Близнецов» начинается мерцать пушкинский свертхтекст, проявляя в том числе и собственные коммуникативные связи. В диалоге текстовых переключек не только озвучивается устойчивый пушкинский кейс со скептическим диагнозом обществу, но и в рядоположности фрагментов выборки обнаруживается показательный пушкинский прием — особая фокусировка на дамах, предстающих исключительно удобным «средством» проявления качественного состава общества.

Этот и другие пушкинские акценты: поверхностная образованность, мнимая аристократичность, ложный пафос — становятся узнаваемыми морфами для описания, как показывает Дышленко, любого «элитарного» общества. Поэтому в сцене бала у Зинаиды Нарзан — в характеристиках персонажей, подоплеке событий и символических деталей — много отсылок к пушкинским сценам:

= «Гости с увлечением предались пиршеству. <...> Сочными лепестками лоснилась ароматная ветчина, потели пергаментные листики швейцарского сыра, сыпался купоросной россыпью рокфор, темной бронзой отблескивали срезанный бок балыка и ломкие ломтики севрюги; и черная, и красная икра, и крабы... И все эти удивительные раритеты занимали пытливые умы» [4] — сравним у Пушкина: «Пред ним roast-beef окровавленный, / И трюфли, роскошь юных лет, / Французской кухни лучший цвет, / И Страсбурга пирог нетленный / Меж сыром лимбургским живым / И ананасом золотым...» [8, т. 4, с. 17].

= «Певец же скромный, хоть великий, / Ее здоровье *молча* пьет» [4] (курсив мой. — *Е. Т.*), — неточно цитирует Александр Анатольевич 5 главу «Евгения Онегина» и он же в пьяном забытии разбивает антикварный «елисаветинский фонарик», кинув в него бутылку, словно овеществляя пустотность своей мечты и, по сути, всего бала, завершая его тем, с чего пушкинский начинался: «Вошел: и пробка в потолок, / Вина кометы брызнул ток...» [8, т. 4, с. 17].

= Предложенная в качестве интеллектуального угощения на балу выставка арт-объектов Сухова-Переростка отзывается на «смотр парижских литографий» на даче*** в «Гостях» Пушкина. Причем семы 'модный', 'современный', 'иностраный', идущие от пушкинского фрагмента, дополнительно дублируются введением американского журнала о современном искусстве, который в свою очередь обнажает ситуацию неподлинности и несамостоятельности: и объекты, и теоретические комментарии Сухова-Переростка полностью заимствованы из этого журнала.

Эта фигура симулятивности, заданная у Пушкина психологически, рецептивно, у Дышленко начинает овеществляться и умножаться. И здесь вновь подчеркнем выведение в фокус (или мнимо-фокус) женского образа. Героиней

бала в обоих сюжетах представлена Зинаида. У Пушкина — Вольская, с отчетливо проявленной в фамилии семантикой ‘воли’, ‘свободы’, ‘независимости’, раздражающая консервативную хозяйку салона и взрывающая своими поступками общественное мнение (именно этот сюжет лег в основу «Анны Карениной» Л. Толстого)¹. У Дышленко Зинаида носит фамилию Нарзан («нарзан» — от кабардинского «нартсан», «богатырь-вода»), в некотором роде удерживая семантику ‘воли’, но и травестируя ее маскулинность. И следующий шаг — современная героиня Зинаида Нарзан транслирует идею свободы и феминности уже не как гостья, а как хозяйка бала, словно снимая важное для Пушкина противоречие между героиней-гостьей и обществом-хозяйкой. Заметим, однако, что и у Пушкина графиня А. Г. Лаваль — прототип хозяйки дачи, на которую съезжаются гости, аристократка отнюдь не только по статусу, это одна из образованнейших и умнейших женщин Петербурга [1, с. 37—38], тогда как А.Ф. Закревская — прототип Вольской — известна скорее как первая красавица и «муза поэтов», что говорит о неоднозначности уже пушкинского текста. А в нашем случае еще и о трансформации образа Зинаиды в романе Дышленко, вбирающем коннотативные элементы ‘хозяйки’ и ‘возмутительницы’, но на выходе представляющем в сатирическом перекруте: Зинаида Нарзан — светская дама и бунтарка — парадокс и симулякр позднесоветского петербургского текста. Симулятивность поддерживается умножением «салонов» и их хозяек: в романе в целом и в сцене бала в частности присутствует, но совсем не активна другая «хозяйка салона» — «бледная девочка Нина». К слову, Ниной называет героиню своей поэмы «Бал», посвященной А. Закревской, Е. Баратынский, и отчасти с этой поэмой вступает в диалог Пушкин в «Гостях». Текст Дышленко улавливает и это сцепление текстов и созвездие имен.

В сходной позиции находится другой мнимо центральный участник бала у Нарзан — Минкин, отсылающий к Минскому² — персонажу «Гостей» Пушкина, соблазнителю Вольской. У Дышленко Минкин — главный интеллектуальный идеолог местного общества — соблазняет идеями, причем не только Зинаиду, а даже в большей степени мужчин-«творцов». И здесь в ущемленной позиции оказывается не женщина, которая в новом формате уже не нуждается в утверждении свободы выбора, а многочисленные мужчины, борющиеся за статус гения и рассчитывающие на поддержку Минкина. И этот поворот, казалось бы, исключительно современный и уводящий от пушкинского текста, на самом деле актуализирует важнейший момент незаконченной повести Пушкина — ее незавершенность. Среди размышлений исследователей о причинах остановки работы над «Гостями» преобладают две: сходство с реальными прототипами и потенциальная узнаваемость ситуаций, непривлекательный эффект «романа с ключом» (см., напр.: [1, с. 43])

¹ Кстати, еще одна Зинаида у Пушкина — героиня другого незаконченного текста «На углу маленькой площади» — сбегает от мужа с аристократической Английской набережной в Коломну в надежде начать новую жизнь с возлюбленным по фамилии Володский.

² Минский — также герой повести Пушкина «Станционный смотритель», где представляет внешне сходный типаж соблазнителя. Фамилия Минского уже трансформировалась в литературных текстах: напр., Евдокия Ростопчина в автобиографическом романе в стихах «Дневник девушки» (1866), ассоциируя себя с Вольской, назовет героиню Зинаидой, а героя — князем Мирским [10, с. 122].

и перемещение интереса от судьбы незаурядной женщины к сложному интеллектуальному герою, «наделенному пушкинским умом и пушкинским взглядом на вещи» [7, с. 66]. Именно в последнем Н. Н. Петрунина видит «камень преткновения на пути развивающегося повествования» [7, с. 67]. Не случайно, по ее мнению, Пушкин возвращается к «Гостям» лишь тогда, когда прерывается «Роман в письмах» (другой незавершенный и связанный с «Гостями» текст Пушкина): чтобы дописать финальный фрагмент с новыми размышлениями Минского о социальном устройстве общества. В романе Дышленко Минкин, напротив, абсолютно далек от автора и трансляции его позиции. Более того, и последовательная демонстрация симулятивности идей Минкина, и неоднократное сдвигание фокуса повествования, и мерцание прототипических образов совершенно оттесняют Зинаиду и Минкина, делая их хозяевами на час и замещая плотностью контекстов, в которых, очевидно, должно сформироваться нечто более важное.

Как представляется, этим важным становится парадоксальное выведение в центр другого героя пушкинских «Гостей» — путешествующего иностранца. Безусловно, речь не идет о переписывании пушкинского сюжета и даже о той устойчивой аллюзивности, которая наблюдалась в предыдущих элементах текста. Скорее это как раз работа кода, выявляющего сигналы тождества во внешне неожиданных местах. Так, у Дышленко в центре романа совершенно недвусмысленно находится Николай и его проблемы творческой и социальной идентификации. Его присутствие на балу случайно, он здесь посторонний наблюдатель, занятый своими мыслями о предстоящем суде, грозящей за тунеядство высылке из Ленинграда и потере возлюбленной, он не ощущает неподлинности ситуации, не раздражается, не иронизирует, как автор или читатель, он отстраненно наблюдает. И именно эта позиция наблюдателя корреспондирует с ролью внешне факультативного персонажа из отрывков «Гостей» Пушкина — испанца-путешественника, который видит Россию со стороны: в отличие от Минского и других гостей графини Л., он «живо наслаждался прелестью северной ночи. С восхищением глядел он на ясное, бледное небо, на величавую Неву, озаренную светом неизъяснимым, и на окрестные дачи, рисующиеся в прозрачном сумраке» [8, т. 4, с. 466]. Именно так, как увиденные в первый раз или остранные, у Дышленко описываются контексты, связанные с Николаем: «Когда они вышли на улицу, снег уже перестал. Неглубокий, ровный и белый, он лежал на дороге, газонах и тротуаре, аккуратно обнимая все неровности и выпуклости. Вдоль обеих линий протянулись в перспективе белыми кораллами деревья, перспектива кончалась Большим проспектом. И там, где кончалась перспектива, просияла сквозь белые ветки электрическая лампа, и от этого света деревья на углу казались зелеными. Коля и Ляля ушли в перспективу, оставляя следы на снегу» [4].

У пушкинского испанца роль невелика: он вбрасывает свои наблюдения, чтобы катализировать серию объяснений и выводов Минского. Из трех эпизодов «Гостей» он участвует в двух и в обоих говорит о холоде российской столицы. Но в этих двух очень разных заходах словно скрывается целый сюжет его пребывания в России: в первом испанец поражается холодностью климата, благодаря которому «Петербург есть обетованная земля красоты, любезности и беспорочности», а в последнем фиксирует свою чужеродность и холодное отторжение: «Всякий раз, когда я вхожу в залу княгини В. и вижу эти немые, неподвижные мумии, напоминающие мне египетские кладбища,

какой-то холод меня пронимает» [8, т. 4, с. 471]. У Дышленко эту историю проживает Николай: от частного/индивидуального восхищения миром, радости творчества и счастья любви до полупомешательства на фоне равнодушия и непонимания социума. Пушкинский Минский называет это «недоброжелательством» как «чертой нашего нрава» [8, т. 4, с. 472], и Коля в своей дружести предстает тем же иностранцем, к которому город недоброжелателен. Показательно, что эта разница в восприятии мира демонстрируется в романе именно через пушкинский морф «холодность» и его воплощение — снег. Коля и близкие ему персонажи в восторге от выпавшего первого снега, связывая с ним 'новизну' и 'свежесть': «На кухне подошел к окошку: свежий снег под окном. За ночь напало еще: хорошо! Поставил на конфорку чайник и на него — заварной. С удовольствием вымылся холодной водой. С удовольствием растерся махровым полотенцем. Зима вселяла бодрость и уверенность в себе»; «Доброе, доброе, — отвечала старушка, — совсем неплохое. Зима. Так что с праздничком тебя, со снежком?»; «Здравствуй, Данилыч! И ты, лежебока, ничего не знаешь про зиму?»; «И настойчиво многообразны в своем безразличии к снегу и факту его появления чужие: «Да, снег, — сказал Боган, — я знаю. Ну что ж, зима так зима. Меня это не касается»; «Ну что ж, — Минкин встряхнул волосами, — примем это к сведению. В конце концов, этого и следовало ожидать»; «Бибиков вышел на Большой проспект. Поглядел по сторонам: хорошо. Снег расчищен и не мешает передвижению. По газонам ровные сугробы. Порядок» [4]. Даже формально позитивный отклик Гудзеватого (внешне как будто симпатизирующего Николаю): «посмотрел на белую Неву, на исторические и культурные памятники, покрытые снегом и сказал: — Люблю русскую зиму!» [4] — фальшив в своей стереотипности, как и весь Гудзеватый. Разрабатывая пушкинскую метафору холода, овеществляя и визуализируя ее в снеге и метели, вводя своего героя в диалог с ними как объектами (а порой в мистических сценах и субъектами), Дышленко словно вскрывает ресурсный потенциал пушкинского текста, не просто выводя из него неактивного/страдательного/остраненного героя (завязывая на Пушкине и XX век), но и визуализируя (буквально проявляя или производя рендеринг) в своем тексте самого Пушкина: несколько раз «смуглый, небольшого роста господин с великолепными бакенбардами» [4] проходит через текст — материализуется тенью в метели, перелетает через Певческий или Дворцовый мост, заглядывает в Колино окно, вспархивает на ступени Сената.

Дополнительный нюанс пушкинского присутствия вносит точное указание на место проведения бала — известен адрес квартиры Зинаиды Нарзан: Свечной переулок, дом 4, 3 этаж, квартира 17. Известно также, что Александр Антонович, заглядывая в чужие окна в поисках редкого антиквариата и увидев однажды в ее окне рубиновый фонарик, который становится его фетишем на протяжении всей истории, постоянно любителю им с 3-го этажа дома напротив. А напротив — Свечной переулок, дом 5 — находится дом Касторского, в котором в 1827—1828 гг. жили родители Пушкина, и это один из пушкинских адресов Петербурга. То есть именно из «пушкинского» дома заглядывает в окно квартиры будущего бала Александр Антонович. Оба дома были в конце XIX века перестроены, получив в том числе и новые этажи, но кажется, что Дышленко не случайно многократно упоминает 3 этаж, и его герои не поднимаются выше. Большинство домов, в которых жил Пушкин в Петербурге, были трехэтажными: дом в Соляном переулке, 14, где его

родители временно останавливались; доходный дом Клокачёва в Коломне на набережной Фонтанки, 185 (позднее надстроенный); первый семейный дом Пушкина с Н. Н. Гончаровой на Галерной, 53; дом С. А. Баташева на набережной Кутузова, 32, где квартира на 2 этаже оказалась Пушкиным не по карману, и они переехали на 3 этаж; наконец, последний его дом на набережной Мойки, 12. Трехэтажный дом как символ городских преобразений возникает у Пушкина и в «Домике в Коломне»: «Лачужки этой нет уж там. На месте / Ее построен трехэтажный дом. / Я вспомнил о старушке, о невесте, / Бывало, тут сидевших под окном...» [8, т. 3, с. 252]. Воспроизводя пушкинский трехэтажный Петербург, Дышленко задает еще и определенный ритм текстового пространства, в котором, как в структуре, код отчетливее проявляется. Так, топос бала связывается с Коломной, крайне важным и знаковым местом для Пушкина. И хотя Свечной переулок, куда переносит Дышленко и бал, и гостей, довольно далеко от самого района Коломны, Александр Антонович ходит туда именно по Коломенской улице и настойчиво ассоциирует это сакральное для него место, освященное рубиновым фонариком, с Коломной, знаковой уже для его личной мифологии.

Вообще мотив отражения окон, заглядывания в окна, переглядывания из окна в окно устойчив в романе. Так, Николай из своего окна на втором этаже во втором этаже дома напротив видит «черную старуху с державным лицом» («Коля высовывался из окна, и старуха важно каркала в ответ на Колин поклон» [4]). И хотя Коля живет на Васильевском острове, образ Пиковой дамы здесь все же считывается. Показательно, что родственники старухи переезжают, забирая ее с собой, а Коле достается символический объект — старухино кресло на колесах с причудливой спинкой. Обладание этим креслом, исключительно человеческое и органичное для Коли, как его поклоны старухе в окне, отнюдь не мистериальное, а для героя-художника визуально-фактурное (кресло стало частью минималистической композиции комнаты), вместе с тем формирует читательское ожидание. А то в свою очередь подпитывается святочным кодом, заявленным с самого начала в подзаголовке романа.

Так в пересечении кодов бал у Нарзан получает новые коннотации. Он происходит по случаю дня рождения Зинаиды 24 декабря в Сочельник, и в таком развороте это — своеобразный бал нечистой силы. И теперь не случайно его центральное событие — трактат Минкина о гениальности («Минкин открыл метод определения гениальности по внешним признакам и по странностям в поведении» [4]) — это апофеоз человеческого уродства. Знакомые с идеями Минкина претенденты кичатся большими ушами или умением сводить безымянный и средний палец, а перепечатавшая трактат Зинаида Нарзан уже отыскивает в гостях признаки этой гениальности, надеясь, что кто-то залазит или упадет со стула (лейтмотивом через текст проходит анекдот Хармса о Пушкине, который не умел сидеть на стуле, — анекдот, использующийся в буквальном смысле Минкиным и последователями для объяснения гениальности поэта). И финальные фразы Минкина о гении-монстре с деформированными частями тела преследуют потом Колю в ночь перед Рождеством, обретая телесные формы и настигая его в бреду.

Однако мистериальный святочный сдвиг, не замечая того, осуществляет и сам Коля: 21 декабря он делает Ляле предложение и решает 25 декабря, в день своего рождения и Рождество, идти подавать заявление. И Николай, и автор оставляют в стороне технические подробности и сроки свадьбы: важен сам факт нарушения запрета и заключения брака (или в данном случае договора

о браке) в святочную неделю. Зато решение Коли, как будто бессознательно, закольцовывается с первым знакомством его с Лялей: год назад в день его рождения и ночь Рождества две девушки остановили Николая у Андреевского собора вопросом об имени. «И только потом, когда обе со смехом убегали от него, удаляясь под хрупкими сводами далеко уходящих деревьев, он вспомнил старинный обычай загадывать на первого встречного, чтобы *узнать имя своего жениха*» [4] (курсив мой. — *Е. Т.*). Именно так не забывает и Пушкин прокомментировать гадание Татьяны об имени суженного в «Евгении Онегине» [8, т. 4, с. 181]. Нарушение Николаем запрета, сопровождающееся к тому же усиливающейся в тексте метелью (она не закончится до самого финала романа), прочитывается через «Метель» пушкинскую, в которой также венчание героев происходит не только вопреки родительской воле, но и в святки³. Но как у Пушкина метель скорее предстает искомым состоянием и пространством: в нем стираются границы между реальностью и мифом, дозволенным и запретным, предназначенностью и произволом, она не только сбивает с пути, но и обнажает судьбу, так и у Дышленко — это место страха, но и место силы. Встретившаяся Николаю рождественская девочка Ляля дает ему силы творить и нарушать запреты. Она же проходит с ним (хотя формально отдельно от него — соединяясь лишь во сне в ночь перед Рождеством и попадая в модель гадания «онегинской» Татьяны) пушкинскую или шире — святочную — историю ошибок, отказов, неузнаваний, чтобы в финале, подняв глаза к небу, соединиться со спасающими Николая гениями в созвездии Близнецов. И одним из этих спасителей будет «смуглый, голубоглазый, небольшого роста господин с великолепными бакенбардами и в атласном цилиндре» [4].

Заметим, что метель, окутывающая и завораживающая Ленинград, вызывающая сновидения и иллюзии, создающая мистериальность и соединяющая «земное» и «горнее», подключает в романе еще и петербургский код. В нем метель особенно генеративна, поскольку поддерживается лиминальными, оксюморонными, грёзовыми, ирреально-фантастическими и т. п. компонентами кода. В результате в петербургском тексте, по наблюдению В. Н. Топорова, «все кроме самой метели исчезает, и представителем главного в этом всем становится она сама. Именно в этой ситуации абсурда, непредсказуемости, гибельности как бы в противовес всему этому возникают мысль о жизни и ощущение надежды» [9, с. 339]. А для Дышленко в Ленинграде 1970-х петербургский код становится спасительным, питательным, ресурсным. Он не только хранилище контекстов, но их свидетельство, «охранная грамота». И это, пожалуй, в целом особенность восприятия Петербурга неофициальной ленинградской литературой⁴. В этой новой ситуации снимается

³ Святочные контексты возникают у Пушкина и в «Домике в Коломне»: в ночь под Рождество умерла старая кухарка, которую заменит Мавруша, а само переодевание «жениха» в женское платье и явление под женским именем весьма распространено в святочных сюжетах, начиная с древнерусской литературы («Повесть о Фроле Скобееве», напр.). Возможно, еще и по этой причине Коломна как мистериальное место отзывается в романе Дышленко: мерцает знаками, притягивает героев, создает пространство для бала и, наконец, становится точкой в городе, из которой выходит один из гениев созвездия Близнецов — художник П. А. Федотов.

⁴ См., напр., наблюдения О. С. Горелова о метатекстуальности петербургского текста в андеграундной поэзии, его сюрреализации, смещении акцентов с ужасного

конфликт культуры и стихии, как будто идущий в петербургском тексте от Пушкина с его «Медным всадником», но Пушкиным теперь и нейтрализующийся. И метель, и наводнение, в свернутом виде (как бьющаяся о стенки набережной вода) тоже присутствующее в романе Дышленко, становятся элементами кода и, соответственно, концептами культуры. Оттого у автора и его героев такое абсолютное доверие городу и родство с ним — близнечность. Отсюда и одомашнивание «чудесного»: культурные герои как гении места, домашние духи Петербурга/Ленинграда и лично Коли. Кроме Пушкина, его домашний пантеон (или созвездие Близнецов) составляют Гоголь, Чайковский, Федотов и Филонов — они, материализуясь в метельном городе («Не всем из живших в городе людей дано появляться на его улицах в святочные ночи. Но кое-кому все же дано» [4]), спасают героя от судебного приговора. Ритуал спасения прост: сходящиеся из разных концов города гении и рождественская девочка Ляля в ночь на Рождество устремляют взгляд «в мутное, тяжелое небо» [4]. Так же ожидаем результат святочной истории: «Двадцать пятого декабря, в три часа пополудни, над желтой аркой Адмиралтейства, щеки раздувая, грянули в длинные трубы, и мощный звук этих каменных труб ударил в небо и разорвал облака» [4]. Но гораздо важнее собственно финала та функция, которую в нем и в тексте выполняет «небо», поскольку именно с его помощью осуществляется демонстрация пересечения кодов и концептуализация культурных смыслов. В рождественском/святочном контексте небо — пространство для рождения новой звезды, в пушкинском — квинтэссенция холодной ясности северной столицы (на «ясное, бледное небо» смотрит испанец-путешественник из «Гостей»), в петербургском — высшая точка городской вертикали (шпилей, куполов, архитектурных объектов), на символическом уровне отождествляющая 'культурное' и 'небесное'⁵. Так вертикаль пушкинского Петербурга «вытягивает» Николая, представляя святочную историю не единственно возможным способом завершения сюжета (незавершаемого благополучно в другом жанре), а выходом на тот пограничный рубеж, на котором для героя Бориса Дышленко, во многом автобиографического, есть варианты для творчества и существования. Думается, Пушкин, разрабатывая фантастические, готические, мистические сюжеты, нащупывал именно эту границу, за которой герой перестает быть обусловлен социумом и реализует иные свои возможности, бесконечно раскрываясь в них. И здесь Пушкин становится важен Дышленко не только как протоавтор, оправдывающий и легитимирующий творчество вообще, но и как близнец-единомышленник.

на чудесное, восприятию города как топоса обитания мечтателя / «ментального путешественника» / «гипносического субъекта» и др. [2, с. 484—488].

⁵ Ср. размышление В. Н. Топорова: «Говоря о высоком коэффициенте “открытости” Петербурга, нужно помнить не только о горизонтальной плоскости, ... но и о вертикали, которая открывает взгляду еще одно открытое пространство — небесное. Его роль, как и роль небесной линии, значительно важнее для петербуржцев или приезжающего в Петербург, чем для москвича ... из-за большей закрытости и “приземленности” московского пространства. В Петербурге в “панорамных” позициях (например, на Неве) небо огромно, а обычно невысокие дома на набережных кажутся ... выступающими как обрамление огромной небесной открытости» [9, с. 352].

Список литературы

1. *Вайнштейн А. Л., Павлова В. П.* К истории повести Пушкина «Гости съезжались на дачу...» // *Временник Пушкинской комиссии*, 1966. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1969. С. 36—43.
2. *Горелов О. С.* Сюрреалистический код в русской литературе XX—XXI веков. Воронеж: Воронежская областная типография, 2021. 492 с.
3. *Дышленко Б.* Порог // *Звезда*. 2005. № 11. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2005/11/porog.html> (дата обращения: 02.10.2021).
4. *Дышленко Б.* Созвездие Близнецов. Святочный роман // *Звезда*. 2009. № 5—6. URL: <https://coollib.net/b/443090-boris-ivanovich-dyishlenko-sozvezdie-bliznetsov/read> (дата обращения: 02.10.2021).
5. *Жолковский А. К.* Интертекстуальное потомство «Я вас любил...» Пушкина // *Жолковский А. К. Избранные статьи о русской поэзии: Инварианты, структуры, стратегии, интертексты*. М.: РГГУ, 2005. 655 с.
6. *Косиков Г. К.* «Структура» и/или «текст» (стратегии современной семиотики) // *Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму* / пер. с фр., сост. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: ИГ «Прогресс», 2000. С. 3—48.
7. *Петрунина Н. Н.* Проза Пушкина (пути эволюции). Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1987. 340 с.
8. *Пушкин А. С.* Собрание сочинений: в 10 т. / под общ. ред. Д. Д. Благого, С. М. Бонди, В. В. Виноградова, Ю. Г. Оксмана. М.: ГИХЛ, 1959—1962.
9. *Топоров В. Н.* Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // *Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического*. М.: ИГ «Прогресс» — «Культура», 1995. С. 259—367.
10. *Шумилина Н. В.* Взаимодействие поэзии и прозы в творчестве Е. П. Ростопчиной и К. К. Павловой: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2014. 224 с.
11. *Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию / пер. с итал. В. Резник, А. Погоняйло. СПб.: Симпозиум, 2006. 544 с.

УДК 94(470.315)''18'':352
ББК 63.3(2Рос-4Ива)52–334
DOI: 10.46726/Н.2021.4.8

К. Е. Балдин

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ОРГАНОВ МЕСТНОГО ОБЩЕСТВЕННОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ГОРОДЕ ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКЕ В НАЧАЛЕ 1870-х гг.

В 1871 г. в результате объединения села Иваново и Вознесенского посада возник по «Положению», подписанному императором Александром II, город Иваново-Вознесенск. В статье рассматривается образование в нем муниципальных органов управления на основе «Городового положения» 1870 года. Автор останавливается на особенностях выборов в Иваново-Вознесенскую городскую думу в этом крупном индустриальном центре и на обстоятельствах выборов первого состава городской управы. Первым городским головой здесь стал один из местных текстильных промышленников Петр Борисов, который вместе с братьями владел ситцевой фабрикой. Рассмотрен алгоритм заседаний городской управы. Автор подчеркивает, что местный нормативный акт, на основе которого она работала, максимально затруднял возможности использования различных коррупционных схем. В статье рассматривается также образование в городе карательной силовой структуры — полицейского управления во главе с полицмейстером. Автор проанализировал попытки выработать городской герб Иваново-Вознесенска, которые к сожалению, в дореволюционный период так ничем и не закончились.

Ключевые слова: городская реформа 1870 г. в России, городская дума, городская управа, городской голова, городской герб, охрана общественного порядка.

К. Е. Baldin

THE EMERGENCE OF LOCAL PUBLIC AUTHORITIES IN THE CITY OF IVANOVVO-VOSNESENSK IN THE EARLY 1870s

In 1871 Emperor Alexander II signed the “Regulation”. As a result of it the village of Ivanovo and posad Voznesenskij were joined, and a new city of Ivanovo-Voznesensk was added to the map of Russia. The article examines the formation of municipal governments in this city on the basis of the “City Regulation” of 1870. The author dwells on the peculiarities of the elections to the City Duma in this major industrial center and on the circumstances of the elections of the first composition of the executive city council. The first city mayor was one of the local textile industrialists Petr Borisov, who together with his brothers owned a chintz factory. The algorithm of meetings of the city executive council also is considered in this article. The author emphasizes the fact that the local regulation, on which it worked, made using various corruption schemes next to impossible. The article also considers the formation of a punitive force structure in the city — the police department, headed by the police chief. The author analyzed attempts made at the time to work out the city emblem for Ivanovo-Voznesensk. Unfortunately, these attempts yielded no tangible results in the pre-revolutionary period.

Key words: city reform of 1870 in Russia, city Duma, city executive council, city mayor, city emblem, public order protection.

© Балдин К. Е., 2021

В 1860—70-х годах в период царствования Александра II в России были проведены преобразования, которые в дальнейшем получили название «великих реформ». Они имели всеобъемлющий характер, охватив социально-экономическую и политическую систему страны, затронув также и ее культурное пространство. Свое почетное место среди этих преобразований занимает городская реформа, которая проводилась на основании «Городового положения» 1870 года.

В советский период долгое время всячески старались преуменьшить значение этой реформы. Историки в то время утверждали, что она отдала бразды правления в городских муниципалитетах в руки консервативной буржуазии, которая, по их словам, заботилась исключительно о своих интересах и выгодах. Только в самом конце XX в. историки стали более объективно анализировать сущность этой реформы, конкретную деятельность городских дум и управ. Большим достижением современных историков является то, что они рассматривают городские думы и городские управы не как власть в известном смысле этого слова, а именно как органы общественного самоуправления горожан, хотя и не всех из них, если учитывать цензовый характер выборов. Властью в городе или в уезде следует называть те структуры и должностных лиц, которые относились к ведомству Министерства внутренних дел — полицейские управления, полицмейстеров в городах, исправников, станowych приставов, урядников в уездах.

К сожалению, не все стороны реализации городской реформы 1870 г. изучены в равной степени основательно. Авторы работ по этой тематике в большей степени обращали внимание на функционирование городских органов самоуправления, на систему выборов в них. Слабее изучена не функциональная, а организационная проблематика, связанная с городской реформой: деятельность городских управ, в частности как их ответственных работников, так и технического персонала, а также первые, порой не очень умелые шаги «отцов города» на общественном поприще.

На примере дореволюционного Иваново-Вознесенска особенно наглядно видна недостаточная изученность такого рода урбанистической проблематики. Местные исследователи в последние годы уделили пристальное внимание развитию городского здравоохранения, коммунального хозяйства, а также попыткам создания геральдического символа Иваново-Вознесенска. В то же время, значительно меньше изучены такие исторические сюжеты, как руководство народным образованием со стороны думы и управы, самые первые шаги «отцов города» после первых муниципальных выборов 1872 года. Именно недостаточной изученностью целого ряда вопросов истории городского самоуправления в Иваново-Вознесенске обусловлена научная актуальность данной статьи.

Целью ее является анализ первых мероприятий городской думы и городской управы после их создания, выработки алгоритма их деятельности, а также церковных структур.

Для рассмотрения этой проблематики автором использованы, прежде всего, протоколы Иваново-Вознесенской городской думы за 1872—1873 гг., которые были опубликованы во «Владимирских губернских ведомостях», а также неопубликованные делопроизводственные источники из архивного фонда Иваново-Вознесенской городской управы.

Первые муниципальные выборы в Иваново-Вознесенске были проведены в 1872 г. в соответствии с «Городовым положением» 16 июня 1870 г.

Возрастной ценз при выборах был высоким, право опустить в урну избирательный (или неизбирательный) шар имели жители старше 25 лет. Не менее жестким был избирательный ценз: в выборах принимали участие только плательщики городских налогов. Все избиратели делились на три курии. В первой участвовали самые крупные промышленники и оптовики-торговцы, которые платили одну треть городских налогов. Их было совсем немного. Во второй курии принимали участие предприниматели средней руки, которые платили еще одну треть городских сборов. Наконец, третье избирательное собрание состояло из мелких плательщиков, которых было больше всего, и они вносили в городской бюджет тоже одну треть налогов. Все три курии делегировали в состав городской думы равное число гласных. Между тем, участники всех этих трех курий, в свою очередь, составляли меньшинство населения, т. к. рабочие, мелкие служащие, не цензовая интеллигенция не имели собственности, не платили с нее налогов и, соответственно, не могли принимать участие в выборах.

В Иваново-Вознесенске во время первых двух выборных кампаний число избирателей составляло от 1001 до 1171 чел. В первом избирательном собрании насчитывалось всего 20—24 избирателя. Это были крупные текстильные фабриканты. Во второй курии присутствовали от 64 до 77 человек, принадлежавшие к слою менее крупной промышленной и торговой буржуазии. В третьем избирательном собрании сосредотачивалась основная масса городских избирателей — от 917 до 1070 человек. Всего в первый состав городской думы в 1872 г. было избрано 46 гласных [12, с. 131].

Первое заседание Иваново-Вознесенской городской думы состоялось 6 июня 1872 г. Накануне его гласные побывали в Вознесенской церкви (главном храме Вознесенского посада), прослушали там литургию и приняли участие в молебне. Здесь же они принесли на Евангелии присягу на верность престолу и отечеству. Только после этого они направились в «общественный дом», где до этого помещалась дума Вознесенского посада [5, ф. 2, оп. 1, д. 1, л. 1—2].

В начале заседания сразу же встал вопрос о том, кто будет вести его. В то время еще не сложился (по крайней мере, в «Русском Манчестере») практикующийся сейчас обычай, когда сессию того или иного представительного органа открывает старейший из избранных депутатов. Поэтому заседание вел Иван Никонович Гарелин — голова Вознесенского посада. Он же председательствовал и на дальнейших заседаниях вплоть до выборов городского головы. Для ведения протоколов заседаний на должность «городского секретаря» был выдвинут Алексей Михайлович Алякринский, который до этого исполнял такого рода обязанности в думе Вознесенского посада. Гласных информировали о том, что он будет протоколировать заседания временно, вплоть до выбора постоянного думского секретаря [3, 1873, № 10]. На самом деле А. М. Алякринский исполнял обязанности «городского секретаря» в думе не несколько заседаний, а несколько десятилетий, начиная с 1873 года [5, ф. 2, оп. 1, д. 2101, л. 54].

После избрания секретаря гласные приступили к обсуждению кандидатур на должность городского головы. Здесь их сразу же ждал неприятный сюрприз. Председательствующий огласил три письменных заявления, поступивших в думу от мануфактур-советника Я. П. Гарелина, а также от почетных граждан Петра и Тимофея Степановичей Борисовых; они публично объявляли о своем нежелании избираться на какие-либо общественные должности

по городу. При этом только П. С. Борисов объяснил причину своей неявки на заседание, сослался на болезнь [3, 1873, № 10]. Сюрприз для гласных был неприятным потому, что именно братьев Борисовых и Я. П. Гарелина они имели в виду для избрания на пост иваново-вознесенского «мэра».

Затем были предложены кандидатуры бывшего посадского головы И. Н. Гарелина и его брата С. Н. Гарелина, но они объявили самоотвод. Далее соответствующие предложения были сделаны гласным-предпринимателям М. Н. Гарелину, Н. Ф. Зубкову, Д. А. Напалкову, П. С. Борисову, В. В. Меншикову, А. Д. Лаханину, но все они тоже отказались [5, ф. 2, оп. 2, д. 1, л. 10].

Разочарованные гласные решили на время отвлечься от поиска конкретных персон для руководства общественным самоуправлением и занялись таким важным, по их мнению, делом, как определение размера жалования руководящих работников города. Как нам представляется, некоторые из членов думы, возможно, стремились привлечь опытных и способных людей высокими окладами. По итогам голосования оказалось, что за годовое жалование в 3500 р. высказался только один человек, 3000 р. — четверо, 2500 р. — двое, 1500 рублей — один. Абсолютное большинство — 36 человек проголосовали за размер жалования городского головы в 2 тысячи рублей.

Был решен вопрос о том, что городская управа (кроме головы) должна состоять из четырех человек. Затем абсолютным большинством голосов (29 человек) высказались за размер годового жалования для этих должностных лиц в 1000 р. Городскому секретарю был определен оклад в 300 рублей. Решили, что за время отлучек и болезни городского головы и иных должностных лиц выплата оклада им приостанавливалась. Жалование в это время будут получать «заступающие их места», т. е. заместители [3, 1873, № 10].

Организационные и кадровые дела было необходимо решать быстро, поэтому второе заседание городской думы состоялось через два дня — 8 июня 1872 г. Основной вопрос в повестке дня опять состоял в выборе городского головы. Была озвучена кандидатура Федора Никоновича Гарелина — одного из совладельцев крупного промышленного заведения. Кандидатура Ф. Н. Гарелина при голосовании набрала 40 голосов «за» и 8 «против», что можно считать очень хорошим результатом. Но из протокола можно с большой долей уверенности предположить, что голосование проходило в его отсутствие. Таким образом, его дружно выбрали в городские головы, не испросив его согласия.

На том же заседании довольно гладко прошли выборы членов управы: титулярный советник Алякринский получил 38 избирательных голосов, коллежский регистратор Васильев — 34, купец Петровский — 40, мещанин Шаваев — 34. Кроме того, были выбраны кандидаты в члены управы, которые должны были «заступать их место» в случае болезни, отлучек или других форсмажорных обстоятельств: Журавлев получил 29 избирательных голосов, Щапов — 39 голосов. В конце этого избирательного марафона приступили к выборам «вице-мэра», т. е. «заступающего место» городского головы. Он мог быть выдвинут только из числа членов городской управы. На этот пост предложили Николая Алексеевича Петровского, который получил абсолютное большинство голосов [3, 1873, № 10].

Следующее заседание, состоявшееся почти через три недели — 27 июня, посетили лишь 37 гласных. На нем сообщили, что Н. А. Петровский утвержден губернским начальством в должности заступающего место городского

головы. Что касается заочно избранного «мэром» Иваново-Вознесенска Ф. Н. Гарелина, то он, как и следовало ожидать, отказался от оказанной ему чести. Таким образом, в городе был уже «вице-мэр», но «мэра» пока не было. Одновременно было зачитано заявление мануфактур-советника С. Н. Гарелина о том, что он жертвует 2 тыс. рублей на первоначальное обустройство местного сиротского дома, который в это время находился в процессе учреждения. Гласные постановили выразить благодарность С. Н. Гарелину. Рискнем предположить, что это щедрое пожертвование было сделано в том числе затем, чтобы народные избранники не докучали дарителю новыми просьбами о том, чтобы он согласился стать городским головой [3, 1873, № 12]. Вообще сложившуюся в городе ситуацию можно описать следующей двусмысленной фразой: «Никто не хотел работать головой».

В конечном итоге депутатам удалось все же уговорить на баллотировку в городские головы Петра Степановича Борисова, который вначале отказывался от этой чести. Голосовали за него довольно дружно: из присутствовавших 37 гласных 31 человек положил за Борисова белые шары, черные опустили только пятеро, еще один не принимал участие в голосовании. Через полмесяца на общем собрании думы 14 июля 1872 г. была оглашена информация о том, что начальник губернии утвердил П. С. Борисова в его должности [3, 1873, № 12].

Первый городской голова происходил из рода известных ивановских предпринимателей. Основателем их мануфактурного дела можно считать Степана Ивановича Борисова. Краткие данные о нем сохранились в «бурьлинском некрополе» — информационном банке, собранном по заданию мецената Д. Г. Бурьлина. Это были тексты надписей на надгробиях. С. И. Борисов, как явствует из этого источника, являлся купцом Вознесенского посада. Он принадлежал к 2-й гильдии, имел звание почетного гражданина, родился 8 декабря 1813 г., а скончался 5 февраля 1860 г. в возрасте 46 лет [5, ф. 205, оп. 1, д. 291, л. 152].

Сохранились сведения о фабрике Борисовых, они были собраны в 1875 году вместе с данными о других иваново-вознесенских предприятиях С. Д. Смирновым. На предприятии Борисовых в это время насчитывалось 8 паровых котлов и 12 паровых машин общей мощностью 331 лошадиная сила. По этому показателю фабрика Борисова уверенно входила в первую пятерку наиболее крупных и технически оснащенных промышленных заведений Иваново-Вознесенска. Что касается ситцепечатных машин, то у Борисовых их было семь — больше, чем на любой другой фабрике города [3, 1876, № 41]. Фабрика С. И. Борисова выпускала так называемые алжирские ситцы, предназначенные для сбыта на Востоке [4, ф. 14, оп. 1, д. 10469, л. 2].

Сведения о семье Борисовых, владевшей этим предприятием, можно извлечь из ведомостей об объявлении купеческих капиталов по городу Иваново-Вознесенску. Борисовы записались на 1873 год в первую гильдию по «Русскому Манчестеру». В объявлении по этому поводу говорилось, что «под фирмой Степана Борисова С-я» состояли: первый городской голова Петр Степанович 36 лет, а также его младшие братья — Тимофей 35 лет, Дометиан 32 лет и Федор 24 лет [5, ф. 2, оп. 1, д. 32, л. 69].

В конце 1870-х годов в семье Борисовых начались конфликты между братьями. В результате производство на фабрике прекратилось, а земельные участки были распроданы по частям, оказавшись в руках других владельцев [11, с. 142—143]. Вместе с тем вплоть до 1920-х и даже 1950-х годов

в Иванове сохранялся целый слой «борисовской» топонимии. Это четыре Борисовских улицы, два Борисовских переулка и в придачу к ним еще Задняя Борисовская улица. В настоящее время это улицы III Интернационала, Профсоюзная, Сакко, Ванцетти, Ноздрина и Марии Рябиной [6, с. 79].

Заседания Иваново-Вознесенской городской думы не отличались регулярностью. Первые два из них в июне 1872 г. произошли с интервалом в два дня, затем последовал довольно длительный перерыв. В августе заседание было только одно. Дело было в том, что во второй половине июля — первой половине августа в соседнем Нижнем Новгороде в течение более чем месяца продолжалась главная ярмарка страны. Большинство представителей местной промышленной и торговой элиты (одновременно они были гласными городской думы) отправлялись на несколько недель в город, который называли «карманом России». Они заключали здесь коммерческие сделки, общались со своими партнерами по бизнесу из столиц и других городов, узнавали о новшествах в деловой сфере.

Зато в сентябре 1872 г. были проведены шесть заседаний, из них четыре — подряд друг за другом с интервалом в один-два дня. В декабре заседали только два раза, в том числе вследствие довольно длительных рождественских праздников, а в январе 1873 г. — четыре раза. В среднем заседания происходили два-три раза в месяц. Они проводились в вечернее время. Большинство гласных, имевших свое промышленное или торговое дело, в течение дня были заняты на фабрике, на складе, в конторе, магазине. Заседания продолжались по два-три часа, иногда дольше.

Самые первые заседания в 1872 году происходили с очень высокой явкой, на них приходили по сорок с лишним членов думы. Их нельзя было пропустить, т. к. на первом из них приносилась присяга, а на последующих происходили выборы главных должностных лиц местного самоуправления [3, 1873, № 10]. Позже элемент новизны для «народных избранников» утратился, на заседания являлись сначала около тридцати человек; 18 июля прибыли 24 человека, 22 июля — 25, а четвертого августа — только 19 [3, 1873, № 12, 18]. Низкую явку в августе мы уже объяснили выше отбытием многих гласных на Нижегородскую ярмарку.

Посещаемость заседаний падала все ниже и ниже. Наконец, в январе 1873 г. «отцы города», внимательно ознакомившись с текстом «Городового положения», поняли, что некоторые решения, принятые думой при столь низкой явке, фактически не имели юридической силы. Гласные, собравшиеся 19 января 1873 г. в количестве всего 17 человек, с удивлением узнали, что их собрание неправомочно, равно как неправомочными были и другие собрания городской думы, состоявшиеся 4 и 7 января. Члены управы разъяснили депутатам, что для решения вопросов жизни города необходима явка, по крайней мере, одной трети гласных, а по некоторым особо важным вопросам — даже половины. Депутаты обсудили создавшееся положение и приняли решение накладывать на манкирующих взыскания [3, 1874, № 34].

Любопытно проследить то, какими делами озаботилась Иваново-Вознесенская городская дума в первые же дни и недели своего существования. Разумеется, это были организационные заботы по определению круга деятельности, по выборам управы и других муниципальных исполнительных органов. Но постепенно все большую долю времени на заседаниях городского распорядительного органа занимали дела чисто функциональные.

Весьма характерно, что свое почетное место среди них сразу же заняли проблемы становления и развития системы учебных заведений, которые действовали еще в селе Иваново и в Вознесенском посаде, но которых было явно недостаточно для только что созданного города, даже если он имел статус безуездного и заштатного. Первым вопросом, который гласные обсудили на заседании 18 июля 1872 г., было утверждение претенденток на получение дотаций на обучение в одной из московских женских гимназий. Эти стипендии были учреждены местным предпринимателем Шодчиным для обучения девушек из Иваново в связи с тем, что женского среднего общеобразовательного заведения в то время здесь пока не было [3, 1873, № 12].

Очень важный вопрос по народному образованию обсуждали на заседании 22 ноября 1872 г., когда было принято принципиальное решение запустить процесс открытия реального училища в Иваново-Вознесенске. Программа этого учебного заведения как нельзя лучше подходила для детей местных фабрикантов и торговцев; последние, естественно, желали, чтобы их чада продолжали семейное мануфактурное или же коммерческое дело. На следующий день гласные, вошедшие, как видно, во вкус просветительной деятельности, поставили вопрос об открытии в городе также ремесленного училища с целью подготовки высококвалифицированных рабочих [3, 1873, № 47].

Кроме народного образования другим очень важным поприщем деятельности народных избранников стало развитие здравоохранения. На заседании 9 сентября 1872 г. гласные обсуждали пожертвование, сделанное фабрикантом И. М. Полушиным. Он безвозмездно отдал городу участок в 750 квадратных саженой земли, расположенной неподалеку от центра бывшего Вознесенского посада. Он предназначался для главного лечебного учреждения города — функционировавшей еще с 1861 года больницы для мастеровых и рабочих. Гласные благодарили дарителя, и в дальнейшем участок был использован для расширения этой лечебницы [3, 1873, № 27].

Первым по счету вопросом о городском благоустройстве, поднятом на заседании думы, был вопрос о мощении дамбы, прилегавшей к Тулякову мосту (ныне — Театральный мост через реку Уводь) и об установке на этом тракте новых керосиновых фонарей в придачу к уже существовавшим [3, 1873, № 18, прибавления].

Когда с алгоритмом заседаний городской думы все стало более или менее понятным, гласные решили регламентировать деятельность постоянно действовавшего исполнительного органа муниципального самоуправления — городской управы. Инициатива здесь исходила от гласного Алякринского, который до этого четырнадцать лет служил чиновником в думе Вознесенского посада и, в отличие от других своих коллег-гласных, очень хорошо разбирался в бюрократических тонкостях. На заседании 5 июля 1872 г. он предложил составить инструкцию по работе управы, а также выработать формуляры регистрационных книг управы и правил ведения городского счетоводства [3, 1873, № 12].

На следующем заседании, состоявшемся 14 июля того же года, было утверждено штатное расписание ответственного и технического персонала управы. Решили, что следует пригласить для работы в ней делопроизводителя, бухгалтера с помощником, регистратора для оформления входящих и исходящих бумаг, а также трех младших писцов. На жалование этим городским чиновникам было отпущено для начала 3 тыс. рублей в год [3, 1873, № 12].

После этого около трех недель было затрачено на составление инструкции для городской управы. Мы предполагаем, что ее написал тот же Алякринский, который среди вновь избранных городских гласных был гораздо более других искушен в делопроизводственной сфере.

Для исследователя очень ценно то, что в губернском еженедельном офицозе был напечатан проект этого документа, предложенный на обсуждение гласных. В нем говорилось, что городская управа состоит из четырех человек — ответственных работников и канцелярии при ней. Чиновников последней (делопроизводителя, бухгалтера, регистратора и др.) подбирали члены управы, но решающий голос все же оставался за головой. Одному из членов управы вменялся в обязанности постоянный контроль за этими наемными чиновниками. На имя этого же члена управы подавались прошения, адресованные городскому голове и управе в целом. В дальнейшем он был обязан давать законный ход этим документам [3, 1873, № 18, прибавления; № 19].

Другой член управы являлся материально ответственным лицом, он принимал, хранил и выдавал деньги на городские нужды, следил за правильностью счетоводства в канцелярии. По инструкции денежные суммы и финансовые документы должны были храниться в особом сундуке за печатью городского головы, а сундук помещался в несгораемый шкаф (сейф). Этот же член управы хранил под замком гербовую бумагу и бланки торгово-промысловых документов. Наличность, хранившаяся в сейфе, книги о доходах и расходах управы ежемесячно ревизовал весь состав управы [3, 1873, № 19]. Таким образом, механизм коллективного контроля за финансовыми потоками существовал не на бумаге, он практически исключал злоупотребления.

В целом, коллективному характеру контроля уделялось особое внимание в деятельности городского муниципалитета. Был определен круг вопросов, который требовал не единоличных, а именно коллективных решений. К ним относились: устройство торгов, утверждение подрядов (например, на производство работ для городских нужд), предварительное рассмотрение росписей доходов и расходов (т. е. бюджета) и отчетов управы, распределение полномочий между членами управы, рассмотрение проектов обязательных постановлений управы (локальных подзаконных актов), разрешение частным лицам построек в черте города, утверждение их планов и фасадов. Общие собрания членов управы проводились не менее трех раз в неделю, т. е. через день [3, 1873, № 19].

По реформе 1870 года города России должны были обзавестись своими гербами, если таковых у них не было. В отличие от Иваново-Вознесенска, у всех крупных городов, расположенных по соседству с Иваново-Вознесенском, такие гербы уже давно имелись. Был хорошо известен и ярославский медведь с секирой, и владимирский лев с крестом в лапах, и нижегородский олень, который то ли нерешительно, то ли кокетливо приподнял переднюю ногу.

На одном из первых заседаний городской думы 5 июля 1872 г. по предложению гласного Гарелина (в протоколе собрания не уточнялось, который из нескольких представителей этого рода имелся в виду) было решено до разработки герба для делопроизводственных целей пользоваться печатью Вознесенского посада, на которой был изображен герб этого поселения [3, 1873, № 12]. В верхней части этой печати был изображен губернский герб — т. е. лев, в нижней части герба — два квадрата или куба небольшого размера. Символика этих геральдических элементов специалистам не известна [8, с. 82].

На заседании Иваново-Вознесенской городской думы 14 июля 1872 г. гласные подтвердили намерение употреблять старую печать, но поручили членам управы составить проект герба [3, 1873, № 12]. Кто стал его автором — не известно. В верхней части его поля был изображен тот же владимирский лев, гораздо более интересной и разнообразной была нижняя часть герба. Здесь присутствовало, во-первых, колесо, которое изображало «механику» (наверное, имелись в виду механизмы, работавшие на фабриках), во-вторых, реторта, изображавшая химию (большая часть тканей в то время окрашивалась красками, получавшимися в результате химических процессов); в-третьих, якорь и кипы товаров, символизовавшие торговлю.

Проект герба был направлен в Сенат с сопроводительным письмом владимирского губернатора. Но по каким-то причинам этот проект так и не был утвержден. Аналогичные попытки предпринимались также в 1887 и 1891 г., но они ничем не закончились. Иваново-Вознесенск, а затем Иваново оставались без герба города [8, с. 82, 85].

В процессе обсуждения кандидатур на должность городского головы гласным пришлось на некоторое время отвлечься от этих чисто мирских проблем и озаботиться вопросами церковными. Иваново-Вознесенск обрел статус города, поэтому одному из местных храмов необходимо было присвоить статус соборного. Этот вопрос в церковной среде решался не указом епархиального начальства, а более демократическим путем: волеизъявлением если не всех местных жителей, то, по крайней мере, их представителей — новоизбранных гласных городской думы. В связи с этим из кафедрального города Владимира поступило письмо от епархиального архиерея, которое было зачитано на собрании депутатов. Архиепископ Владимирский и Суздальский Антоний считал, что на звание городского собора могут претендовать только две церкви — Покровская и Крестовоздвиженская и оставлял выбор за представителями города [3, 1873, № 12].

Выбор оказался нелегким. Среди гласных были сторонники как Покровского храма, так и Крестовоздвиженского. Соперничество их было давним и уходило корнями в те годы, когда рядом с селом Ивановом не было еще Вознесенского посада. Ивановцам особенно нравился звук главного колокола Крестовоздвиженской звонницы. По сохранившемуся в архиве неопубликованным воспоминаниям журналиста И. А. Волкова, он был «бархатным и густым как мед». Что касается звуков, которые раздавались с колокольни соперничавшего Покровского храма, то И. А. Волков выразился о них так: «Хрипло брякает треснувший от старости колокол “святого Покрова”» [5, ф. 420, оп. 1, д. 7, л. 57, 101—102; 10, 1910, 6 января].

Во время заседания городской думы 5 июля 1872 г. известные предприниматели Гандурин и Напалков указывали на то, что Крестовоздвиженская церковь является более древней, чем Покровская [3, 1873, № 12]. В этом они были неправы, т. к. Покровская церковь стояла на берегу реки Уводи еще в XVII в. и принадлежала находившемуся здесь Покровскому монастырю [7, с. 68—69].

Местная пресса подчеркивала, что Покровский храм был самым богатым в Иваново-Вознесенске. В «историко-статистическом описании» этого храма говорилось, что иконы в нем и церковная утварь богато украшены драгоценными камнями, золотом и серебром. Дары в этот храм приносили владельцы Иванова в XVII в. — князья Черкасские, а также богатые местные текстильные промышленники [9, 1900, 19 апреля; 7, с. 69].

В ходе горячего спора на заседании думы поступило предложение решить вопрос открытым голосованием. Против этого выступили упомянутые выше гласные Гандурин и Напалков, надеявшиеся, что при закрытом голосовании им удастся получить большинство. Их возражение не было принято, в результате голосования с результатом в 29 голосов против 16 решили утвердить соборным храмом Покровский [3, 1873, № 12].

Подводя некоторые итоги, следует констатировать, что система выборов в городские представительные органы по «Положению» 1870 года была составлена так, что определенные слои городского населения получали значительные преимущества по сословному и имущественному признакам. Куриальная система влекла за собой неравенство голосов на выборах. Один голос купца 1-й гильдии или потомственного почетного гражданина был гораздо весомее голоса торговца средней руки и, тем более, — владельца мелочной лавки, фабричного служащего или же небогатого домовладельца. Два-три десятка фабрикантов делегировали в думу столько же гласных, сколько посылали туда более тысячи представителей третьей курии. Естественно, что депутаты из фабричных служащих, торговцев или подрядчиков не осмеливались перечить фабрикантам на заседаниях думы, т. к. либо трудились у них на предприятиях, либо являлись поставщиками различных товаров или услуг на местные фабрики. В этих условиях власть в городской думе «Русского Манчестера» почти безраздельно принадлежала местной промышленной элите — таким гласным, как Гарелины, Зубковы, Полушины, Бурылины, Гандурины, Витовы, Фокины и др.

Выше была проанализирована ситуация, сложившаяся при выборах городского головы Иваново-Вознесенска. На фоне современных политических баталий в провинции, когда за кресло мэра города или главы района обычно сражаются несколько (порой — несколько десятков) претендентов, массовый отказ фабрикантов от этой должности выглядел необычно. На самом деле, такая ситуация до революции была абсолютно закономерной. Исполнение должности городского головы (при условии полной самоотдачи) предполагало нелегкий труд с раннего утра до позднего вечера, что в значительной степени «выключало» фабриканта из его предпринимательской деятельности. Между тем, деловому человеку необходимо было постоянно присматривать за производственным процессом на фабрике, ездить по коммерческим делам в Москву и на ярмарки для заключения сделок. Если у него не было братьев или взрослых сыновей, уже вошедших в курс семейного дела, то служба городским головой или даже членом управы могла негативно сказаться на делах предприятия. Именно поэтому они отказывались от настойчиво предлагаемой чести, которая представлялась им очень сомнительной. Причем ситуация в Иваново-Вознесенске не была исключением, то же самое наблюдалось и в других городах, например, — в соседней промышленной Шуе.

Чиновничий аппарат городской думы и городской управы был небольшим, если сравнить его с современным муниципальным чиновничьим аппаратом. Во всяком случае, сто пятьдесят лет назад на одного чиновника приходилось заметно больше жителей города, чем сейчас. «Отцы города» (голова, члены управы и гласные) экономили средства местного бюджета и старались не раздувать аппарат. В это время появились профессиональные муниципальные служащие с большим опытом работы. Одним из них стал городской секретарь А. М. Алякринский, который несколько десятилетий вел

протоколы заседаний и исполнял другие обязанности, сначала — в Вознесенском посаде, а потом — в городе Иваново-Вознесенске.

Через некоторое время после начала работы думы и управы в городе появилась и своя структура для охраны общественного порядка — Иваново-Вознесенское полицейское управление. Численность ее была невелика — всего два десятка городских. Несмотря на понуждения со стороны Министерства внутренних дел, губернатора и полицмейстера гласные городской думы не торопились отыскивать в бюджете средства для увеличения штата полиции. Они гораздо более охотно голосовали за траты на здравоохранение, просвещение, развитие городского хозяйства. В то же время расходы на полицию, содержание судебных органов и на построй войск не значились в числе приоритетных для членов городской думы.

В заключение отметим, что в целом в дореволюционной истории городского самоуправления Иваново-Вознесенска есть еще малоисследованные проблемы. Например, пока не нарисован коллективный портрет городских гласных или членов управы, не проанализирована деятельность сиротского суда. Эти и некоторые другие локальные исторические сюжеты в дальнейшем могут стать предметами новых самостоятельных исследований.

Список литературы

1. Балдин К. Е., Семенов А. М. Иваново. История и современность. Иваново: Ивановская газета, 1996. 224 с.
2. Балдин К. Е., Семенов А. М. Иваново-Вознесенск. Из прошлого в будущее. Иваново: Изд-во О. Е. Епишевой, 2011. 248 с.
3. Владимирские губернские ведомости.
4. Государственный архив Владимирской области.
5. Государственный архив Ивановской области.
6. Имена улиц города Иванова. Иваново, 1981. 134 с.
7. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Вып. 5. Шуйский, Ковровский, Вязниковский и Гороховецкий уезды. Владимир, 1898. 505 с.
8. Корников А. А. Геральдика Ивановского края. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2018. 184 с.
9. Северный край.
10. Старый владимирец.
11. Тихомиров А. М. Иваново. Иваново-Вознесенск. Путеводитель сквозь времена. Иваново: ИД «Референт», 2011. 328 с.
12. Экземплярский П. М. История города Иванова. Ч. 1. Дореволюционный период. Иваново: Ивановское книжное издательство, 1958. 396 с.

УДК 351.853

ББК79.05

DOI: 10.46726/И.2021.4.9

*М. А. Гусева, В. В. Комиссаров***ОХРАНА И РЕКОНСТРУКЦИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ:
ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ РЕАЛИИ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ**

Статья посвящена некоторым аспектам охраны, реконструкции и музеефикации старинных городов, имевшим место в СССР в 1960—1980-х гг. Анализируется использование зарубежного опыта музеефикации. Подробно разбирается реконструкция Кембриджа в Великобритании. Проводятся параллели между аналогичными процессами в Советском Союзе. В качестве примера разбирается процесс реконструкции и музеефикации Суздаля. Авторы находят общие черты в этих процессах. Процесс реконструкции средневековых городов сопровождался созданием соответствующей нормативной базы. Это можно видеть как в Великобритании, так и в СССР. Авторы использовали разнообразные источники и литературу. Среди них обзорные работы по архитектуре и градостроительству, публицистические статьи из популярных журналов. Подробно изучались дискуссии относительно выбора путей реконструкции старинных городов. Ход этих споров в Великобритании и в СССР в целом отражал общие тенденции. Например, в обеих странах конкурировали две точки зрения: полная консервация градостроительного памятника и адаптация к современным условиям. В силу целого комплекса причин и английские, и советские архитекторы выбрали второй путь: реконструкция и приспособление исторического города к современным условиям.

Ключевые слова: архитектурный памятник, музеефикация, реставрация, туризм, Кембридж, Суздаль.

*М. А. Guseva, V. V. Komissarov***PROTECTION AND RECONSTRUCTION OF MEDIEVAL CITIES:
DOMESTIC REALITIES AND FOREIGN EXPERIENCE**

The article is devoted to some aspects of the process of protection, reconstruction and museumification of ancient cities, which took place in the USSR in the 1960s and 1980s. The use of foreign experience of museumification is analyzed. In particular, the reconstruction of Cambridge in the UK is analyzed in detail. Analogies are drawn between similar processes in the Soviet Union. As an example, the process of reconstruction and museumification of Suzdal is analyzed. The authors find common features in these processes. The process of reconstruction of medieval cities was accompanied by the creation of an appropriate regulatory framework. This can be seen both in the UK and in the USSR. The authors used a variety of sources and literature. Among them are review works on architecture and urban construction, articles from popular magazines. Discussions concerning the choice of ways to reconstruct ancient cities were studied in detail. The course of these disputes in Great Britain and in the USSR as a whole reflected general trends: in both countries architects chose the way of reconstructing and adapting ancient cities to the modern environment.

Key words: architectural monument, museumification, restoration, tourism, Cambridge, Suzdal.

В 1960-е гг. в Советском Союзе начиналась большая работа по реконструкции и музеефикации старинных городов страны, в которых сохранилось древнее и средневековое архитектурное и культурно-историческое наследие. Этому способствовал пересмотр отношения к историческому наследию России и других республик Союза, начавшийся в годы оттепели. Если в прежний период список прогрессивных деятелей прошлого был ограничен рядом имен, в основном проявивших себя в борьбе с захватчиками, то теперь стало возможно более активно искать положительные стороны в различных эпизодах древности и средневековья. В 1950—1960-х гг. раздалась скромная критика кампании по разрушению храмов, церкви уже рассматривались не только как культовые сооружения, но и как памятники культурного наследия. В эпоху оттепели в СССР поехали иностранные туристы. Но очень скоро выяснилось, что традиционные туристические достопримечательности (Москва, Ленинград, ленинские места, памятники героям революции) явно недостаточны для иностранных гостей. Потребовался поиск новых туристических маршрутов.

Определенный стимул процессу придала «косыгинская» экономическая реформа, стартовавшая с середины 1960-х гг. В ходе преобразований в советскую экономику внедрялись элементы хозрасчета и рыночных отношений, усиливались внешние экономические контакты. В этом контексте зарубежный и внутренний туризм могли рассматриваться не только в качестве вариантов досуга и культурного отдыха, но и как важный сегмент экономики, способный приносить прибыль, в том числе, валютную. «Опыт многих стран, в том числе и социалистических, убедительно показывает, что всесторонне развитый туризм оказывает активное влияние на хозяйственное развитие и сам в известных условиях становится эффективной отраслью народного хозяйства», — писал известный советский архитектор, руководитель работ по музеефикации Суздаля М. А. Орлов [6, с. 5—6].

Помимо этого, большая открытость советского общества периода оттепели позволила использовать в деле музеефикации зарубежный опыт, прежде всего, реконструкции Оксфорда и Кембриджа в Великобритании, Урбино и Ассизи в Италии, Вильямсбурга в США. В данной статье подробно будет рассмотрено использование именно британского опыта [6, с. 7—10].

Великобритания является страной со старинными традициями в области градостроительства и признания архитектурных памятников. Интересно рассмотреть ее опыт в деле организации музеефикации исторических городов.

Безусловно, каждая страна имеет свои особенности в организации охраны памятников архитектуры. В частности, в Великобритании нет единого законодательного акта об охране и использовании памятников истории, культуры. Основные положения изложены в ряде законов. Например, учет памятников градостроительства и архитектуры осуществлялся в соответствии с Законами о планировании городского и сельского строительства. Отдельные вопросы застройки исторических городов можно найти в Законе о жилищном и городском планировании, Законе о градостроительстве, Законе о городском и сельском планировании [5, с. 26—43].

Впервые вопрос о необходимости охраны памятников культуры в Великобритании был поднят в 1882 году. В это время вышел в свет Закон о памятниках старины. Изначально он включал 68 объектов древней истории

страны. Впоследствии были приняты другие редакции закона, расширявшие перечень охраняемых объектов.

Другой особенностью организации призерения архитектурных памятников Великобритании является передача большей части данных функций на местный уровень — к городской администрации, властям графств. Также активную роль в деле охраны и сохранения культурного наследия в стране играют негосударственные общественные организации. Наиболее известной из них является Национальный траст или «Национальный фонд объектов исторического интереса или природной красоты». Это организация была основана в 1895 году для охраны «берегов, сельской местности и зданий Англии, Уэльса и Северной Ирландии». Инициаторами создания фонда выступили мисс Октавия Хилл, сэр Роберт Хантер и Кэнон Хардвик Ронсли [2, с. 6—13]. Существует организация на частные пожертвования.

В настоящее время Национальный траст обладает довольно обширным фондом рукотворных и природных памятников: от исторических садов и парков до деревень и поместий. Большую часть из них он получил в результате покупки или завещания владельцев, которые оказались не в состоянии поддерживать их в надлежащем виде.

В Великобритании существуют несколько уровней призерения исторических памятников. Это объекты всемирного наследия, находящиеся под охраной ЮНЕСКО и международного права; объекты национального значения, куда относятся «национальные парки», «территории исключительной природной красоты», «территории национального пейзажа», города «национального значения» и др.

Одним из исторических городов Англии является Кембридж. Известно, что первое упоминание о поселении относится к англо-саксонскому периоду. В настоящее время Кембридж — административный центр одноименного графства и знаменит, прежде всего, своим университетом.

Первые школяры появились в Кембридже в XIII веке. Изначально своих зданий университет не имел и вынужден был снимать их у горожан. Постепенно стали появляться колледжи, включавшие в себя несколько типов зданий, расположенных внутри закрытого четырехугольника. В итоге на территории Кембриджа сложился неповторимый архитектурный ансамбль из учебных колледжей, получивший название «университетского треугольника» или «золотого треугольника».

Параллельно с возведением университетских колледжей шло развитие и города, расширялись его старые кварталы, появлялись новые. В 1845 году через Кембридж прошла железная дорога Восточных графств, соединив его с Лондоном, Нориджем. Заметим, что железнодорожная станция была вынесена за пределы старого центра города, дабы не нарушать исторически сложившегося уклада университетской жизни [9, р. 677]. В 1951 году Кембридж в знак признания его исторического и экономического значения получил статус города или сити. В 1974 году он стал районом неметропольного графства Кембриджшир.

Нахождение в пределах города университета делало Кембридж динамично развивающимся центром, который привлекал к себе множество людей как просто туристов, так и представителей ученого сообщества, студенчества. Это порождало необходимость строительства новых университетских зданий, создания туристической инфраструктуры (автостоянок, магазинов, ресторанов и др.).

Еще в 60-х годах XX века в Кембридже стал активно обсуждаться вопрос о дальнейшем развитии города и университета, формирования привлекательной среды для туристов. Старый торговый центр города оказался заключен в «университетский треугольник» и не имел возможности дальнейшего развития, не затронув при этом «ученое сообщество».

В 1954 году был принят план развития Кембриджа, в основу которого лег тезис, что город должен оставаться преимущественно университетским центром, и, как следствие это, для муниципальных властей необходимостью стало стабилизировать численность населения и ограничить промышленное развитие [10].

Тем не менее, в 1959—1963 годах был выдвинут ряд предложений по реконструкции и расширению торговых площадей центральной части Кембриджа — района Лайон Ярд (Lion Yard) и прилегающих к нему кварталов [1, с. 135—148]. Подобные предложения были обусловлены стремлением оставить привычное для местных жителей расположение магазинов, возведя рядом со старыми новые торговые центры. Однако указанный вариант перестройки центра Кембриджа был отклонен, поскольку предполагал дальнейшую модернизацию данного района, затрагивающую и «университетский треугольник».

Другим более радикальным вариантом развития Кембриджа была консервация старинных городских и университетских районов, недопущение в них новой застройки. В свое время по этому пути пошли в Йорке, Чичестере, Бате, Эдинбурге. В них были выделены исторические зоны, новая застройка внутри которых запрещена или существенно ограничена. Например, Эдинбург, вошедший в число памятников архитектуры всемирного наследия ЮНЕСКО, был разделен на Старый город, сконцентрировавшийся вокруг средневековой крепости, и Новый город, представленный архитектурой классицизма. Определена буферная зона, которая позволила гармонично сочетать старинную архитектуру и современную застройку Эдинбурга [4, с. 32—36].

В случае же Кембриджа подобное решение было невозможно, так как его старинные колледжи не представляют собой архитектурный монолит и территориально разобщены. Кроме того, еще со времен Средневековья они обладали довольно внушительными земельными участками.

Иным вариантом была консервация отдельных исторических объектов и строительство новых зданий со стилизацией под старину, но с новой «начинкой». Так развивалась ситуация в Честере, где целый квартал старого города был модернизирован изнутри, т. е. произведена внутренняя переделка зданий при сохранении их внешнего вида. Автомобильные потоки убраны с центральных улиц города путем строительства сети подземных подъездов, автопарковок. Однако этот проект также был отклонен. Одной из основных причин указывалась, что модернизируемая территория будет привлекать большое число туристов, а это потребует наличия соответствующей инфраструктуры. К тому же новые стилизованные постройки не будут обладать «духом старины», который так интересен для туристов.

В итоге был принят компромиссный вариант, который учитывал как требования современности, так и желание сохранить элементы старинного университетского города. Основой его выступила новая разгрузочная дорога, которая связала северную и южную части города, обойдя исторический центр и приняв на себя основной автомобильный поток. Строительство этой дороги

позволило превратить центральную территорию только в пешеходную зону с немногими обслуживающими туристов объектами. Основную торговую зону перенесли за пределы «университетского треугольника» и старой части города к новой магистрали. Так, в 1962 году на городской окраине Кембриджа был возведен первый торговый центр — Bradwell's Court (снесен в 2006 году). Впоследствии появились торговые площади Grand Arcade и Lion Yard, но уже ближе к центру города. Впоследствии они несколько раз модернизировались. В настоящее время, помимо магазинов, Lion Yard включает себя центральную библиотеку города и соединен с Grand Arcade переходом. Последний же знаменит своим крупным велосипедным парком.

Следующие попытки перестройки районов, прилегающих к центру Кембриджа, происходили в 80-х и 90-х гг. XX века. В частности, определенный резонанс вызвала перестройка района Кейт, что на восточной окраине Кембриджа. Возведение современного торгового комплекса Графтон центр (Grafton Centre) привело к сносу ряда террасных зданий викторианской эпохи. Это породило движение по сохранению оставшейся архитектурной и исторической среды с привлечением сил фонда Национального наследия. Однако реконструкция района была продолжена, и большая часть Голд-стрит и восточной Фицрой-стрит оказались снесены.

В целом же можно утверждать, что все идеи дальнейшего развития города наталкивались на необходимость нахождения разумного компромисса между современным комфортом и старинным наследием. В настоящее время центральная зона Кембриджа полностью отдана пешеходам, организованы объездные дороги. А горожанин, желающий осуществить перестройку здания, находящегося в исторической части Кембриджа, должен сначала получить разрешение у муниципального совета.

При этом Кембридж остается университетским центром, который динамично развивается. Поэтому вопрос сочетания исторического наследия и новых, современных тенденций является актуальным для Кембриджа и в XXI веке.

В СССР «пробным шаром» реконструкции и музеефикации средневекового города и выставочной витриной советской туристической отрасли стал Суздаль. И здесь возник тот же комплекс проблем.

Именно в Суздале был сформирован первый в СССР туристический комплекс в историческом городе-заповеднике. Хотя Суздаль избежал заметной реконструкции в периоды промышленного переворота XIX в. и советской индустриализации, это обстоятельство имело оборотную сторону: к началу 1960-х гг. городок представлял депрессивный райцентр Владимирской области. С конца 1950-х гг. до середины 1960-х гг. население сократилось с 10 до 8 тыс. человек [8, с. 43—45]. Поэтому изначально рассматривались варианты индустриального развития города, проведения железной дороги, строительства промышленных предприятий. Когда этот вариант был признан нецелесообразным, началась проработка проектов превращения Суздаля в туристический центр. В августе 1967 г. Совет Министров СССР принял соответствующее постановление, возложив основную работу по музеефикации города на Центральный научно-исследовательский институт экспериментального проектирования (ЦНИИЭП) под руководством упомянутого выше М. А. Орлова.

В процессе подготовки проекта музеефикации также предлагались различные варианты. Как и в случае с Кембриджем, весьма популярной была идея полной консервации города. Её отстаивал на страницах печати архитектор В. Выборный. Например, в 1968 г. в журнале «Наука и жизнь» он красочно живописал будущий город-заповедник, в который даже будет запрещен въезд автомашин и туристических автобусов; транспорт он предлагал оставлять в т. н. «пунктах прибытия» [3, с. 94—95]. Но такая точка зрения вызвала неприятие руководителей музеефикации. М. А. Орлов отмечал по этому поводу: «Представляется, что идея консервации исторической части города, ее сплошной музеефикации — идея утопическая, нежизнеспособная... Памятник архитектуры не может быть абсолютно изолирован, как музейный экспонат. Да и как может быть экспонатом город, клетки которого непрерывно заменяются. Только активно живущий памятник архитектуры или ансамбль, служащий потребностям сегодняшнего дня, может быть спасен от гибели» [6, с. 97].

Высказывалась и промежуточная, осторожная позиция. Так академик Б. А. Рыбаков, в те годы директор института археологии АН СССР, призывал соблюдать чувство меры, избегать превращения старинного города в «зазвонистую ярмарку с плохо продуманными аттракционами» [7, с. 93]. В этой части ученый оказался почти провидцем. Уже в 1970-х гг. туристическая отрасль Суздаля действительно стала практиковать различного рода театрализованные аттракционы, такие как праздники русской зимы и весны на торговой площади города. Но, несмотря на отдельные перегибы, в Суздале удалось соблюсти баланс между сохранением культурно-исторического наследия и потребностями развития современного города. Как и в случае с Кембриджем, в Суздале уже с конца 1960-х гг. любое новое строительство или реконструкция должны были согласовываться в особом порядке. Для сохранения исторического ландшафта за пределы исторической части города на окраину был вынесен Суздальский турцентр, за проект которого М. А. Орлов получил впоследствии государственную премию. При выборе места для турцентра особо учитывалось, чтобы новые корпуса не искажали сложившийся вид на старинные памятники архитектуры. Для максимального освобождения исторической части от автотранспорта были проложены объездные дороги.

Музеефикация Суздаля стала только началом создания в СССР мощной туристической отрасли. Впоследствии «маховик» музеефикации прошел по различным историческим регионам СССР. Здесь следует назвать Северо-Восточную Русь (т. н. «Золотое кольцо»); затем центры Северо-Западной Руси (Новгород и Псков) и Прибалтики (Таллинн); к 1980-м гг. этот процесс «докатился» до Средней Азии, где его объектами стали древние города Средней Азии (Самарканд, Бухара, Хива, Ташкент). Как и в Британии, музеефикация потребовала создания соответствующей нормативной базы. В 1976 г. в СССР был принят закон «Об охране и использовании памятников истории и культуры»; в 1977 г. в новую «брежневскую» конституцию СССР была включена 68 статья, объявлявшая сохранение исторических памятников обязанностью граждан (в прежней «сталинской» конституции 1936 г. такой нормы не было); а в 1977 г. в РСФСР появился республиканский закон об охране памятников истории.

Список литературы

1. *Бабуров А.* О реконструкции исторических городов Великобритании // Теория и практика реставрационных работ (НИИТИиППСА). М., 1972. № 3. С. 135—148.
2. *Боголюбова Н. М., Николаева Ю. В.* Охрана культурного наследия: международный и российский опыт // Вестник СПбГУКИ. СПб., 2014. № 4. С. 6—13.
3. *Выборный В.* Из блокнота архитектора-градостроителя // Наука и жизнь. 1968. № 1. С. 94—95.
4. *Давлиев И. Г., Валеев Р. М.* Система сохранения объектов культурного наследия в Англии // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств Казань. 2015. № 2, ч. 1. С. 32—36.
5. *Домрин А. Н.* Охрана памятников истории и культуры в Великобритании // Правовая охрана памятников истории и культуры в Зарубежных странах. М., 2005. С. 26—43.
6. *Орлов М. А.* Крупные туристские центры. М., 1983.
7. Разговор об охране архитектурных памятников // Наука и жизнь. 1968. № 1. С. 93.
8. *Ранинский Ю. В.* Суздаль — туристический центр. М., 1981.
9. *Annals of Cambridge* / ed. by Ch. H. Cooper. Cambridge, 1842—1853. Vol. IV. P. 677.
10. URL: <https://www.british-history.ac.uk/vch/cambs/vol3/pp307-312> (дата обращения: 12.03.2021).

УДК 94(438)''1597''327
ББК 63.3(4Пол)44-6
DOI: 10.46726/Н.2021.4.10

В. А. Евсеев, П. А. Стукманов

НЕУДАЧНАЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ МИССИЯ. ПОСОЛЬСТВО ПАВЛА ДЗЯЛЫНСКОГО К ЕЛИЗАВЕТЕ I В 1597 г.

В начале раннего Нового времени в Европе шел процесс формирования национальных государств, складывания новой системы международных отношений и дипломатической службы. Складывание системы государств приводило к тому, что конфликт в одном регионе Европы затрагивал интересы и других стран. Основным узлом противоречий в Западной Европе конца XVI в. был конфликт между Англией и Испанией. Косвенным образом в него оказались втянутыми и другие государства Европы. Это коснулось и Речи Посполитой в последней четверти XVI в., ибо товары польских купцов, которые они отправляли в Португалию и Испанию в 90-х годах XVI века перехватывались английскими пиратами. Это стимулировало отправку официального посольства во главе с Павлом Дзялыньским к английской королеве. В конце июля 1597 г. польское посольство прибыло в Лондон, и Елизавета I приняла Павла Дзялыньского. Английская королева, точно не зная о целях направленной к ней миссии, сделала аудиенцию публичной. Виновниками этого оказались ее советники, которые не встретились заранее с послом, чтобы выяснить основные цели его приезда и дали ей неправильную информацию. С другой стороны, и сам посол не провел предварительные встречи с главными советниками Елизаветы I, чтобы выяснить позицию противоположной стороны по спорным вопросам. Однако такой дипломатической работы не было проведено. Взаимные обвинения сторон в нарушении различных правил, от нарушений дипломатических традиций до пренебрежения нормами международного права, которые стали итогом этого посольства, вряд ли дают основания считать успешными результаты дипломатической миссии.

Ключевые слова: Павел Дзялыньский, Елизавета I, неудачная дипломатическая миссия.

V. A. Evseev, P. A. Stukmanov

A FAILED DIPLOMATIC MISSION. THE EMBASSY OF THE PAVEL DZIALINSKY TO ELIZABETH I IN 1597

The beginning of the early New Time in Europe was the period characterized by formation of new national states as well as by creation of a new system of international relations and diplomatic service. This – among other things – led to the following: a conflict in one region of Europe affected the interests of other countries. The main site of contradictions in Western Europe in the late 16th century was the conflict between England and Spain. Indirectly, other European states were involved in it. This also affected the Polish state in the last quarter of the 16th century, because the goods of Polish merchants, which they sent to Portugal and Spain at the end of the 16th century were intercepted by English pirates. This spurred the dispatch of an official embassy headed by Pavel

---

© Евсеев В. А., Стукманов П. А., 2021

Dzialinsky to the English queen. At the end of July 1597, the Polish Embassy arrived in London and Elizabeth I received Pavel Dzialynski. The English queen, not knowing exactly the purpose of the Polish diplomatic mission, made the audience public. Her advisers were to blame for that lack of information: they did not meet with the ambassador in advance to find out the main purpose of his mission. On the other hand, the Ambassador himself did not hold preliminary meetings with the main advisers of Elizabeth I to find out the position of the opposite side on controversial issues. In other words, no preliminary but necessary diplomatic work was carried out. This resulted in mutual accusations of the parties for violations of various rules, from violations of diplomatic traditions to disregard for international law. Consequently, Pavel Dzialynski's mission is unlikely to be considered successful.

Key words: Pavel Dzialynski, Elizabeth I, a failed diplomatic mission.

В начале раннего Нового времени в Европе шел процесс складывания новой системы международных отношений и формирования дипломатической службы.

Пионерами в создании системы постоянного дипломатического представительства в Европе были итальянские государства и, в первую очередь, Венеция, которая уже к концу XV — началу XVI века имела своих посланников разного ранга почти при всех значимых европейских дворах. Окончательную точку в этом сложном процессе поставили события Тридцатилетней войны и заключение Вестфальского мира, который знаменовал собой начало формирования современной системы международных отношений.

В истории европейской дипломатии раннего Нового времени есть примеры положительных и негативных последствий деятельности посольств различных рангов в той или иной стране. Умению вести дипломатические переговоры, разрешать спорные вопросы между государствами, избегая острых конфликтов, всегда придавалось большое значение. В этом отношении личность посла, подготовка самого посольства играли решающую роль в дипломатическом решении того или иного межгосударственного вопроса.

Целью нашего небольшого сообщения является анализ действий посольства Павла Дзялынського, которое было отправлено королем Речи Посполитой Сигизмундом III к Елизавете I в 1597 г. Информация о нем дает нам пример первых и пока не очень удачных шагов дипломатического деятельности той эпохи.

В начале следует обратиться к предыстории посольства Павла Дзялынського. Складывание системы государств приводило к тому, что конфликт в одном регионе Европы затрагивал интересы и других стран. Так было, например, и с основным узлом противоречий в Западной Европе конца XVI в. — конфликтом между Англией и Испанией. Косвенным образом в него оказались втянутыми и другие государства Европы. Это, в частности, произошло и Речью Посполитой в последней четверти XVI в. Если в 1570 — начале 1580-х гг. Польша выступала как соперник австрийских Габсбургов, которые претендовали на земли Ливонии как части империи, что не нашло понимания ни в Вильно, ни в Кракове [2, с. 324], то в конце 1580-х гг. ситуация изменилась.

В 1587 г. на Сейме королем Речи Посполитой был избран шведский королевич Сигизмунд III. Он был ревностным католиком и решительно перешел на сторону Габсбургов. Женившись на австрийской эрцгерцогине Анне, он заключил договор, по которому после его смерти Польша переходила в подчинение Габсбургов или даже еще при жизни, что не могло не беспокоить сильную, хоть и разрозненную, дворянскую верхушку во главе с Замойским.

В виду этого, в 1592 г. канцлер собрал Инквизиционный сейм, на котором сам выступил в качестве публичного обвинителя и принудил короля отречься от заключенных, к вреду Польши, договоров с Австрией [1, с. 148]. Однако Речь Посполитая не могла находиться и в стороне от англо-испанского противостояния.

Зимой 1597 г. в Польшу прибыл посол от Филиппа II Испанского Франциско Лопес Уртадо де Мендоса — известный испанский военачальник, адмирал, главный мажордом Филиппа II. Он произнес свою речь перед Сигизмундом III и Сеймом 12 февраля 1597 года. Мендоса в своей речи просил, чтобы Польский король помог Габсбургам в борьбе с объединенными провинциями и в войне с Англией, а в качестве главного вклада в это дело предоставить испанцам один из своих портов на Балтийском море, не только для войны с Англией, но и для защиты торговли в этом регионе [8, р. 14]. Гданьск (Данциг) был главным торговым портом в Балтийском море, товары из которого везли в Португалию и Испанию, но в 90-х годах XVI века эти товары перехватывались английскими пиратами, по молчаливому согласию Елизаветы I. Это, естественно, не нравилось польским купцам, и они посылали письменные жалобы королеве, на которые реакции не было. Затем уже Сигизмунд III в 1595 г. отправил письмо Елизавете I, но не получил положительного ответа [7]. Приезд испанского посла и его просьбы стимулировали отправку официального посольства во главе с Павлом Дзялынским, который получил верительные грамоты, инструкцию и текст требований 19 мая 1597 года [11, р. 54]. Текст требований должен был быть представлен Елизавете I.

Вопрос об англо-польских отношениях эпохи правления Елизаветы I в отечественной литературе фактически не рассматривался. Современные российские исследователи обращались к проблеме англо-польских отношений в связи с более поздней эпохой — событиями начала XVIII в. — борьбы за Испанское наследство и Великой Северной войной [3, 4, 5]. Польские историки исследовали сюжет с посольством Павла Дзялынского, конечно, более подробно. Наиболее интересным и информативным является труд Р. Марциняка — «Меркурий Сарматский из Нидерландов и Англии...» [13]. В этом издании дан современный перевод Меркурия с латинского на польский язык. В книге приведена наиболее полная биография посла Павла Дзялынского, информация о посольстве в Объединенные провинции, польская точка зрения на посольство лета 1597 года, которое, по мнению Марциняка, было направлено для поддержания антиосманской коалиции. Очень ценным источником является труд Терезы Балук-Улевичовой — «Польская запись посольства Дзялынского 1597 года», который был опубликован в Британском католическом журнале в 2017 г. [7]. В работе приведена информация о «Меркурии Сармацком», рассказ самого Дзялынского об Англии, инструкция, выданная ему и полный текст обращения, которое посол представил на аудиенции у королевы Елизаветы I. В работе Януша Тазбира [14], посольство Павла Дзялынского дано вместе с другими подобными миссиями в Англию. Автор показал отличия посольства Дзялынского от тех, что были до него и после него. Тазбир считает, что речь Дзялынского была выражением дипломатической неловкости, которая бросила тень на польскую дипломатическую службу и даже королевский двор [14, р. 55]. Можно констатировать, что польская историография оценивала результаты посольства Дзялынского достаточно пессимистично.

Первым пунктом посольства была Голландия, куда посол был отправлен Сигизмундом III по просьбе Филиппа II для помощи в ослаблении сопротивления объединенных провинций. Из Гааги он приехал во Флисинген, где был расположен английский гарнизон. Зная о том, насколько важна миссия польского посла, дипломат был встречен торжественно и помпезно: стреляли из пушек, а комендант устроил ему большой праздник и в течение 3 дней говорил об улучшении погоды, которая позволяла отправиться по морю в Англию [12, р. 8]. О приближении посла и нахождении его здесь уже знали в Англии, что не удивительно, о чем свидетельствует письмо-запись Тайного совета от 23 июля 1597 года, которая была адресована мэру Лондона, с адресованной ему просьбой найти и подготовить дом с хорошей мебелью, чтобы в нем мог жить посол, а так же сообщить о том, какой дом будет выбран, и предлагалось выбрать дом какого-нибудь данцинского купца [6, р. 303].

Прибыв в Англию, Дзялынский был размещен в доме некоего сэра Джона Спенсера [11, р. 54]. Оказавшись здесь, глава дипломатической миссии отправил к Вильяму Сесилу своего человека с целью официального уведомления о своем прибытии, решения формальностей и установления времени принятия посла Елизаветой I [12, р. 8]. Королева назначила прием на 4 августа в Летнем дворце в Гринвиче, поскольку она не знала, о чем будет говорить посол. По одной версии, она ожидала, что дипломат приехал от лица Польского и Испанского королей, чтобы просить мира, по другой, как пишет Камден, такая аудиенция была дана, потому что королева ожидала, что посол будет благодарить ее за то, что она сохраняет мир между Польшей и турецким султаном [9]. Королева объявила эту аудиенцию публичной, приказав всем местным жителям и даже иностранцам присутствовать на этом мероприятии, чего никогда прежде якобы не случалось. Однако, по мнению польского исследователя Петра Мациевского, принятие иностранных послов английской стороной были именно таким, и английская королева не хотела показать свою гордость, а лишь стремилась продемонстрировать с лучшей стороны силу государства, которое она олицетворяла [12, р. 8]. 4 августа Дзялынский, одетый в национальный парадный костюм, в сопровождении 2 английских джентльменов на лодке по Темзе был доставлен в Гринвич. Оказавшемуся во дворце послу предстояло пройти по коридорам и залам, которые были заполнены людьми, одетыми в нарядные одежды. Посол был встречен звуками игры на цитрах и других музыкальных инструментах. Когда королева увидела дипломата, она кивнула, молча взмахнув рукой. Тогда посланник подошел к ней и отдал свои верительные грамоты, а затем поцеловал королевскую руку [10, р. 43]. Роль этих верительных грамот, которые содержали инструкцию, возможные специальные доверенности или корреспонденцию к иностранному монарху, была очень велика. После прочтения королевой переданных ей документов она дала право говорить послу, используя в этот раз итальянское слово Парлате [11, р. 54]. Об этом пишут польские исследователи, опираясь, по всей видимости, на источник польской стороны Меркурий Сарматский [13]. По другой же версии, которая, вероятно, исходит от англичан, Дзялынский, по непонятной манере в Англии, еще во время прочтения его документов отошел на середину зала и начал свою громкую речь на латинском языке [10, р. 43]. Однако надо полагать, что посол все-таки получил разрешение от королевы говорить, может быть, без использования этого слова, но по какому-то другому сигналу, который подала Елизавета I. Дзялынский говорит о том, что польский король старался

поддерживать дружеские отношения с английской королевой с самого начала своего правления, стараясь показать это не только в письмах, но и на деле [7]. Далее он переходит к главной задаче своей миссии, говоря, что король предоставил широкую свободу торговли англичанам, в то время как королева Англии «не только не дала новых привилегий поданным короля Польши», но даже помешала «им пользоваться теми правами, которые были предоставлены и подтверждены предками вашего величества, захватив их имущество или запретив им торговать почти во всем вашем королевстве» [7]. Следующая проблема, которую просили решить поляки, заключалась в том, что следует удалить препятствия для судоходства и торговых кораблей, направлявшихся в Испанию, ибо их корабли были перехвачены и похищены подданными Вашего Величества, а их товары были конфискованы и проданы для английской казны» [7]. Затем Дзялынский сообщает о письмах Сигизмунда III к Елизавете I, предшествующие отправке дипломатической миссии. Дзялынский далее заявил, что морской проход должен быть свободным для всех на основании публичного права и закона природы и что Его Величество (король Польши) в дружбе и братстве настаивает на том, чтобы королева Англии проявила благосклонность и, как требует того справедливость, распорядилась о возврате отнятых у купцов товаров, возмещении их убытков, прекратить мешать плаванью судов и не заставлять ее подданных препятствовать свободе прохода, «что в соответствии с универсальным законом должно быть доступно для всех». В противном же случае, чтобы требования больше не игнорировались, польский монарх будет вынужден искать другие меры воздействия [7]. В конце речи посол просит, чтобы все решения по данному вопросу были четко переданы с ним его королю [7]. Этот пункт его речи, как и остальные, был четко прописан в его инструкции, которая была подписана королем Польши Сигизмундом III. Елизавета I, услышав, что посол принес не хвалебные речи, а, по сути, ультиматум, озвученный перед всем двором, была в ярости и не могла скрыть гнева. Она бросилась на трон и с трудом дослушала речь до конца [12, р. 11]. Далее информация немного расходится. По одним данным, после речи королева выбежала в соседнюю комнату, по другим, после речи она сказала послу подойти поближе и начала свой ответ сразу же [12, р. 11]. В описании Камдена Елизавета начала свой импровизированный ответ следующим образом: «Как я была обманута! Я ожидала дипломатическую миссию, но вы принесли мне конфликт! Я приняла вас как посла по достоинству ваших рекомендаций, но вместо этого нашла в вас посылающего вызов» [9]. Далее она говорит, насколько ее поразила услышанная речь своей беспрецедентной дерзостью, и выражает сомнение в том, что вряд ли бы, если бы перед ней стоял король Польши, он сказал то же самое и, что она едва верит в то, что король дал такие указания послу [9]. Затем она сказала несколько слов о самом после, сказав, что он выглядел для нее как человек, изучивший много книг, но не дошедший еще до книг монархов и несведущий в правилах поведения между королями. Она разъяснила послу «так любимые им» законы природы, по которым, по ее словам, «когда идет война между королями, любой из них может обрезать линии снабжения другого» [9]. С точки зрения Елизаветы I она отстаивала интересы своей страны и поэтому ее слова были вполне обоснованы. Затем она прокомментировала связь польского государства с австрийским, сказав следующее: «пусть не покинет вашу память то, что был один [правитель] из этой династии, который пытался отнять Польское королевство у вашего Короля» [9], по всей видимости

подразумевая Максимилиана. После этого сказала, что по остальным требованиям она пока что не может дать ответа и послу надо дожидаться того, что скажут по этому поводу министры и советники. И на этом Елизавета I с послом попрощалась, заявив своим придворным: «Мои господа, я была вынуждена сегодня почистить мою старую, заржавевшую латынь» [9]. Вильям Сесил писал графу Эссексу, что ответ королевы был превосходным: «живым богом клянусь, был лучшим ответом на латыни, который я когда-либо слышал» [10, р. 44]. Из-за большого количества людей на приеме посла на следующий день об этом событии знали все, а ответ королевы быстро разошелся по всему городу. Лондонцы утверждали, что посол оскорбил величие королевы, и хотели, чтоб он был наказан. Ганзейские торговцы советовали ему остерегаться яда, а хозяин его жилища был настолько обеспокоен, что попросил вносить плату еженедельно [10, р. 44]. На следующий день после аудиенции к послу пришли посланники от королевы, ими были секретарь Тайного Совета Роберт Бил и Кристофер Паркинс. Они сообщили что, если бы не уважение к Ее Величеству, то расценили его бы как не имеющего никакой чести. А еще сказали, что они полагают, что посольский спич исходил не от короля и сейма, а от врагов Англии — испанцев и иезуитов и для прояснения этого требовали предоставить первоначальные указания для посольства и назначили дом казначея местом этого действия [10, р. 44]. Принципиально отрицая обвинения, Дзялынский прибыл в назначенное место. Здесь его попросили подтвердить свою речь, показав им письмо с инструкциями; посол, обличая англичан за отсутствие манер, вручил свои верительные грамоты, добавив, что эти инструкции даны для личного пользования, а не для публичного показа. Получив это, они тщательно изучили, установив подлинность печати и подписи, и, прочитав, убедились в том, что посол вообще не отошел от своих указаний. И переложили вину за откровенность речи с оратора на ее составителя [10, р. 44]. Если бы королевские чиновники не убедились в достоверности, они бы не выдали послу официальное разрешение на выезд из страны. Такое разрешение было написано и датируется 15 августа 1597 года [6, р. 336]. Но посол не смог отправиться домой сразу. Это подтверждается тем, что 17 августа с послом опять встретились комиссары, на этот раз в доме Адмирала и просили прямо заявить, была ли причина его выступления как-то связана с враждебными действиями английской королевы и короля Испании, на что посол заявил, что своего ничего не придумал, и попросил как можно скорейшего ответ по его вопросу, чтоб он мог вернуться домой летом, пока море было спокойным [7]. Однако подозрения Елизаветы I о причастности к этому происшествию Филиппа II все еще оставались, и она подумала, что все выяснится, когда придет датский посол, который уже находился в пути. Дзялынский видя, что ответ ему никак не предоставляют, отправил некоторых своих людей в Польшу, чтобы доложить Сигизмунду о том, что происходит [7]. Из-за отсутствия какой-либо информации о датском после королева поручила своим советникам составить ответ. 24 августа Паркинс привез ответ Дзялынскому вместе с письмом королевы Англии королю Речи Посполитой [7]. Паркинс сообщил, что несмотря на то, что на документах отсутствуют печати, они подписаны «самыми прославленными советниками» и что королева призывает польского монарха больше не отправлять таких посольств, а королевской канцелярии воздержаться от услуг таких секретарей, говоря о составителе речи — Тарновском [7]. Из этой речи становится понятно, что Дзялынский просил еще одну аудиенцию, но королева сообщила,

что не хочет, чтобы посол с ней прощался и что паспорт на выезд будет выдан, когда он предоставит полный список вещей. А затем, ссылаясь на происходящие в Лондоне беспорядки, советует дипломату, как другу, как можно быстрее уехать для его же блага [7]. Это было сделано, по всей видимости, для того чтобы Дзялынський не смог больше лично оправдываться за все предъявленные обвинения. После того как посол выяснил, что это все, он отплыл из Англии при благоприятном ветре [7].

Первая дипломатическая миссия от Сигизмунда III к Елизавете I вышла комом. Английская королева, точно не зная о целях направленной к ней миссии и думая, что ее будут хвалить и просить мира с Испанией, сделала аудиенцию публичной. Виновниками этого оказались ее советники, которые не встретились заранее с послом, чтобы выяснить основные цели его приезда и дали ей неправильную информацию. С другой стороны, и сам посол мог бы провести предварительные встречи с главными советниками Елизаветы I, чтобы выяснить позицию противоположной стороны по спорным вопросам. Однако такой дипломатической работы не было проведено. Взаимные обвинения сторон в нарушении различных правил, от нарушений дипломатических традиций до пренебрежения нормами международного права, которые стали итогом этого посольства, вряд ли дают основания считать успешными результаты дипломатической миссии Павла Дзялынського. Это говорит о неподготовленности дипломатической службы, которая делала еще только первые шаги по своему становлению в европейских государствах. В первую очередь данный сюжет касается польской стороны, ибо она была инициатором посольства. Однако нельзя снимать огрехов и с английской стороны. Чиновники Елизаветы I не удосужились узнать основные цели приезда Павла Дзялынського. Вряд ли бы королева стала устраивать публичный прием, зная о главных претензиях польского посольства. Конечно, это были начальные этапы в налаживании дипломатической службы в Европе в эпоху раннего Нового времени. Законодателями в этом отношении выступали венецианские дипломаты. Вряд ли бы они совершили подобные ошибки. У них за плечами уже был почти столетний опыт дипломатической службы. Фактически посольство Павла Дзялынського было обречено на неудачный исход, когда оно только прибыло в Лондон.

Список литературы

1. *Бобржинский М.* Очерк Истории Польши. СПб., 1891. Т. 2. 340 с.
2. *Всемирная история: в 6 т. Т. 3. Мир в раннее Новое время.* М., 2013. 854 с.
3. *Евсеев В. А., Сорокина Е. А.* Политика Англии по отношению к Польше в период войны за Испанское наследство // *Политическая жизнь Западной Европы: античность, средние века, новое и новейшее время.* Арзамас, 2008. Вып. 5. С. 61—66.
4. *Соколов А. Б.* Дипломатия и война. Ярославль, 1998. 135 с.
5. *Сорокина Е. А.* Внешняя политика Англии в конце XVII — первой четверти XVIII в. в Центральной, Восточной и Северной Европе: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2003. 24 с.
6. *Acts of the Privy Council of England.* 1597. L., 1903. Vol. 27. 476 p. URL: <http://www.british-history.ac.uk/acts-privy-council/vol27/pp301-325> (дата обращения: 20.04.2019).
7. *Bałuk-Ulewiczowa T.* Audiatur et Altera Pars: The Polish Record of the Działyński Embassy of 1597 // *British Catholic History.* 2017. Vol. 33, iss. 4. P. 503—533.

- URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/british-catholic-history/article/audiatur-et-altera-pars-the-polish-record-of-the-dzialynski-embassy-of-1597/5FECC911ADFA BB1E823C902F47A79A5A/core-reader> (дата обращения: 15.10.2021).
8. Dyaryusz sejmowe r. 1597 w dodatkach: akta sejmikowe I inne odnoszące się do tego sejmu / wyd. Eugeniusz Barwiński, Kraków, 1907. 545 p. URL: <https://www.dbc.wroc.pl/dlibra/publication/7391/edition/6739/content?ref=desc> (дата обращения: 05.02.2020).
  9. *Camden W.* ANNO DOMINI 1597 // *Annales Rerum Gestarum Angliae et Hiberniae Regnante Elizabetha* (London: 1615 and 1625) with the annotations of Sir Francis Bacon. A hypertext critical edition by Dana F. Sutton. The University of California, Irvine Posted March 27, 2000. Revised February 1, 2001. URL: <http://www.philological.bham.ac.uk/camden/1597e.html> (дата обращения: 20.04.2019).
  10. *Ellis H.* Original letters, illustrative of English history. London, Printed for Harding, Triphook, & Lepard 1825. Vol. 3. 381 p. // Letter CCXXXIV Sir Robert Cecil to the Earl of Essex, with some reflections upon Sir Walter Raleigh and an Account of the Queen's reception of the Polish Ambassador. URL: <https://archive.org/details/originalletters07unkngoog/page/n65/mode/2up> (дата обращения: 06.03.2020).
  11. *Kujawinska Courtney K.* Expectavi legationem, mihi vero querelam adduxisti: Paweł Działyński's Embassy at Queen Elizabeth I's Court (1597) and The Isle of Dogs // Helio Osvaldo Alves O Guardador de Rios. Ed. Joane Paisana. Minho: Universidade do Minho, Centro de Estudos Humanísticos, 2005. P. 53—63. URL: https://www.academia.edu/9541762/_Expectavi_legationem_mihi_vero_querelam_adduxisti_Paweł_Działyński_s_Embassy_at_Queen_Elizabeth_I_s_Court_1597_and_The_Isle_of_Dogs. (дата обращения: 14.10.2021).
  12. *Maciejewski P.* Ceremonia Ł Dypłomatyczny na Dworze Angielskim w Negocjach Rzeczypospolitej w XVII Wieku // *Folia historica*. Vol. 79. 2005. 156 p. URL // *Folia historica* Vol. 79. 2005. 156 p. URL: http://dspace.uni.lodz.pl/xmlui/bitstream/handle/11089/13705/fh79Piotr_Maciejewski7_26.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 05.02.2020).
  13. *Marciniak R.* Mercuriusz sarmacki z Niderlandów i Anglii, czyli zwięzła relacja z dwóch poselstw do Niderlandów i Anglii, które z woli Najjaśniejszego i Najpotężniejszego Króla Polski i Szwecji etc. i za zgodą Jego dostojników, senatorów i Sejmu gorliwie i chwalebnie sprawował i uczynił sławnymi oświecony i wspaniały pan Paweł Działyński Roku Pańskiego 1597. Wrocław, 1978. 70 p. URL: <https://search.lib.virginia.edu/catalog/u246167> (дата обращения: 06.03.2020).
  14. *Tazbir J.* Elżbieta I Tudor w opinii staropolskiej // *Odrodzenie Reformacja w Polsce*, XXXIV. 1989. P. 49—70. URL: http://rcin.org.pl/Content/41481/WA303_42001_A512-34-1989-OiR_Tazbir.pdf//HYPERLINK (дата обращения: 20.04.2019).

УДК 281.2(091)(470.341)''16''

ББК 63.3(2)44-681

DOI: 10.46726/H.2021.4.11

Ф. А. Селезнев

КУЗЬМА МИНИН И РАННЯЯ ИСТОРИЯ ПОХВАЛИНСКОЙ ЦЕРКВИ В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ

В статье обосновывается достоверность предания о погребении Кузьмы Минина у Похвалинской церкви в Нижнем Новгороде. Представлен взгляд автора на историю этого храма в XVII веке. Автор выдвигает гипотезу о том, что Похвалинская церковь была построена на средства Минина. Восстановление Похвалинской церкви в середине XVII в. автор связывает с деятельностью строительного подрядчика Семена Задорина. Автор объясняет, почему о Похвалинской церкви нет упоминаний в источниках первой половины XVII века.

Ключевые слова: Кузьма Минин, история России, история Нижнего Новгорода, Похвалинская церковь Нижнего Новгорода, Семен Задорин.

F. A. Seleznev

KUZMA MININ AND THE EARLY HISTORY OF THE POKHVALINSKY CHURCH IN NIZHNY NOVGOROD

The article substantiates the authenticity of the legend about the burial of Kuzma Minin at the Pokhvalinsky Church in Nizhny Novgorod. The author's view of the history of this temple in the XVII century is presented. The author hypothesizes that the Pokhvalinsky church was built at the expense of Minin. The restoration of the Pokhvalinskaya Church in the middle of the XVII century the author connects with the activities of the construction contractor Semyon Zadorin. The author explains why there is no mention of the Pokhvalinsky church in the sources of the first half of the XVII century.

Key words: Kuzma Minin, history of Russia, history of Nizhny Novgorod, Pokhvalinskaya Church in Nizhny Novgorod, Semyon Zadorin.

Среди дискуссионных вопросов биографии Кузьмы Минина один связан с местом его захоронения. Гробница Минина находилась в кафедральном Спасо-Преображенском соборе Нижнего Новгорода. Однако долгое время бытовало предание, что Минин изначально был погребен у Похвалинской церкви в Нижнем Новгороде, а уже потом его прах перенесли в Спасо-Преображенский собор. Самое раннее упоминание указанной легенды в печатном издании мы нашли у литератора П. П. Свиньина (1787—1839). В 1820 г. в журнале «Отечественные записки», повествуя о своём посещении Спасо-Преображенского собора в Нижнем Новгороде, он указал, что тела Кузьмы Минина и его сына Мефодия были перенесены туда «из церкви Похвалы Божия Матери, возле которой находился и дом их» [10, с. 46]. Эти

© Селезнев Ф. А., 2021

сведения почти дословно чуть позже воспроизвел издатель П. П. Бекетов (1761—1836). В первом отделении своего «Собрания портретов россиян знаменитых» (1821 г.) он написал, что тело скончавшегося в 1616 г. Минина «положено было в церкви Похвалы Божией Матери, возле которой находился и дом его» [13, с. 51]. Те же данные мы видим в истории Нижнего Новгорода, принадлежащей перу Ивана Гурьянова (1824 г.). Тот, описывая Спасо-Преображенский собор и сообщив читателю, что «близ гробницы Минина положен прах сына его юноши Мефодия, коими прекратилось все их поколение», добавляет: «Отец и сын погребены были в церкви Похвалы Божьей Матери, близ которой стоял и дом их; но царь Алексей Михайлович перенес прах их в сей собор» [2, с. 26].

По воспоминаниям писателя-нижегородца П. И. Мельникова-Печерского, «слух о погребении Минина при церкви Похвалы... почитался народным преданием, которому все, безусловно, верили». Похвалинскую церковь показывали приезжим любителям старины, уверяя, «что при ней жил и был погребен избавитель России» [5, с. 499].

П. И. Мельников ввёл эту легенду в свой рассказ о Минине, который был опубликован в журнале «Отечественные записки» за 1840 год в составе «Дорожных записок» — первого увидевшего свет произведения писателя [6, с. 522]. Однако вскоре в руки Мельникова попала Сотная грамота, составленная на основе Писцовой книги Нижнего Новгорода 1621—1622 годов. Писатель не нашёл в ней упоминания Похвалинской церкви и сделал вывод о том, что во времена Минина этот храм ещё не был построен. Следовательно, решил Мельников, создатель Нижегородского ополчения не мог быть около него погребен [5, с. 500]. Этот аргумент принял нижегородский церковный историк архимандрит Макарий, писавший: «нет причины думать, чтобы во времена Минина была Похвалинская церковь, потому что о ней не упоминается в сотной грамоте Нижнего Новгорода, составленной в 1621 году...» [3, с. 336].

На сегодняшний день самое раннее упоминание в источниках Похвалинского храма в Нижнем Новгороде — это 1 марта 1651 г., когда, как выяснила М. Я. Шайдакова, в него был внесён вклад — печатная Минья служебная. На полях названной книги имеется рукописная запись, которая сообщает, что книгу «приложили» в храм Похвалы гость (т. е. предприниматель, принадлежавший к верхушке купечества) Семен Филиппов сын Задорин и его жена Степанида Максимова дочь Чистова «о своем многолетнем здравии» и поминовении родителей [16, с. 153].

Гость Семен Задорин не был коренным нижегородцем. Первое упоминание в источниках о его присутствии в Нижнем Новгороде относится к 1647 году [15, с. 160]. Вместе с другим гостем, москвичом Василием Шориным, Задорин отправлял отсюда караваны судов по Волге и Оке. Совместно с Шориным он основал в Нижнем Новгороде кожевенную мануфактуру. Известен Задорин и как крупный строительный подрядчик. Без преувеличения можно сказать, что в рассматриваемое время Семен Задорин являлся одним из самых богатых и влиятельных людей Нижнего Новгорода. И, тем не менее, он и его жена сделали вклад о поминовении родителей в церковь на окраине города. Почему?

Сами они жили около другого храма (двор Задорина стоял близ церкви Рождества Богородицы) [15, с. 161]. Не имели отношения к Похвалинскому храму в Нижнем Новгороде и их родители. Н. Ф. Филатов нашёл документ

1635 г., в котором Семен Задорин назван ярославцем [14, с. 39—40]. Степанида Максимова дочь Чистова тоже принадлежала к ярославскому роду [16, с. 154]. Так, может быть, этот храм напоминал Задориным о родном городе? Ведь в Ярославле церковь Похвалы Пресвятой Богородицы тоже имела. Притом, что вообще на Руси они встречались очень редко!

В Ярославле церковь Похвалы Богородицы стояла рядом с храмом Дмитрия Солунского. Обе эти церкви (Дмитриевская — холодная, Похвалинская — теплая) составляли Дмитриевский приход и единый мемориальный комплекс, освящавший местное воинское кладбище. Соседство названных храмов в таком месте не было случайным. Храм Дмитрия Солунского возвели в память о Куликовской битве [4, с. 136]. (Как известно, после сражения на Куликовом поле завели обычай в Дмитриевскую субботу — накануне дня великомученика Дмитрия — поминать погибших ратников). Что касается праздника Похвалы Пресвятой Богородице, то когда-то он был установлен в честь избавления Константинополя от осаждавших его врагов и символизировал спасение от страшной внешней угрозы, каковой для Руси являлся Мамай. Воинский характер мемориала подчеркивало наличие у церкви Похвалы Богородицы в Ярославле придела во имя Георгия Победоносца.

Мог ли храм Похвалы Пресвятой Богородицы в Нижнем Новгороде также быть частью подобного памятного места? На наш взгляд, это весьма вероятно. Придел нижегородской Похвалинской церкви был посвящен Александру Невскому [16, с. 157]. Этот князь-воитель в Похвальскую субботу 5 апреля 1242 г. на льду Чудского озера дал отпор иноземным захватчикам. (Благодарственная похвала Матери Божьей торжественно возглашается в субботу на пятой неделе Великого поста, и в 1242 г. Похвальская суббота как раз пришлась на 5 апреля). Кто мог в начале XVII в. возвести в Нижнем Новгороде такой храм? Очевидно тот, для кого важное личное значение имела идея избавления от внешнего врага, олицетворением которой являлись Похвалинские храмы, и кто был знаком с историей церкви Похвалы Богородицы в Ярославле. Таким человеком был Минин.

Он в 1612 г. провел несколько месяцев в Ярославле, где тесно общался с прихожанами и попечителями Похвалинской церкви братьями Лыткиными. Один из них, земский староста Василий Лыткин, прославился тем, что в 1609 г. выкупил у одного из тушинцев похищенный тем в соседнем с Ярославлем городе Романове (ныне — Тутаев) список с Казанской иконы Божьей Матери. Некоторое время икона хранилась в храме Похвалы Богородице. С её присутствием в городе ярославцы связали своё спасение в мае 1609 г. от штурмовавших город тушинцев и поляков во главе со знаменитым польским военачальником Лисовским [4, с. 138]. Покидая в июле 1612 г. Ярославль, ополчение Минина и Пожарского оставило этот образ в городе; в настоящее время он считается утраченным. С ополчением был другой список Казанской Иконы Божьей Матери, годом ранее вдохновивший ратников Первого ополчения в бою за Новодевичий монастырь. Этот образ Матери Божьей сопровождал воинов Минина и Пожарского вплоть до самого освобождения Москвы, став символом победы над иноземцами. Поэтому если бы у Минина возникло желание возвести храм Похвалы Богородице, то оно выглядело бы вполне естественным.

На то, что Кузьма Минин мог быть строителем Похвалинской церкви в Нижнем Новгороде, косвенно указывает тот факт, что второй престол этого храма был освящен во имя Рождества Иоанна Предтечи [16, с. 157]. Ведь

именно с паперти храма Иоанна Предтечи Кузьма Минин обратился к нижегородцам с призывом собрать средства для освобождения Москвы.

В этой связи укажем на одно важное обстоятельство. Минин отличался религиозностью, а после наград, пожалованных ему Михаилом Федоровичем в 1613 г., был весьма обеспеченным человеком. Конечно, он, как и прочие богатые люди той эпохи должен был построить в своём городе храм, и не один, как это позднее сделает, например, крупный нижегородский предприниматель XVII в. Афанасий Олисов.

Какую же нижегородскую церковь, о которой известно, что она существовала в XVII в., мог возвести Кузьма Минин? На взгляд автора, выбирать необходимо из храмов, находившихся недалеко от дома Минина. Дом Кузьмы Минина, стоял на нынешнем Гребешковском откосе [11, с. 59—60]. Ближайшие к нему церкви — Похвалинская и Сергиевская. Аргументы в пользу возможной причастности Минина к созданию Похвалинского храма мы уже привели. Относительно Сергиевской церкви, нужно вспомнить о том, что у Минина был брат Сергей, а согласно «Книге о новоявленных чудесах преподобного Сергия» Симона Азарьина именно Сергей Радонежский, явившись во сне к Минину, повелел ему «казну собирать и воинских людей наделяти» [8, с. 479]. Таким образом, имя преподобного Сергия имело для Кузьмы Минина особое значение, и он вполне мог возвести Сергиевский храм.

Сергиевской церкви предшествовал Сергиевский монастырь, «что на Петушкове». Он упоминается в Писцовой книге 1621—1622 годов и, следовательно, вполне мог быть основан при жизни Минина, а возможно и на его средства. Писцовая книга сообщает, что обитель не получала «государева жалованья руги». Она была небольшой. В Сергиевском монастыре стояли «пять келий черных старцев» [7, стб. 36]. По нашей догадке Сергиев монастырь играл роль убежища для увечных сподвижников Минина и вместе с Похвалинской церковью составлял единый поминальный комплекс (подобно Похвалинскому и Дмитриевскому храмам в Ярославле). Если это так, то вполне естественно, что тело Минина предали земле именно здесь.

Рядом с отцом был погребен Нефёд Минин. Сын Кузьмы Минина жил в Москве, где нёс службу при дворе царя Михаила Федоровича. Соответственно дом в Нижегородском кремле около Спасо-Преображенского собора, доставшийся Нефёду после родителя, пустовал. Позднее в нём, согласно указу Михаила Фёдоровича, поселили бывшую царскую невесту Марию Хлопову с роднёй. Около 1629 г. Нефёд Минин вернулся в родной город. С этого времени, как полагала Н. И. Привалова, Нефёд с матерью жил «в Кремле в доме отца его» [9, с. 56]. Однако эта догадка противоречит содержанию царской грамоты от 31 марта 1633 г. нижегородскому воеводе Коржбоку-Столпину об отдаче князьям Ивану и Якову Черкасским «выморочного после Марьи Хлоповой двора». В этом документе ясно сказано, что «прежь де сего тот двор был Кузьмы Минина» [1, стб. 323]. Имя Нефёда в грамоте не упоминается, соответственно никаких прав на дом в Кремле он в 1629 г. не имел и не мог поселиться у незамужней девицы, да ещё и бывшей царской невесты. Разумеется, Нефёд стал жить в отцовском доме на Гребешке, т. е. около Похвалинской церкви. Поэтому, когда в 1632 году сын Минина скончался, его и похоронили на погосте этого храма.

Почему же, однако, Похвалинская церковь не упоминается ни в одном известном ученым документе первой половины XVII века? Попробуем найти этому объяснение. Коль скоро Похвалинская церковь, по нашей гипотезе,

была выстроена думным дворянином Мининым, её строение не было мирским, т. е. не принадлежало посадской общине Нижнего Новгорода. Поэтому храм не был центром *десятни* — административно-территориальной единицы внутри сотни (посадского *мира* Нижнего Новгорода). Соответственно Похвалинская десятина не упоминается в «Деле о дозоре нижегородского посада после пожара», датированном 1618 годом [8, с. 330—360].

Вероятно, во время опустошительных пожаров 1617 и 1618 гг., о которых сообщает указанный документ, Похвалинская церковь сгорела. Поэтому её существование не зафиксировано в Писцовой книге 1621—1622 гг. и созданной на её основе Сотной грамоте. Не попала она и в Приходную книгу окладных сборов с церковью Нижегородской десятины 1627—1628 годов [12, с. 204—218]. Следующий известный нам перечень нижегородских храмов имеется в Приходной книге Патриаршего казенного приказа 1640/41 годов [17, с. 55—57]. Похвалинской церкви там тоже нет. Не упомянута она и в Приходной книге Патриаршего казенного приказа 1650/51 годов [12, с. 218—240]. Следовательно, 1 марта 1651 г. Семен Задорин сделал вклад в только что восстановленный храм. Скорее всего, он его и воссоздал. У него для этого имелись и опыт, и ресурсы.

Из «Нижегородского летописца» известно, что в 1647—1656 гг. Задорин, выступая в качестве строительного подрядчика, возродил несколько древних храмов. В 1647 г. он поставил каменную церковь в кремлевском Воскресенском монастыре [15, с. 160]. В 1647—1652 гг. этот предприниматель возвёл новое здание Спасо-Преображенского собора в кремле, а в 1650—1652 гг. отремонтировал сам нижегородский кремль [14, с. 40—44]. В 1653 г. близ своего двора он построил каменную церковь Рождества Пресвятой Богородицы. В 1656 г. С. Ф. Задорин, а также дьяк Климент Патокин Задорин возобновил в камне храм Николая Чудотворца у Гостиного двора [15, с. 161].

Вполне возможно, что в ряду старинных храмов, восстановленных Задориним, была и Похвалинская церковь. Но поскольку она была деревянной, то упоминание об этом событии не попало в «Нижегородский летописец».

Таким образом, есть основания полагать, что Похвалинская церковь была построена Кузьмой Мининым, а в 1616 г. он был около неё похоронен. В 1617 или 1618 г. храм сгорел. В 1632 году на погосте Похвалинской церкви был погребен Нефёд Минин. В 1651 г. эту церковь восстановил Семен Задорин. Захоронения Кузьмы и Нефёда Мининых были перенесены внутрь Похвалинского храма. В 1672 г. они были перенесены в новое здание Спасо-Преображенского собора.

Список литературы

1. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской Академии наук. СПб., 1836. Т. III. № 218. Стб. 323—324.
2. Историческое обозрение Нижнего Новгорода и переведения туда Макарьевской ярмарки, с планом оной и таблицей расстояний Нижнего Новгорода от знатнейших городов России, сочиненное Иваном Гурьяновым. М.: Типография П. Кузнецова, 1824. 48 с.
3. *Макарий, арх.* Памятники церковных древностей. Нижний Новгород: Нижегородская ярмарка, 1999. 701 с.

4. *Марасанова В. М.* Память о Смутном времени в храмовой архитектуре Ярославля // Смутное время: итоги и уроки: материалы III Всероссийской научной конференции (п. Палех, 22 апреля 2016 г.) / отв. ред. А. М. Семенов. Иваново: издатель Ольга Епишева, 2016. С. 135—143.
5. *Мельников П. И.* Исторические заметки // Полное собрание сочинений П. И. Мельникова (Андрея Печерского). Т. 7. СПб.; М.: Т-во Вольф, 1911. С. 496—505.
6. *Мельников П. И.* Дорожные записки. (На пути из Тамбовской губернии в Сибирь) // Полное собрание сочинений П. И. Мельникова (Андрея Печерского). Т. 7. СПб.; М.: Т-во Вольф, 1911. С. 520—533.
7. Писцовая и переписная книги XVII в. по Нижнему Новгороду. Репр. воспроизведение изд. 1896 г. М.; Нижний Новгород: Нижегородская историко-этнологическая лаборатория, 2011. 352 с.
8. Подвиг Нижегородского ополчения / ред. О. С. Аржанова, С. К. Маков, Б. М. Пудалов, О. А. Рябов; науч. конс. А. А. Кузнецов, А. В. Морохин. Т. 1. Нижний Новгород: Книги, 2011. 622 с.
9. *Привалова Н. И.* Нефед Минин // Мининские чтения: Материалы научной конференции. Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (29—30 октября 2004 г.). Нижний Новгород: изд-во ННГУ, 2005. С. 52—61.
10. *Свиный П.* Поездка на Нижегородскую ярмонку // Отечественные записки, издаваемые Павлом Свиным. Ч. 4. 1820. Ноябрь. № 7. С. 1—46.
11. *Селезнев Ф. А.* О происхождении, профессии и нижегородском доме Кузьмы Минина // Нижегородский краевед: сборник научных статей. Вып. 2 / сост. и науч. ред. Ф. А. Селезнев. Нижний Новгород, 2016. С. 43—67.
12. *Сироткин С. В.* Книги приходные окладных и неокладных доходов Патриаршего казенного приказа 1627/1628 и 1650/1651 гг. по Нижегородской десятина // Творцы и герои. Источники и исследования по нижегородской истории / сост. О. С. Аржанова, А. А. Кузнецов, А. В. Морохин. Нижний Новгород: Комитет по делам архивов Нижегородской области, 2012. С. 201—240.
13. Собрание портретов россиян знаменитых. Ч. 1. Отд. 1-е. М.: в типографии Семёна Селивановского, 1821. 346 с.
14. *Филатов Н. Ф.* Нижегородское зодчество XVII — начало XX века. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1980. 222 с.
15. *Шайдакова М. Я.* Нижегородские летописные памятники XVII в. / под ред. В. А. Кучкина. Нижний Новгород: изд-во ННГУ, 2006. 281 с.
16. *Шайдакова М. Я.* Новые факты о нижегородском госте Семёне Задорине (XVII в.) // Городецкие чтения: материалы научно-практических конференций VI Городецкие чтения (6 декабря 2008 г.) и II Александро-Невские чтения (27 февраля 2009 г.). Городец: б. и, 2009. С. 153—157.
17. *Устинова И. А.* Делопроизводственные документы Патриарших приказов 1-й половины XVII в.: Приходная книга Патриаршего казенного приказа 1640/41 г. Ч. 3 // Вестник церковной истории. 2015. № 1—2 (37—38). С. 5—85.

УДК 94(470.661):329.12
ББК 63.3(2)64-38
DOI: 10.46726/Н.2021.4.12

Д. В. Тумаков

НАЧАЛО ПЕРВОЙ ЧЕЧЕНСКОЙ ВОЙНЫ 1994—1996 ГГ. В ОЦЕНКАХ ПАРТИИ «ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ВЫБОР РОССИИ»

Статья посвящена тому, как партия «Демократический выбор России» оценивала ввод федеральных войск в мятежную Чечню в декабре 1994 года и начало первой чеченской войны 1994—1996 гг. Источниковой основой для данной публикации стали основополагающие партийные документы, воспоминания её лидера Е. Т. Гайдара и других российских политиков, а также материалы центральной периодической печати середины 1990-х гг. В ней приведены основные причины неприятия партией силовых методов урегулирования кризиса на Северном Кавказе. Приводятся альтернативные способы воздействия на режим чеченских сепаратистов, о необходимости применения которых утверждал «Демократический выбор России». Отражены и различные формы антивоенного протеста со стороны демократов. Важное внимание уделено неоднозначности позиции российских «младореформаторов», наличию различных точек зрения в рядах бывшей «партии власти». Часть из них выступала за полный разрыв отношений с Кремлём из-за кровопролитной войны на Северном Кавказе, другие — за компромисс в «чеченском вопросе» и условную поддержку курса Президента РФ Б. Н. Ельцина. В заключение приводится вывод об общем ослаблении политических позиций партии «Демократический выбор России» в середине 1990-х гг. и невозможности для неё стать лидером сильного антивоенного движения.

Ключевые слова: первая чеченская война, «Демократический выбор России», Егор Гайдар, боевые действия, оппозиция, антивоенный протест.

D. V. Tumakov

THE BEGINNING OF THE FIRST CHECHEN WAR 1994—1996. IN THE ASSESSMENT OF THE PARTY “DEMOCRATIC CHOICE OF RUSSIA”

The article is devoted to how the Democratic Choice of Russia party assessed the entry of federal troops into rebellious Chechnya in December 1994 and the beginning of the first Chechen war of 1994—1996. The source of this publication were the fundamental party documents, the memories of its leader E. T. Gaidar and other Russian politicians, as well as the materials of the central periodical press of the mid 90s. The party suggested alternative ways of influencing the regime of Chechen separatists. Various forms of anti-war protest by Democrats are also reflected. Much attention is paid to the ambiguity of the position of the Russian “young reformers” and the presence of different points of view in the ranks of the former “party of power”. Some of them advocated a complete severance of relations with the Kremlin because of the bloody war in the North Caucasus, others were for a compromise in the “Chechen issue” and conditional support for the course of Russian President Boris Yeltsin. In conclusion, the author draws the attention to the fact that the political

---

© Тумаков Д. А., 2021

positions of the Democratic Choice of Russia party were generally weakened in the mid 90s and that it was unable to become the leader of a strong anti-war movement.

Key words: First Chechen war, "Democratic Choice of Russia", E. Gaidar, military fighting, opposition, anti-war protest.

В конце XX века новая Россия столкнулась с проблемой национального сепаратизма в Чеченской республике. Для его подавления центральным властям дважды пришлось вести изнурительные войны, последствия которых полностью не преодолены и по сей день. При этом начало первой чеченской войны 1994—1996 гг. вызвало острую и, как правило, резко негативную реакцию в российском обществе. Как вспоминал о ситуации тех лет Президент РФ Б. Н. Ельцин, страну поразили «полное неверие в себя, в свои силы», а также «разрушительная, тотальная истерика», которая «захлестнула общество с головой» [11, с. 69, 70]. Эмоционально окрашенную оценку главы государства подтверждали и сухие статистические данные. Согласно опросу фонда «Общественное мнение» от 17 декабря 1994 года, начавшиеся боевые действия на Северном Кавказе осуждали 66 % россиян, в то время как лишь 20 % их поддерживали [6, с. 2].

Против силового решения «чеченского вопроса» с той или иной степенью решительности выступали не только обычные граждане, но и большая часть российских политических партий и движений. Одной из крупнейших среди них был «Демократический выбор России» (ДВР). По состоянию на декабрь 1994 года данная партия и её фракция в Государственной Думе, называвшаяся «Выбор России», в целом сохраняли лояльность официальному курсу Кремля во внутренней и внешней политике и считались его главной опорой в нижней палате парламента. Достаточно упомянуть, что основателем и лидером ДВР являлся бывший и. о. премьер-министра России Е. Т. Гайдар, а другие представители партии (А. Б. Чубайс и А. В. Козырев) по-прежнему занимали высокие должности в системе исполнительной власти страны. Эти политики решительно поддержали исполнительную власть во время трагических событий в Москве в октябре 1993 года, однако спустя год точки зрения ДВР и высшего российского руководства на «чеченский вопрос» оказались диаметрально противоположными.

Антивоенная деятельность партии после ввода федеральных войск в Чечню в конце 1994 года оказалась очень активной. Уже в заявлении от 10 декабря Е. Т. Гайдар обвинил в обострении обстановки на Северном Кавказе «партию войны», под которой известный политик эпохи понимал «бесчестных генералов», «бездарных хозяйственников» и «до предела обнаглевших чиновников» [12]. Конкретных фамилий бывший глава правительства не назвал, однако конечной целью всех этих лиц Политсовет его партии в заявлении от 20 декабря полагал ликвидацию всех экономических и политических достижений эпохи Перестройки и радикальных реформ начала 1990-х гг., а чеченскую проблему считал лишь поводом для установления авторитарного режима в стране [14]. В том же заявлении Политсовет ДВР утверждал об «угрозе диктатуры и гражданской войны», нависшей над Россией [14]. Для предотвращения подобной перспективы партия Е. Т. Гайдара призвала все демократические, антифашистские и женские организации, творческие и профессиональные союзы, а также обычных граждан выступить против военной операции в Чечне [14]. В качестве альтернативы войне лидер ДВР в телеграмме на имя Президента РФ Б. Н. Ельцина от 17 декабря предлагал прекращение бомбардировок

Грозного и огня с обеих сторон, а также отказ от планов штурма Грозного и дальнейшего наступления российских войск в Чечне. За прекращением военных действий должны были последовать переговоры с лидером чеченских сепаратистов Д. М. Дудаевым [23]. Демократы также требовали от главы государства уволить руководителей силовых структур страны, назвав их «профессионально некомпетентными и безответственными» [7, с. 2].

В антивоенном ключе рассуждали и другие видные представители партии. Например, член Политсовета ДВР, председатель думского комитета по обороне С. Н. Юшенков уже днём 11 декабря обратился к москвичам по радиостанции «Эхо Москвы» с призывом выйти на митинг протеста против начавшейся войны в Чечне. В его речи прозвучало сравнение событий на Кавказе с действиями советского руководства в Вильнюсе в 1991 году, а федеральные силовые министры обвинялись им в «безответственной национальной политике» [8]. Спустя ровно месяц на внеочередном заседании Государственной Думы РФ депутаты от «Выбора России» выдвинули ряд откровенно оппозиционных законопроектов. Например, В. В. Похмелкин предлагал запретить использование Вооружённых Сил РФ при урегулировании конфликтов внутри страны. Другой «выборосс», известный адвокат Б. А. Золотухин, предлагал внести изменения в Конституцию России с целью установления контроля законодателей над исполнительной властью. Наконец, Г. И. Задонский выдвинул идею о прекращении финансирования военных действий в Чечне из федерального бюджета, а также требовал обязать силовые министерства опубликовать списки сотрудников, погибших при исполнении служебных обязанностей в новой «горячей точке» [10]. Однако все названные законопроекты оказались отвергнуты прочими фракциями нижней палаты российского парламента.

Однако было бы некорректно считать ДВР союзником чеченских сепаратистов. Лидеры партии, по их собственному утверждению, «твёрдо придерживались принципа территориальной целостности Российской Федерации» [2, с. 46] и признавали Чечню её неотъемлемой частью. Многие рядовые демократы также достаточно критично относились к режиму генерал-президента Д. М. Дудаева в Грозном. Так, участники первых антивоенных митингов, прошедших на Пушкинской площади столицы в декабре 1994 года и организованных в числе прочих и ДВР, прямо заявляли, что «не питают иллюзии в отношении демократического строя» в Чечне, чем признавали авторитарность дудаевского режима [5]. Такие заявления звучали в унисон с официальной точкой зрения. В то же время сторонники ДВР также потребовали от главы государства «отмежеваться от партии войны» и начать переговоры с сепаратистами [20], а Гайдар призвал их и всех россиян подписать антивоенные обращения к президенту [19]. Однако на предложение лидера ДВР о личной встрече Б. Н. Ельцин и чиновники его администрации в декабре 1994 года ответили отказом, что привело к ухудшению их отношений [17, с. 164].

Выступая на заседании Государственной Думы РФ вечером 13 декабря, Гайдар конкретизировал вопрос о ведении переговорного процесса. По его мнению, Кремль должен был вести переговоры о проведении в республике свободных выборов со всеми, кто контролировал хотя бы её часть. Формально под этот критерий попадали и режим сепаратистов, и антидудаевская оппозиция. В ходе выборов жители Чечни должны были избрать новую легитимную власть, с которой Центр позднее начал бы переговоры о будущем статусе республики [1]. По истечении первой недели боевых действий «выбороссы»

выразили соболезнования чеченскому народу, призвали его воздержаться от мести и заверили в том, что для прекращения войны будет сделано всё [21].

В вышедших в 1996 году мемуарах Е. Т. Гайдар вновь попытался доказать, что российские власти должны были попытаться воздействовать на сепаратистский режим Чечни исключительно экономическими методами. В качестве аргументов лидер реформаторов приводил сокращение поставок нефти в Чечню и прекращение её подачи с нефтепромыслов Ставропольского края в 1993 году, а также перестройку системы расчётов, что исключило вероятность повторения крупномасштабных махинаций с чеченскими авизо [3, с. 328]. Всё это, по словам Гайдара, привело режим Д. М. Дудаева на рубеже 1993—1994 годов к серьёзному кризису, а, следовательно, Кремлю «надо воспользоваться ослаблением режима для начала диалога... включения Чечни в структуры российской государственности» [3, с. 328]. В целом, Е. Т. Гайдар позитивно оценивал лишь те мероприятия федеральных властей в Чечне, что проводились в период его присутствия в том или ином качестве в составе правительства. Он словно намекал, что именно его уход из власти привёл к общему ухудшению ситуации в стране, и Северный Кавказ не стал исключением из правил.

Данные аргументы лидера ДВР всё же не учитывали ряда важных обстоятельств. Например, весной и летом 1994 года террористы из Чечни осуществили ряд захватов заложников в районе Кавказских Минеральных Вод, причём командующий ВВ МВД РФ генерал-полковник А. С. Куликов намекал на прямую взаимосвязь между существованием самопровозглашённой Ичкерии и возрастанием террористической угрозы на Северном Кавказе [18, с. 230—231]. Эти события Е. Т. Гайдар оставил без внимания. Несколько позднее лидер непризнанной Ичкерии Д. М. Дудаев предпринял против своих оппонентов внутри республики карательные меры, в результате чего погибли 700 и были ранены свыше 1500 жителей Чечни [27, с. 349]. В то же время Е. Т. Гайдар, в мемуарах вскользь упомянувший о переходе в оппозицию официальному Грозному целых районов Чечни и некоторых ближайших сподвижников генерала-президента, ничего не писал о возможности включения данных оппозиционеров в потенциальный диалог с федеральным Центром. К тому же сама логика подсказывала Кремлю в условиях начала кризиса режима сепаратистов в Грозном не вести с ним долгий и сложный переговорный процесс, а попытаться решительным ударом добить ослабевшего противника.

Если многие российские демократические партии и движения возлагали ответственность за начало войны на высшее руководство государства и лично Б. Н. Ельцина, то «выбороссы» в большей степени обвиняли силовиков или лиц из ближайшего президентского окружения. Подобная позиция ДВР по «чеченскому вопросу» обернулась фактическим расколом его рядов. Часть Политсовета партии во главе с упомянутым выше депутатом Госдумы С. Н. Юшенковым не просто резко выступила против войны на Кавказе, но и призвала к объявлению импичмента главе государства и проведению досрочных президентских выборов [8]. Их противником выступил председатель исполкома и неофициальный финансист ДВР, президент ЗАО «Концерн ОЛБИ» О. В. Бойко. Известный российский бизнесмен немедленно опроверг причастность партии к призыву об импичменте Б. Н. Ельцина, назвав его «кампанией очернения президента страны, её правительства, которое в тяжелейших условиях проводит твёрдую политику экономических реформ» [9]. Поддержав политику Центра, Бойко охарактеризовал действия С. Н. Юшенкова и российских правозащитников как попытку «раскачивать лодку крепнущей российской

государственности» и «наживать... сиюминутный политический капитал на площадях и перед телекамерами» [9], недопустимую в трудное время.

В то же время другая часть «выбороссов» под руководством председателя Московской городской организации ДВР, учёного-экономиста С. Е. Благоволина решила, по словам лидера партии Е. Т. Гайдара, «сохранить возможность диалога с властью» [3, с. 330]. Вечером 13 декабря Е. Т. Гайдар подписал заявление собственной партии о позиции по чеченскому кризису. Помимо ритуального осуждения военных способов, ДВР возражал против любых попыток использовать трагические события на Северном Кавказе для «подрыва законно избранной власти», под которыми она понимала призывы к импичменту Президента РФ Б. Н. Ельцина и проведению досрочных выборов главы государства. «Выбороссы» полагали, что оппозиция лично Ельцину будет играть на руку провокаторам чеченского конфликта и другим антидемократическим силам [13]. Данное обстоятельство можно объяснить тем, что его лидеры («младореформаторы») в начале 1990-х годов были интегрированы в исполнительную власть и, соответственно, несли ответственность за произошедшие внутри страны события. К тому же, как утверждал Е. Т. Гайдар в разгар думской предвыборной кампании 1995 года, действующий глава государства «противостоит приходу к власти отъявленных негодяев», то есть являлся меньшим злом, чем представители левой или националистической оппозиции [2, с. 57].

Несмотря на преобладавшие в России антивоенные настроения, высказывавшаяся ДВР точка зрения не укрепила позиций партии в обществе. Ещё в декабре 1994 года из-за категорического несогласия с критикой кавказской политики Кремля из партии вышел министр иностранных дел А. В. Козырев, а в следующем году ряды думской фракции «Выбора России» покинули многие депутаты [8]. Поэтому попытка внесения на голосование в Государственной Думе проекта закона о немедленном прекращении военных действий в Чечне 11 января 1995 года потерпела неудачу. Фракцию «Выбор России» поддержали только депутаты от «ЯБЛока» и «Женщин России», однако остальные политические силы Думы в основном проголосовали против упомянутого законопроекта [21]. С осуждением действий ДВР в те дни выступил даже считавшийся его идеологическим союзником лидер движения «Вперёд, Россия!» Б. Г. Фёдоров, который поддержал чеченскую операцию Кремля [25, с. 203].

Не привели к успеху и многочисленные антивоенные митинги, организованные ДВР и различными правозащитными организациями зимой 1994—1995 гг. Даже в Москве и Санкт-Петербурге число их участников никогда не превышало 350—700 человек, причём часть из них составляли представители леворадикальных сил, крайне негативно относившиеся к демократам [22]. Резолюции антивоенных митингов обычно звучали достаточно остро по отношению к российским властям и силовым ведомствам. Например, участники акций у зданий МО и Генерального штаба Вооружённых Сил РФ в начале 1995 года требовали не просто предоставить точную информацию о потерях армии, но и вывести из Чечни федеральные силы, а также распустить Совет безопасности (СБ) РФ как орган, ответственный за начало войны, провести суд над главными организаторами чеченской кампании или назначить на пост министра обороны страны гражданского чиновника [4; 26]. Ни один из перечисленных пунктов не был удовлетворён властями страны, поэтому митинги быстро иссякли. В конечном итоге все эти неудачи заметно ослабили позиции бывшей партии власти на парламентских выборах в конце того же года.

К тому времени ДВР, несмотря на отказ поддержать импичмент Президенту РФ Б. Н. Ельцину, уже фактически перестала считаться партией его сторонников. 11 марта 1995 года пленум Совета ДВР отказался поддерживать действующего главу государства в случае выдвижения им своей кандидатуры на новых выборах [24, с. 14]. Даже нападение банды Ш. С. Басаева на Будённовск не только не привело к существенному изменению позиции ДВР в чеченском вопросе, но и стало лишним поводом продемонстрировать оппозиционность Кремлю. II внеочередной съезд партии 18 июня 1995 года, ритуально осудив чеченских «бандитов» и «фанатиков-террористов», всё же констатировал основную вину федеральных властей в произошедшем. Демократы потребовали немедленного начала диалога с захватчиками, создания парламентской комиссии по расследованию всех причин и обстоятельств трагедии в Будённовске, а также снова призвали расформировать СБ России, отправить в отставку силовых министров и реорганизовать их ведомства. При этом фракция «Выбора России» предупредила Кремль, что её позиция по вопросу о вотуме недоверия правительству В. С. Черномырдина будет зависеть от того, с какой эффективностью оно будет действовать при спасении жизней многочисленных заложников в Будённовске [15, с. 17—18].

Телефонные договорённости премьер-министра и лидера террористов, а также отставка почти всего силового блока правительства привели к тому, что «Выбор России» в конечном итоге не поддержал решение о вотуме недоверия кабинету министров. Дальнейшие переговоры в Грозном между правительственной делегацией РФ и представителями чеченских сепаратистов «выбороссы» поддерживали. В частности, в разгар думской предвыборной кампании 1995 года Е. Т. Гайдар публично выступил за диалог с умеренной частью чеченского общества, даже на уровне отдельных районов и сёл, а также предлагал вести с сепаратистами переговоры о дальнейшем статусе республики [16, с. 14].

Таким образом, на начальном этапе боевых действий в Чечне позиция ДВР фактически разрывалась между недавним положением «партии власти» и статусом главной реформаторской силы в российском истеблишменте. Она более-менее последовательно осуждала затянувшуюся войну на Северном Кавказе, приведшую к многочисленным жертвам и разрушениям. Такие методы решения сложных национальных проблем государства не казались ей далёкими от демократии и борьбы за права человека. В результате во время избирательной кампании 1995 года Кремль предпочёл опираться на новую силу — политическое движение «Наш дом — Россия» премьер-министра В. С. Черномырдина. В то же время «выбороссы» в 1994—1995 гг. не смогли стать и по-настоящему оппозиционной партией, поскольку Президент РФ Б. Н. Ельцин по-прежнему оставался для них гарантом рыночных реформ в экономике, либеральных прав и свобод, а также олицетворением некоторой политической стабильности. Провал ДВР на думских выборах 1995 года привёл к дальнейшему падению её статуса. В таких условиях стать лидером сколько-нибудь сильного антивоенного движения она уже не смогла.

Список литературы

1. Выступление Е. Т. Гайдара в Государственной Думе РФ по проекту постановления о ситуации в Чечне. URL: <http://www.gaidar-arc.ru/databasedocuments/years/details/502> (дата обращения: 28.05.2021).
2. *Гайдар Е. Т.* Записки из зала. М.: Евразия, 1995. 80 с.
3. *Гайдар Е. Т.* Дни поражений и побед. М.: Вагриус, 1997. 480 с.

4. *Голотюк Ю.* Выросло число акций протеста против чеченской операции // *Сегодня*. 1995. 10 января.
5. Демократия должна себя защищать // *Российская газета*. 1994. 23 декабря.
6. Досье // *Огонёк*. 1994. № 50—51. С. 2.
7. *Джсалагония В.* Дорогой читатель! // *Эхо планеты*. 1994. № 49. С. 2.
8. *Елисеенко В.* Чечня: Москва применяет силу // *Русская мысль*. 1994. 15—21 декабря.
9. *Елисеенко В.* Чечня-Россия: Идёт гражданская война // *Русская мысль*. 22 декабря 1994. 4 января 1995.
10. *Елисеенко В.* Хроника войны в Чечне // *Русская мысль*. 1995. 19—25 января.
11. *Ельцин Б. Н.* Президентский марафон. Размышления, воспоминания, впечатления. М.: АСТ, 2000. 430 с.
12. Заявление партии ДВР (в связи с Указом Президента РФ «О мерах по прекращению деятельности незаконных вооружённых формирований на территории ЧР и в зоне осетино-ингушского конфликта») от 10 декабря 1994 г. URL: <http://gaidar-arc.ru/databasedocuments/theme/details/3636> (дата обращения: 22.05.2021).
13. Заявление партии Демократический выбор России о позиции по чеченскому кризису, 13 декабря 1994 г. URL: <http://www.gaidar-arc.ru/databasedocuments/years/details/3644> (дата обращения: 28.05.2021).
14. 14.Заявление Политсовета партии Демократический выбор России в связи с эскалацией военных действий в Чечне от 20 декабря 1994 г. URL: <http://gaidar-arc.ru/databasedocuments/theme/details/3656> (дата обращения: 22.05.2021).
15. Заявление съезда партии «Демократический выбор России» // *Политический курьер партии «Демократический выбор России»*. Хроника, материалы, документы. 1995. № 7. С. 17—18.
16. *Ковальская Г.* Егор Гайдар: нельзя быть демократами только когда нам это выгодно // *Новое время*. 1995. № 47. С. 14.
17. *Костиков В. В.* Роман с президентом. Записки пресс-секретаря. М.: Вагриус, 1997. 190 с.
18. *Куликов А. С.* Тяжёлые звёзды. М.: Изд. «Война и мир букс», 2002. 568 с.
19. Обращение Егора Гайдара ко всем, кто против войны в Чечне, 20 декабря 1994 г. URL: <http://gaidar-arc.ru/databasedocuments/theme/details/3657> (дата обращения: 23.05.2021).
20. Обращение москвичей, участников встречи с депутатами демократических фракций Государственной Думы на Пушкинской площади 12 декабря. URL: <http://gaidar-arc.ru/databasedocuments/theme/details/3639> (дата обращения: 23.05.2021).
21. Обращение фракции Выбор России Государственной Думы РФ к чеченскому народу, 18 декабря 1994 г. URL: <http://www.gaidar-arc.ru/databasedocuments/years/details/3649> (дата обращения: 28.05.2021).
22. *Платоненко В.* Демократические партии и организации в январе 1995 года. URL: <http://igpi.ru/monitoring/1047645476/1050414836/Demokrats0195.htm> (дата обращения: 28.05.2021).
23. Президенту РФ Б. Н. Ельцину — Е. Т. Гайдар. Об эскалации военных действий в Чечне. URL: <http://gaidar-arc.ru/databasedocuments/theme/details/3648> (дата обращения: 22.05.2021).
24. Резолюция пленума Совета партии «Демократический выбор России» «О политической ситуации в стране» // *Политический курьер партии «Демократический выбор России»*. Хроника, материалы, документы. 1995. № 2. С. 14.
25. *Фёдоров Б. Г.* Пытаясь понять Россию. СПб.: Лимбус-Пресс, 2000. 288 с.
26. *Фокина Н.* Услышьте матерей, политики // *Труд*. 1995. 10 января.
27. *Шнирельман В. А.* Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 696 с.

УДК 94(470+571)''1950/1960'':323

ББК 63.3(2)632-33

DOI: 10.46726/H.2021.4.13

К. А. Юдин

АНАТОМИЯ «ФАТАЛЬНЫХ РЕФОРМ»: ОСОБЕННОСТИ ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ И УПРАВЛЕНИЯ В СССР (середина 1950-х — начало 1960-х гг.)

В статье исследуется одно из важнейших в цепи непрерывных институционально-политических и идеологических трансформаций звеньев — реформа партийно-государственного контроля и управления, произведенная первым секретарем ЦК КПСС Н. С. Хрущевым осенью — зимой 1962 г. Фокус исследования устанавливается преимущественно на внутренней, «анатомической» составляющей реформаторского курса, его причинно-следственной фактуре. На основе архивных данных, документальных публикаций сделаны выводы, что замысел Хрущева по реставрации «ленинской модели» государственного управления, связанной с возвращением к принципам внутривнутрипартийной демократии, централизма, публичности системы контроля, был изначально утопичным. Его несостоятельность проявилась как на идейно-теоретическом, так и на организационно-практическом уровне. В ходе предпринятой «модернизации» наблюдалась институциональная эклектика, происходили процессы встречной бюрократизации в рамках кампании по борьбе с этим изъяном государственной машины и социума. Параллелизм, дублирование полномочий, сосуществование ведомств, принадлежащих к разным эпохам по наименованию и сущности, создание еще одной гибридной, объединенной структуры партийного и государственного контроля — все это стало кульминацией и «фатальным» апогеем, на данном историческом этапе приведшим к смещению лидера страны, но имевшим и далеко идущие последствия по саморазрушению системы.

Ключевые слова: партийно-государственный контроль, хрущёвская «модернизация», «оттепель», борьба с бюрократизмом, ленинизм, «Комсомольский прожектор».

К. А. Yudin

ANATOMY OF “FATAL REFORMS”: FEATURES OF PARTY-STATE CONTROL AND MANAGEMENT IN THE USSR (mid 1950’s — early 1960’s)

The article examines one of the most important links in the chain of continuous institutional, political and ideological transformations — the reform of party and state control and management, carried out by the first Secretary of the CPSU Central Committee N. S. Khrushchev in the autumn-winter of 1962. The focus of the study is mainly on the internal, “anatomical” component of the reform course, its causal structure. On the basis of archival data and documentary publications, it is concluded that Khrushchev’s plan to restore the “Leninist model” of state administration, associated with a return to the principles of internal party democracy, centralism, and the publicity of the control system, was initially utopian. The parallelism, the duplication of polities, the coexistence of departments belonging to different epochs in name and essence, the creation of another hybrid, unified structure of party and state control—all this was the culmination and “fatal” apogee, which at this historical stage led to the removal of the country’s leader, but also had far-reaching consequences for the self-destruction of the system.

Key words: party and state control, Khrushchev’s «modernization», the «thaw», the fight against bureaucracy, Leninism, the «Komsomol Searchlight».

Постановка проблемы и историографический контекст

Историография советской системы партийно-политического контроля к настоящему времени носит неисчерпаемый и разноплановый характер. Имеющийся задел представлен как работами, отличающимися концептуальной монологичностью, воспроизводившими официальный, партийно-коммунистический дискурс [8; 21; 29], так и новейшими исследованиями, рассматривавшими причины и ход ведомственных реорганизаций [3; 4; 5; 16; 31] в рамках осмысления и экспертизы сущности советского политического режима на переходных этапах его развития, в контексте изменения стиля управления его лидеров и представителей, а также в историко-экономическом [20] и юридическом ракурсах [19]. Это труды О. В. Хлевнюка [28], Р. Г. Пихои [22], Ю. В. Аксютин [1], В. А. Козлова [14], Е. Ю. Зубковой [10], О. Л. Лейбовича [15], В. П. Мохова [17], О. Н. Калининой [11; 12], К. А. Юдина [30]. Поднимались эти проблемы и в зарубежной историографии [27; 32]. Как верно отметил А. В. Степанов, «наша наука в начале нового века постепенно расширяет поле зрения» [26, с. 68]. Применительно к советской истории это означает курс на тщательную проработку уже имеющихся документальных публикаций, а также не введенных в научный оборот архивных данных. Это способствует прояснению общей картины взаимодействия власти и общества — коллективной/социальной памяти, способов ее формирования и репрезентации [2; 13; 24].

Инициированная еще в середине 1950-х гг. кампания по борьбе с бюрократизмом уже в начальной стадии вызвала встречную административно-политическую и социально-экономическую энтропию, ставшую, как справедливо указал О. В. Хлевнюк, роковой для первого секретаря ЦК КПСС, способствовавшей его падению [28, с. 165]. Вполне можно согласиться и с точкой зрения А. В. Ведерникова, отметившего, что «предпринятые советским руководством в 1953—1956 гг. меры по сокращению численности бюрократического аппарата принесли лишь временный успех, не способствовали качественному изменению процесса управления» [4, с. 159]. Об этом свидетельствует хроника принимаемых в отношении конкретных ведомств и всей системы в целом решений, требующая дополнительного изучения.

Предпосылки реформы партийно-государственного контроля: назад к «ленинской модели»?

Действенными информационными стимулами, повлиявшими на реактивность Н. С. Хрущева, усиленную его характером и темпераментом, стали «сигналы», поступавшие по линии ведомств партийного и внутрипартийного контроля. 15 января 1954 г. в ЦК КПСС на имя Н. С. Хрущева была направлена докладная записка, составленная заместителем заведующего Отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК КПСС Я. В. Сторожевым и содержащая обстоятельную критику системы государственного управления.

Автор документа констатировал, что «государственный аппарат является еще громоздким, дорогостоящим, бюрократическим», поскольку «центр тяжести зачастую сосредоточен не на живой организаторской работе, а на бумаготворчестве, на подготовке проектов многочисленных директив, постановлений, приказов, распоряжений, писем, телеграмм, телефонограмм» [23, с. 92], что приводит к полному административному параличу, усугубляющемуся отсутствием «четко установленной ответственности и прав местных органов управления» [там же, с. 99]. Все это подтверждалось и статистически:

«За 11 месяцев 1953 г. Министерством сельского хозяйства СССР получено 1377000 разных писем, или ежедневно в среднем по 4900 писем <...>. За этот же период с мест получено 150100 телеграмм, или по 534 в день». По результатам специальной проверки, произведенной инспекцией при данном ведомстве, эффективность подобной корреспонденции оставляла желать лучшего: «Из 1067 писем тиражом 2038 экземпляров, подготовленных к отправке 25 декабря, 141 письмо было задержано как небрежно оформленное и неграмотно составленное. В корреспонденции, подготовленной к отправке 26 декабря, было задержано 192 документа, из них 122 письма вообще не следовало посылать» (курсив здесь и далее наш. — К. Ю.) [там же, с. 97].

Нисколько не переоценивая значимости выше приведенного информационного сообщения, ставшего, безусловно, одним из многих в череде ведомственных донесений, тем менее, можно предположить, что оно сыграло свою роль в пробуждении и закреплении у первого секретаря ЦК КПСС уверенности в перспективности осуществления им миссии неоленинского реформатора. Через 4 дня, 19 января 1954 года, в Президиум ЦК КПСС поступила записка лидера страны, посвященная проблемам улучшения работы партийного и государственного аппарата. «Канцелярско-бюрократический стиль в работе, — отмечал Хрущев, — отвлекает партийных, советских и хозяйственных работников от живого дела по организации трудящихся масс на борьбу за выполнение решений партии и правительства, порождает волокиту и безответственность в решении жизненно важных вопросов, ведет к непомерному разбуханию аппарата. Такое положение противоречит ленинским принципам организации партийного и советского аппарата.<...>. Это очень серьезное и опасное положение» [там же, с. 102].

Таким образом, по существу, была озвучена концепция властно-политического курса, направленная на очередную идеологическую мистификацию, ретро-абстракцию, — возвращение к «подлинному» ленинизму. Она стала не просто формальным лозунгом-символом периода «оттепели», но начала использоваться для прямого обоснования и легитимации всех институциональных трансформаций, предпринятых в это время. Накануне произведенной в ноябре-декабре 1962 года «фатальной» в силу своей антиномичности реформы — с одной стороны, разделения партийно-советского аппарата по производственному принципу на промышленные и сельские структуры, и одновременно — встречной интеграции ведомств внутрипартийного (Комитета партийного контроля при ЦК КПСС) и государственного (Комиссии/Комитета государственного контроля Совета Министров СССР) контроля в единый орган — Комитет партийно-государственного контроля (КПГК) ЦК КПСС и Совета Министров СССР, Н. С. Хрущев обстоятельно аргументировал это в более чем 10-страничной обзорной записке. Там он особо подчеркивал принципиальные нюансы, свидетельствовавшие о намерениях «модернизации» управления, возвращавшейся к своим идейно-организационным истокам — модели Рабоче-крестьянской инспекции (РКИ), существовавшей в 1920 — начале 1930-х гг., и свойственному этому учреждению стилю функционирования, предполагавшему декларирование публичности, общедоступности и «всеохватности» народного контроля. «Нам необходимо, — заявил 19 февраля 1962 г. Н. С. Хрущев, — наряду со специальными органами партийного контроля иметь систему общественных инспекций, которые работали бы под руководством контрольных органов партии и охватывали каждое предприятие, стройку, колхоз, совхоз, учреждение <...> Исходя из этого, считал бы целесообразным образовать *единый контрольный*

центр — Комитет Партийного Контроля (КПК) с соответствующими органами на местах, возложить на него обязанность осуществлять контроль по всем линиям. Это и будет претворением в жизнь *ленинских указаний* о слиянии учреждений партийного и государственного контроля» [25, д. 22, л. 199].

Стремление вызвать у каждого советского человека «революционное горение» было, как обычно, закреплено нормативно-циркулярно с помощью установления следующей системы внутривнутрипартийного арбитража. В Положении «О Комитете партийно-государственного контроля ЦК КПСС и Совета Министров СССР и соответствующих органах на местах» (4 декабря 1962 г.) была определена следующая диспозиция: «В случае если местные партийные и советские органы не согласны с постановлением соответствующего комитета партийно-государственного контроля, то вопрос передается на рассмотрение в вышестоящий партийный и контрольный орган [там же, д. 23, л. 122]. Не оказалась обойденной регламентация общественной сопричастности. В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 декабря 1962 г., принятом по итогам ноябрьского пленума ЦК КПСС, присутствовали следующие формулировки: «образовать на предприятиях, стройках, колхозах и учреждениях группы и посты содействия партийно-государственному контролю; совместно с комитетами партийно-государственного контроля отобрать для работы в органах контроля идейно зрелых, принципиальных коммунистов, хорошо знающих хозяйство, экономику» [7, д. 1, л. 1]. Именно в это время новую жизнь получило профсоюзное и комсомольское движение. Участие в отрядах «Комсомольского прожектора», ставшего модификацией «легкой кавалерии» комсомола, 30—40 лет назад оказывавшей содействие органам НК ЦКК-РКИ, позиционировалось как «основная и почетная общественная обязанность» молодых советских граждан [там же, л. 36].

Вместе с тем, как отмечается в историографии, создание КПК ЦК КПСС и СМ СССР стало не столько квинтэссенцией идейно-организаторского потенциала Н. С. Хрущева, сколько индикатором истощенности лимита доверия и терпения как стороны высшей партийно-государственной элиты, так и региональной номенклатуры и общественности. Как вспоминал секретарь ЦК КПСС, заместитель председателя СМ СССР и первый руководитель объединенного ведомства — КПК ЦК КПСС и СМ СССР А. Н. Шелепин, возвращение к «внутрипартийной демократии» оказалось явной фикцией: «Он (Хрущев Н. С. — *К. Ю.*) на одном из заседаний сказал, что у нас очень плохо с контролем, и есть мнение — поручить Шелепину заняться этим делом и подготовить 2 записки 1) как обстояло дело при В. И. Ленине и 2) как следует организовать это дело на современном этапе. Через три недели я подготовил и передал эти записки и проект Положения о комитете. По ним начались дискуссии. *Возражали очень Косыгин и Микоян. Я доложил Хрущеву о негативной реакции некоторых товарищей, и на Президиуме тот в грубейшей форме сказал, что все нужно оставить все как есть...*» [18, с. 286]. Н. И. Добросоцкий и А. А. Слезин показывали, что деятельность «Комсомольского прожектора» далеко не всегда была эффективной: «Молодые люди не были допущены ко всем документам и “теневым” вопросам. Отсутствие прочной связи с правоохранительными органами приводило к тому, что “сигналы” о многих нарушениях даже не расследовались. Комсомольцы не имели действенных “рычагов” воздействия на руководство предприятий и учреждений» [9, с. 281]. При этом действительно, складывалась «поистине парадоксальная ситуация», при которой дублирование

полномочий местной номенклатуры путем инкорпорации институтов КППК в состав региональной администрации сочеталось с внешними правами «производить расследования, налагать на виновных взыскания и штрафы, передавать дела в прокуратуру и суд» [22, с. 426].

Нарастание кризиса реформаторского курса

Симптомы и признаки неопределенности реформаторского курса, отторгавшего и изживавшего себя самого изнутри, стали проявляться уже практически сразу после выхода Постановления Президиума ЦК КПСС «О серьезных недостатках в работе партийного и государственного аппарата» от 25 января 1954 г., призывавшего, выражаясь современным языком, к «оптимизации» — упрощению и сокращению отчетности, объемов делопроизводства и повышению ответственности руководителей различных ведомств [23, с. 104]. Одними из первых от такой «ударной волны» пострадали непосредственно сами контрольные учреждения — предшественники КППК ЦК КПСС и СМ СССР. 13 апреля 1955 г. вышло постановление СМ СССР «О сокращении штатов Министерства государственного контроля СССР», утвердившее вынужденную «инициативу» его руководителя: «Принять предложение Министра государственного контроля СССР т. Жаворонкова о сокращении плановой численности административно-управленческого персонала Министерства государственного контроля СССР на 820 единиц, или на 21 %, в том числе по центральному аппарату на 121 единицу, или на 10 %» [25, д. 14, л. 55].

Как и полагалось по сложившимся ритуалам, была инспирирована активная критика и внутренняя самокритика, приведшая в дальнейшем к очередному витку ведомственных реорганизаций. На отчетно-выборном собрании партийной организации Министерства государственного контроля, состоявшемся 26—27 сентября 1955 года, развернулась «драма», наподобие ситуации в кинофильме «Премия» (СССР, 1974 г., реж. С. Г. Микаэлян), когда коммунисты-активисты сигнализировали о сложившейся тревожной обстановке, связанной с неприятием «должных мер по перестройке работы органов государственного контроля» [там же, л. 58].

В январе 1957 г. В. М. Молотов представил в ЦК КПСС проект нового положения о Министерстве государственного контроля, подлежащего скорейшему реформированию по причине того, что его структурно-функциональный облик *«не соответствует известным ленинским установкам по вопросу о Рабкрине/Госконтроле и не отражает задач, поставленных перед Министерством государственного контроля XX съездом КПСС»* [там же, л. 75]. Однако вместо разработки «нового положения» партийно-государственное руководство решило и вовсе упразднить «надоевшее» министерство, предприняв еще более странный с точки зрения концептуально-идеологической логики шаг: уже в июле 1957 года [там же, л. 150] появилась идея «реинкарнации» существовавшей при И. В. Сталине (1934—1941 гг.) Комиссии советского контроля при СНК (Совете народных комиссаров) СССР. Она появилась уже через месяц на основании постановления Совета Министров СССР от 15 августа 1957 г. [там же, д. 22, л. 13—13 об.]. Это мотивировалось следующим образом: «ЦК КПСС считает, что в новых условиях деятельность органов советского контроля должна производиться силами небольшого числа квалифицированных штатных работников как в центре, так и на местах с привлечением рабочих, колхозников, служащих. В связи с этим отпадает необходимость в большом

централизованном аппарате госконтроля, каким является Министерство государственного контроля СССР» [там же, л. 3].

Тем самым, судя по всему, Н. С. Хрущев уже тогда утрачивал ясное представление о векторах и целях трансформаций, санкционируя создание очередных гибридов — «ленинских» ведомств в «сталинском» институциональном облике. Комиссия советского контроля Совета Министров СССР не просуществовала и «традиционного» для советской истории хронологического отрезка-периода — пятилетки. 13 июля 1961 г. вышло Постановление ЦК КПСС и СМ СССР «О преобразовании Комиссии советского контроля Совета Министров СССР в союзно-республиканский орган и мерах усиления контроля за исполнением решений партии и правительства», которое однозначно признавало все предыдущие управленческие «эксперименты» неудовлетворительными: «Сложившаяся практика деятельности и взаимоотношений союзной и республиканской комиссий советского контроля свидетельствует о наличии разобщенности в проведении контрольной работы, ненужного дублирования и параллелизма, что не позволяет объединить усилия всех органов советского контроля сверху донизу на организации целеустремленной и согласованной проверки исполнения» [там же, л. 85]. В результате появилось еще одно ведомство — Комиссия государственного контроля СМ СССР, что было утверждено Указом Президиума Верховного Совета (ВС) СССР от 22 июля 1961 г. И вновь ей делегировались почетные полномочия и миссия по «борьбе с очковтирательством, проявлениями местничества и ведомственности, бюрократизмом и волокитой» [там же, л. 104].

Но и эти «благородные» инициативы оказались девальвированными внутренней институциональной автаркичностью, системным холизмом. В докладной записке, составленной заведующим Отделом партийных органов ЦК КПСС по союзным республикам Е. И. Громовым в январе 1957 г., отмечалось, что сокращение административно-управленческого аппарата затронуло либо только низовое звено периферийных органов, либо привело к встречному, параллельному увеличению кадрового состава. «Расширение прав союзных республик в руководстве хозяйственным и культурным строительством, естественно, повлекло за собой создание на местах новых министерств. За последние три года число министерств в республиках (без РСФСР) выросло с 262 до 344, в том числе республиканских — на 28 и союзно-республиканских — на 54 министерства» [23, с. 113]. Образование новых министерств сопровождалось увеличением административного персонала. Помимо вполне резонных опасений, связанных с возможными затруднениями по трудоустройству вынужденно попавших под сокращение работников, региональная партийная и советская номенклатура, руководствуясь привычными принципами ведомственной реактивности, демонстрации «политической благонадежности», что коррелирует и с современными управленческими механизмами и реалиями, также выступала источником деструктивных инициатив по умножению многочисленных форм отчетности. «В Министерстве сельского хозяйства Литовской ССР установлена ежедневная сводка на 80 страницах, включающая более 7500 тыс. различных показателей. <...> Министерство совхозов Литовской ССР ежегодно требует от совхозов *предоставления не предусмотренной государственной отчетностью сведений, включающих более тысячи показателей*» [там же, с. 116].

Таким образом, «расширение прав местных партийных комитетов в решении некоторых организационных вопросов», которое было санкционировано еще в августе 1955 г. [там же, с. 123—126], вместо целевых ожиданий

по упрощению взаимодействия в системе «центр-регион» привело «к управленческой неразберихе, так как не было конкретного распределения сфер деятельности между городским отделом культуры, министерством культуры и отделом культуры ЦК КПСС» [3, с. 49]. Для советской действительности все более становилось очевидным, что «система давала все большие сбои, накапливала “ошибки”» [6, с. 179], что способствовало ее постепенному саморазрушению.

Все это только усугубилось после окончательного разделения партийных, советских органов власти и хозяйственной инфраструктуры на промышленный и сельский «секторы» по производственно-отраслевому принципу на основании решений пленума ЦК КПСС, состоявшегося в ноябре 1962 г. В последующие годы (1962—1963 гг.) с мест стали поступать тревожные сигналы о серьезных трудностях в управлении различными объектами, обусловленные проведенной реорганизацией административных схем. В 1963 г. Отдел по вопросам работы советов Президиума ВС РСФСР направил председателю Президиума ВС РСФСР И. Н. Игнатову обстоятельную докладную записку, в которой откровенно утверждалось, что «различная подчиненность торговых предприятий и множественность торговых систем не только затрудняет правильную организацию торговли в городах и рабочих поселках, но и влечет большие непроизводительные расходы, создает путаницу в завозе товаров и ведет к затовариванию» [23, с. 508]. «Северо-Кавказский совет народного хозяйства вынужден иметь дело с двенадцатью обкомами и крайкомами партии, что, безусловно, затрудняет, а не облегчает работу». И далее: «Жить в городах и руководить сельским хозяйством — это не то, о чем говорил Н. С. Хрущев», — заключал секретарь Ставропольского промышленного крайкома ЦК КПСС Н. В. Босенко [там же, с. 514]. В итоге сложилась такая ситуация, что, как верно отметил У. Таубман, «теперь Хрущев мог смело винить во всех своих неудачах партийные кадры» [27, с. 634—635].

Сатира на аппаратно-бюрократический абсурд была отражена в кинематографе, в частности, в таких колоритных кинопроизведениях, как: «Шофер поневоле» (СССР, 1958, реж. Н. Кошеверова), «Карнавальная ночь» (СССР, 1956, реж. Э. Рязанов), «Безумный день» (СССР, 1956, реж. А. Тютышкин), «Старый знакомый» (СССР, 1969, реж. И. Ильинский, А. Кальцатый), «Жених с того света» (СССР, 1958, реж. Л. Гайдай), «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен» (СССР, 1964, реж. Э. Климов), «Дайте жалобную книгу» (СССР, 1965, реж. Э. Рязанов), «Черт с портфелем» (СССР, 1966, реж. В. Герасимов) и мн. др.

***

Период правления Н. С. Хрущева, «оттепели», стал весьма показательным для определения дальнейших культурно-цивилизационных координат. В это время произошла своеобразная «тихая», пока еще без угрозы демонтажа, но, тем не менее, генеральная репетиция тех центробежных и сепаратистских тенденций, которые в полной мере проявили себя в годы перестройки 1985—1991 гг., приведшей к известным результатам — распаду СССР.

Институциональная эклектика, аморфность административно-политических схем, усилившаяся в середине 1950 — начале 1960-х гг., стала серьезным испытанием для всей страны, как для региональной номенклатуры, так и высшей партийно-государственной элиты, осуществившей в 1964 году

сдерживание «фатальных реформ» путем смещения лидера страны. При Н. С. Хрущеве концепция «реставрации» элементов ленинизма, которая, как верно отмечает А. В. Ведерников, «витала в воздухе» и не была оригинальной находкой первого секретаря ЦК КПСС [4, с. 161], тем не менее, нашла широкое воплощение в многочисленных трансформациях государственного аппарата и органов политического контроля. По утопическим, декларативно-популистским представлениям первого секретаря ЦК КПСС, должно было свершиться их возвращение в свое «изначальное» состояние, основанное на принципах внутривнутрипартийной демократии, централизма и общественной сопричастности. Институциональным олицетворением этих намерений и ожиданий можно считать возрождение системы «легкой кавалерии» ВЛКСМ в виде «комсомольского прожектора», создание других ведомств с теми же самыми наименованиями, как и в 1920-е гг. В то же время своеобразной «заслужкой» Н. С. Хрущева, опиравшегося на инициативу отечественных кинематографистов, стало создание в 1963 г. Государственного комитета СМ по кинематографии (Госкино), также имевшего своего ведомственного прототипа.

При этом встречный бюрократизм во время тщательного его искоренения, сосуществование «ленинских» и «сталинских» элементов партийно-государственного контроля, декларированное расширение «самостоятельности» номенклатуры, дискредитированное карательно-цензурными атаками, выявили серьезный, внутренний, *анатомический кризис* системы, воспроизводство которой приобретало инертно-экстенсивный характер. Это уменьшало отмеренное ей историческое время, утекавшее в ходе планомерной эрозии конвенциональных схем и инволюции административно-институциональных оснований.

Список литературы

1. Аксютин Ю. В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953—1964 гг. М.: РОССПЭН, 2010. 622 с.
2. Белов С. И. Политика памяти в России и за рубежом. Теория и практика. СПб.: Межрегиональная общественная организация социально-гуманитарных научных исследований «Историческое сознание», 2020. 522 с.
3. Буреева Е. В. Трансформация системы управления культурой ТАССР в 1950—1960-е гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 12 (86). Ч. 2. С. 47—49.
4. Ведерников А. В. Реорганизация партийных органов РСФСР по производственно-отраслевому принципу в 1962—1964 гг. // Вестник Московского государственного университета. Серия 21, Управление (государство и общество). 2014. № 3. С. 158—170.
5. Ведерников А. В. Формирование региональных управленческих структур СССР в 1953—1964 гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2014. № 4. С. 95—102.
6. Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М.: РОССПЭН, 1995. 399 с.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А. 420. — Комитет народного контроля (КНК) РСФСР. Оп. 1.
8. Гусев К. В. Краткий очерк истории органов партийно-государственного контроля в СССР. М.: Мысль, 1965. 104 с.
9. Добросоцкий Н. И., Слезин А. А. Деятельность «Комсомольского прожектора» как фактор развития советской промышленности в 1960-е годы // Научный диалог. 2019. № 11. С. 271—285.

10. *Зубкова Е. Ю.* Общество и реформы. 1945—1964. М.: Россия молодая, 1993. 198 с.
11. *Калинина О. Н.* Партийно-государственный контроль в номенклатурной системе (вторая половина 1940-х — начало 1960-х годов) // Исторический ежегодник. 2011: сб. научных трудов / Институт истории СО РАН. Новосибирск: Параллель, 2011. С. 60—70.
12. *Калинина О. Н.* Партийные и советские руководители Западной Сибири (1946—1964 гг.): опыт исторического анализа. Новосибирск: Параллель, 2013. 435 с.
13. *Кирюхин Д. В.* Репрезентация власти первых Тюдоров в рамках новой политической истории // Вестник Мининского университета. 2016. № 1—2 (14). С. 11.
14. *Козлов В. А.* Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев: 1953 — начало 1980-х гг. М.: РОССПЭН, 2010. 462 с.
15. *Лейбович О. Л.* Реформа и модернизация в 1953—1964 гг. Пермь: ЗУУНЦ, 1993. 181 с.
16. *Минеев А. И., Минеева Е. К.* Оценка административной реформы Н. С. Хрущева в национальном регионе России: к историографии вопроса // Вестник Екатеринбургского института. 2016. № 3. С. 43—49.
17. *Мохов В. П.* Эволюция региональной политической элиты России (1950—1990 гг.). Пермь: Пермский гос. технический ун-т, 1998. 255 с.
18. *Неизвестная Россия. XX век. Вып. 1.* М.: Историческое наследие, 1992. 360 с.
19. *Никитин А. В., Филиппов В. А., Морозова А. Д.* Реформа управления партией может осуществляться без должных изменений в правовой базе: опыт СССР в 1953—1963 гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 4. С. 49—56.
20. *Пыжиков А. В.* Управленческая реформа начала 1960-х годов // Вопросы экономики. 2003. № 9. С. 62—76.
21. *Морозов Л. Ф., Портнов В. П.* Социалистический контроль в СССР. Исторический очерк. М.: Политиздат, 1984. 240 с.
22. *Пихоя Р. Г.* Москва. Кремль. Власть. 1945—2005: в 3 т. Т. 1: 1945—1964. М.: Новый хронограф, 2009. 456 с.
23. *Региональная политика Н. С. Хрущева. ЦК КПСС и местные партийные комитеты. 1953—1964.* М.: Российская политическая энциклопедия, 2009. 774 с.
24. *Репина Л. П.* Память о событиях в измерениях пространства и времени // Известия Саратовского университета. Новая серия. История. Международные отношения. 2020. Т. 20. Вып. 1. С. 34—40.
25. *Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. — Политбюро ЦК КПСС. Оп. 55.*
26. *Степанов А. В.* Воспоминания Л. Б. Твелькмейер как источник по истории повседневной жизни семьи среднего класса в Петербурге начала XX века // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. Филология. История. Философия. 2021. Вып. 1. С. 68—76.
27. *Таубман У.* Хрущёв. М.: Молодая гвардия, 2008. 851 с.
28. *Хлевнюк О. В.* Роковая реформа Н. С. Хрущева: разделение партийного аппарата и его последствия // Российская история. 2012. № 4. С. 164—179.
29. *Чанышева Г. С., Казеева Е. П.* Народный контроль СССР. История органов социалистического контроля. М.: ГБЛ, 1977. 109 с.
30. *Юдин К. А.* От сталинской диктатуры к хрущёвской «модернизации» // Вопросы истории. 2016. № 12. С. 3—15.
31. *Юдин К. А.* Реорганизации партийно-государственного аппарата СССР и методы политического контроля над региональной номенклатурой во второй половине 1940 — начале 1950-х гг. // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Вып. 4. История. С. 63—74.
32. *Rigby T. H.* Khrushchev and the Resuscitation of the Central Committee. Political Elites in the USSR. Central leaders and Local Cadres from Lenin to Gorbachev. Aldershot: E. Elgar, Gower Pub. Co., 1990. 301 p.

УДК 1:316
ББК 60.024
DOI: 10.46726/H.2021.4.14

Г. С. Смирнов, Н. М. Ветчинин

ВСЕОБЩАЯ ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ГЛОБАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА: ЧЕЛОВЕК И ЕГО ЦИФРОВОЕСОЗНАНИЕ

Работа посвящена философскому анализу феномена всеобщей цифровизации, в том числе цифровизации человека и развития его цифрового сознания. Показана многоаспектность проблематизации процессов цифровизации в отечественной и зарубежной науке и философии. Представлен критический анализ понятия «цифровизация» и его избранных дефиниций, свидетельствующий о слабости научной рефлексии в отношении феномена цифрового сознания. Авторы рассматривают его в контексте формирования цифровой картины мира, цифровой личности, равно как цифровизации индивидуального и коллективного сознания. Показана амбивалентность влияния всеобщей цифровизации на человека и его сознание, предложен вариант теоретического осмысления процессов цифровизации с точки зрения принципа актуализации («онтогенез повторяет филогенез») и геологического процесса био-социотехно-цефализации, обозначены пути преодоления сползания информационного общества к «цифровому Чернобылю».

Ключевые слова: информация, сознание, общество, цифровизация, цифровая картина мира, цифровое сознание, цифровая личность, всеобщая цифровизация, глобальная цифровая проблема, «цифровой Чернобыль», цифровой филогенез, цифровой онтогенез.

G. S. Smirnov, N. M. Vetchinin

THE PHENOMENON OF UNIVERSAL DIGITALIZATION: HUMAN AND HIS DIGITAL CONSCIOUSNESS

The work is devoted to the philosophical analysis of the universal digitalization phenomenon, including digitalization of a person and evolution of his digital consciousness. The multidimensionality of problematization of digitalization processes in domestic and foreign science and philosophy is shown. A critical analysis of the “digitalization” concept and its selected definitions are presented, testifying the weakness of scientific reflection in relation to the phenomenon of digital consciousness. The authors consider it in the context of the formation of a digital picture of the world, a digital personality, as well as the digitalization of individual and collective consciousness. The ambivalence of the influence of general digitalization on a person and his consciousness is shown. A variant of the theoretical understanding of digitalization processes from the point of view of the principle of actualization (“ontogeny repeats phylogeny”) and the geological process of bio-socio-techno-cephalization is proposed. The ways of overcoming the slide of the information society to “digital Chernobyl” are outlined.

Key words: information, consciousness, society, digitalization, digital worldview, digital consciousness, digital personality, universal digitalization, global digital problem, “digital Chernobyl”. digital phylogenesis, digital ontogenesis.

© Смирнов Г. С., Ветчинин Н. М., 2021

Вместо введения: космизация, экологизация, технизация. Процессы цифровизации настолько быстро и широко охватывают жизнь человеческой цивилизации, что возникает возможность сравнить их с имевшими место в прошлом процессами космизации и экологизации. Цифровизация реально превращается в глобальную проблему современности, не только вытесняя из информационного поля возникшие ранее глобальные проблемы, но и постепенно вбирая их в себя, делая их зависимыми от себя. Все более убедительно звучит тезис о том, что вне контекста цифровизации человечество не сможет выйти на конструктивное решение глобальных проблем, ведущих к наступлению эпохи трансгуманизма: от предотвращения угрозы термоядерного уничтожения и ураганной экологической деградации планеты до оптимизации процессов хаотической космизации и информатизации, поиска путей гармонизации взаимодействия техносферы и социантропосферы, коэволюции естественного разума и искусственного интеллекта. Цифровизация как глобальный процесс в такой же мере амбивалентна, как и вступившая в свои права два века назад технизация. Она отвечает всем признакам глобальной проблемы современности, ибо её решение зависит не только от коллективной деятельности всех стран мира, но фактически от каждого человека в отдельности, она детерминирует выживание человечества и сохранение планеты Земля.

Понятие «цифровизация» не имеет общепринятой дефиниции. Обозначившие себя к настоящему моменту подходы ограничиваются, как правило, сферой интересов автора и оказываются либо слишком узкими и частными, либо, напротив, слишком широкими и общими (см.: [5]). Чаще всего цифровизацию предлагают рассматривать как «новую эпоху, основанную на больших данных (“bigdata”) и соответствующих технологиях» (см.: [5, с. 6]), в рамках которой при помощи искусственного интеллекта и методов машинного обучения (“machine learning”) генерируются новые инструменты с целью повышения производительности и структурирования имеющихся массивов данных [17].

Цифровизация: отечественный философский тезаурус. Отечественная философская рефлексия в этом контексте весьма разнообразна. Так, Г. Л. Тульчинский предлагает понимать под цифровизацией «разработки и применение технологий, использующих идеи дискретности, вычислимости, программируемости, алгоритмичности» [23, с. 36]. По его мнению, цифровизация пронизывает современную цивилизацию во всех проявлениях: в компьютерах и коммуникации, образовании и биотехнологиях, нанотехнологии и астрофизике, экспертных системах и интернете вещей (IoT), беспилотных автомобилях и “умных городах» [23, с. 37], задавая общую технологическую и концептуальную платформу, которая основывается на цифровом коде (алгоритме). Э. М. Молчан, помещая цифровизацию в антропологический дискурс, характеризует ее как «уход человеческой личности в виртуальную реальность, в результате чего возникает опасность, связанная с дегуманизацией личности, зависимостью от гаджетов и компьютерных систем как болезнью человечества цифровой эпохи» [14, с. 61—62]. С его точки зрения, цифровизация формирует определенную тенденцию к возникновению мирового виртуального пространства со своей особой культурой, влияющей на формирование духовно-нравственных ценностей общества. Б. В. Мартынов в когнитивном плане под цифровизацией понимает «способность человека соотноситься с окружающим миром посредством цифровых технологий,

способность постигать мир в категориях цифрового общества, с их помощью формировать жизненные цели и находить способы их реализации» [12, с. 82]. Т. В. Фомичева рассматривает цифровизацию в инструментальном смысле, видя в ней «преобразование информации в цифровую форму, которое в дальнейшем приводит к оптимизации издержек, появлению новых перспектив развития» [24, с. 6].

Даже такой беглый взгляд на российские исследовательские позиции в отношении цифровизации позволяет, с одной стороны, признать ее ведущим мировым социокультурным трендом, а с другой — зафиксировать ее комплексный, или всеобщий, характер. «Повсеместный характер цифровизации объясняет не только существенные модификации материально-производственной сферы, обусловленные переходом к цифровой экономике, но и значительные трансформации в сфере когнитивных процессов, к которым обычно относят память, внимание, восприятие, понимание, мышление, процессы принятия решений» [8, с. 108].

Категоризация: от простого к сложному. Информационная революция стимулирует качественный скачок в коммуникативной связности человеческих систем, укрепляя и укрупняя социально-культурные ландшафты, и одновременно продуцируя совершенствование сложной идентичности в условиях современной социоприродной (ноосферной) самоорганизации [2]. Сетевая информационно-цифровая революция [4] вызвала к жизни новые формы коммуникации и организации общества, так или иначе атрибутируемые через термин «цифровизация». Его лингвистический анализ отсылает к двум однокоренным словам английского языка — диджитизация (digitization) и диджитализация (digitalization). Первое в основном обозначает изменение формы объекта, то есть перевод объектов окружающей действительности в цифровой эквивалент. (Например, в экономике «диджитизация» описывается метафорой «лучшая эргономичность» — лёгкий, быстрый доступ, распространённость ресурсов и услуг.) Второе определение связано со стратегией развития государств и других систем [5] — принятие или усиление использования цифровых или компьютерных технологий организацией, отраслью, страной и т. д. Немецкий sprachraum оперирует двумя подходами к пониманию цифровизации: технический (перевод аналоговой информации в цифровую, как синоним оцифровке) и операционный (перенос на компьютер задач, которые ранее выполнял человек) [5, с. 5]. Российский «аналог» оказывается более абстрактным, предполагая проникновение цифровых технологий в повседневную жизнь человека.

Разворачивание информационно-цифровая революция «во внутрь» привело к тому, что представления о цифровизации постепенно приобрели расширенное толкование. В связи с этим возникла необходимость осмысления феномена «всеобщей цифровизации». Последняя изучается в различных дискурсах на предмет того, как те или иные ее проявления воздействуют на человека и общество, общество и государство, на политику и экономику, образование и воспитание и т. п. [11; 16]. На наш взгляд, масштабная проблематизация все же имеет свое «ядро» — речь идет о «цифровом человеке» и его сознании. Особую значимость такой постановке вопроса придают не только признание растущей роли модели «mind determination», но и так называемый «ноосферный поворот», связанный с постепенно усиливающимся доминированием духовного производства над материальным [18]. Именно ноосферное изменение человеческого качества [13] становится определяющим показателем

и результатом всеобщей цифровизации в рамках ее человекообразности и духовно-интеллектуальной эффективности.

Наше внимание сосредоточено именно на онто-когнитивном измерении всеобщей цифровизации, рассматриваемом в исследовательском пространстве философии сознания и философии ноосферы [19].

В качестве рабочего определения мы предлагаем следующую формулировку. *Всеобщая цифровизация (или цифровизация с большой буквы) есть процесс расширения границ информационно-интеллектуальной деятельности человека, сопровождающийся интенсивным переходом на цифровой способ связи, записи и передачи данных, выражающийся в различных формах взаимодействия естественного разума и искусственного интеллекта в ноосферной сверхсистеме.* Это определение, одновременно, выражает и методологический подход, направленный на создание цифровой картины окружающего мира и цифровой цивилизации.

Указанный контекст позволяет отразить человекомерность цифровизации через категорию «цифровое сознание». Цифровизация «внешнего» мира закономерно влечет за собой изменения мира внутреннего (сознания), которые определяются, в первую очередь, навыками осуществления познавательной и поведенческой деятельности в сети. Это стимулирует не только когнитивное развитие в рамках традиционной деятельности (реализация принципа возвратных воздействий) [6], но и личностный рост (генерализация преобразований) [18]. Амбивалентность цифровизации сознания проявляется в дегуманизации, анонимизации, обезличивании общества, экспроприации и деэкологизации частной жизни человека, отражающихся на физиологии и психике [22].

Собственно в когнитивном плане цифровизация влечет за собой, наряду со свободным доступом к разнообразной информации [10], снижение познавательных способностей [15], во многом определяющееся децентрацией внимания и, в целом, трансформацией системного / комплексного мышления в клиповое мышление [3]. Масштабность и темпоральные характеристики информации задают изменения в мышлении и сознании. В этом контексте и имеет смысл говорить о *цифровом сознании / мышлении как об определенном срезе индивидуального сознания / мышления, характеризующемся особым — формализованным — типом отношений между структурами сознания / элементами мысли.* Эти системообразующие отношения формируются автоматически, будучи «скопированы» с деривативных систем «слабого» искусственного интеллекта. Индивид, хочет он того или нет, переносит способы организации знания из электронной среды (с электронного носителя) в сознание реальность посредством ограниченного набора операциональных действий, которые задаются используемыми гаджетами.

Цифровое сознание: опыт диагностики. Феномен цифровизации индивидуального сознания пока остается вне зоны пристального внимания со стороны научного сообщества. Цифровизация сознания чаще всего трактуется как результат / процесс транзитивности сознания в быстро развивающемся информационном обществе, пронизывающий все стороны жизни человека и общества, меняющий не только традиционные модели индивидуального и коллективного мышления, но и структурно-содержательные аспекты человеческого сознания.

Цифровое сознание ни сейчас, ни в ближайшем будущем не может претендовать на то, что станет полноценным, целостным. Причиной тому —

когнитивно-операциональные ограничения, возникающие в результате взаимодействия с «искусственным сознанием» [см., напр. 20]. Такого рода интеллектуальная деятельность порождает внутренний конфликт «личностных смыслов и ценностей, порожденных и трансформированных под влиянием использования новых информационных технологий» [10, с. 157]. Отсюда, на наш взгляд, и возникают «этологические антиномии» поколения центениалов, антропологической характеристикой которых вполне может считаться цифровой человек [13, с. 71]. Становление этого нового типа связывается с преодолением моделей «традиционного» индивидуального сознания, насыщением его новыми цифровыми структурами. Так, постепенно качественно меняется не только жизнь конкретного индивида / личности, но и человеческая жизнь как космопланетарный феномен [13, с. 73].

В целом процесс цифровизации индивидуального сознания приводит к следующим изменениям: 1) расширение / масштабирование сферы сознания; 2) переход от однополярного к многополярному сознанию [8]; 3) увеличение степени цифровой «виртуальности» сознания [7; 17]; 4) алгоритмизация (и до известной степени компьютерная унификация) мыслительных процессов [15]; 5) интернет-отчуждение знаниевого компонента от сознания. Кратко остановимся на каждой из названных трансформаций.

Цифровизация значительно расширяет семиосферу, в которой обитает современный человек за счет продолжения реальной реальности в виртуальную (цифровую) реальность. Пространство незнания экспоненциально возрастает, равно как сокращается время жизни релевантного знания. Формально сознание постепенно приобретает гетерархическую (сетевую) структуру, де(экс)центрируется. С одной стороны, это придает ему устойчивость в рискогенных условиях, с другой, — увеличивает вероятность шизоидности. Совокупное знание обретает другой носитель — сеть. В связи с этим кардинально меняется скорость мыслительных процессов, эффективность и эвристичность анализа, понижается способность креативного решения конкретных задач и в целом миропостроения. Сознание, обретая качество цифровой виртуальности, оперирует понятиями и категориями «третьей природы» — сигналами сигналов, образами образов, символами символов, которые в пределе могут оказаться симулякрами, пустыми означающими. Так, сознание неминуемо приходит к потере «предмета отражения». Отсюда, и порожденные подобным сознанием имитационные поведенческие практики: создание контента коллективного сознания осуществляется по принципу копирования (в крайних случаях плагиата), исключая даже элементы новизны. Алгоритмы сетевого познания, поведения и коммуникации оформляются в мыслительные автоматизмы, детерминирующие реальные социокультурные практики.

Цифровизация личности и ее сознания может быть представлена в дополнительности двух (казалось бы, взаимоисключающих) тенденций: увеличение возможностей и уменьшение свободы. Планетарная цефализация [20] обеспечила «платформенным решением» рост сознания, что во много раз увеличило мощь (быстрый доступ к данным, скорость и качество обработки информации, больших и «очень больших» данных) и спектр компетенций (которые отражены, например, в новом атласе профессий) индивидуального и коллективного сознания. Вместе с тем, свобода социокультурных практик постепенно унифицируется, повинувшись проверенным искусственным интеллектом алгоритмам, которые (в этом, собственно, и заключается основная

цель) могут быть цифровизованы, превращены в цифровой след. Контрадикторность рассмотренных тенденций выливается в конфликты на макро- и микроуровнях (институциональном и межличностном) [1], причиной которых оказываются практики цифровизации повседневной жизни — в первую очередь, внедрение и применение цифровых технологий в образовании.

Всеобщая цифровизация: деонтологические замечания. Цифровизация в онто- и социо-генезе должна подчиняться определенным закономерностям, которые (в силу временной краткости феномена и быстроты процесса) пока остаются незаметными или неосмысленными. Именно по этой причине философские и социально гуманитарные императивы выступают ингибиторами (замедлителями) процессов, которые могут быть не просто вредными, но и даже губительными. Ноосферная безопасность личности и её сознания [19] как установка на императивное сохранение приоритета естественного разума перед искусственным интеллектом формирует требование повышения эффективности развития естественного разума человечества — как в его личностном и персоналистическом выражении, так и в контексте интенсивного развития коллективного разума стремящегося к всеединству человечества на основе всечеловеческой парадигмы космопланетарного бытия.

Это означает, что как глобальная проблема для всего человечества возникает необходимость выработки стратегии ухода от современного глобального цифрового хаоса и поиска форм ноосферной синергии — создания институциональных возможностей для планетарной человеческой революции прежде всего в перманентной революции в сознании человека и человечества.

Логика цифровизации сознания предстает как последняя по времени часть общего геологического и глобального процесса цефализации человека и человечества [21], а это обозначает, что в онтогенезе человек должен пройти последовательно все этапы филогенеза (естественно в сжатых временных формах). Цифровизация (цифровая цефализация) в этом случае лишь один из последних этапов цефализации ноосферы [26], и, прежде чем подойти к нему, эволюция сознания предполагает прохождение всех предшествующих форм биологической (биосферной), социальной (социосферной), технической (техносферной), культурной (культуросферной) цефализации. Так неизбежно возникают сложные когнитивные, образовательные, психологические и педагогические проблемы поиска гармоничного синергического развития как сознания отдельного человека, так и всего человечества в целом (и последнее — не менее трудная задача, чем первое).

Применительно к современному состоянию всеобщей цифровизации человеческой цивилизации можно сформулировать одно очень важное предостережение или предупреждение (которое может быть выражено в форме своеобразного императива, вытекающего из эмпирического обобщения состояния современной фрустрированной цифровизированной реальности): *чем «младше» сознание, тем менее оно должно быть цифровизировано; большая доза цифровизации допустима лишь для «возрастного» сознания.* Культурная и гуманистическая цифровизация должна уйти от ужасов существующей цифрогоргонизации, когда интернет больше похож на голову Горгоны, чем на организованность высоко развитого мозга современного homo sapiens sapiens.

Переводя в теоретическую плоскость это тайм-локусное эмпирическое обобщение, заметим, что в контексте универсального эволюционизма синергичность процессов всеобщей цифровизации (как филогенеза духовно-информационно-интеллектуального развития человечества) должна быть

учтена в образовательных проекциях на соответствующие ступени онтогенеза, которые могут быть и не прямопропорциональны темпам социогенеза и ноосферогенеза. Иными словами, задача современных ученых заключается в том, чтобы не превратить всеобщую цифровизацию в «цифровой Чернобыль», когда разрушение человеческого сознания на долгие годы станет «трудной проблемой» экологии человека и экологии разума, а не только философии сознания.

Список литературы

1. Артамонова М. В., Радченко С. В. Цифровизация высшего образования как новая социальная реальность // Социология и жизнь / Среднерусский вестник общественных наук. 2020. Т. 15, № 6. С. 30—44.
2. Буданов В. Г., Аршинов В. И. Сетевые информационные революции и большой антропологический переход: эволюционный аспект // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2020. № 4. С. 40—51.
3. Гиренок Ф. И. Подступы к философии человека // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2018. № 2. С. 52—61.
4. Глазьев С. Ю. Информационно-цифровая революция // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2018. № 1 (23). С. 70—83.
5. Данилова Л. Н., Ледовская Т. В., Сольнин Н. Э., Ходырев А. М. Основные подходы к пониманию цифровизации и цифровых ценностей // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020. Т. 26, № 2. С. 5—12.
6. Иойлева Г. В. Сознание в сфере информатизации общества // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 4. С. 36—41.
7. Катречко С. Л. Интернет и сознание: к концепции виртуального человека. Трансформация сознания в эпоху Интернета // Влияние Интернета на сознание и структуру знания / под. ред. В. М. Розина. М.: ИФ РАН, 2004. С. 57—70.
8. Клаус Г. Кибернетика и философия / пер. с нем. И. С. Добронравова. М.: Изд-во иностр. лит., 1963. 531 с.
9. Коровникова Н. А. Ментальная безопасность в эпоху цифровизации // Социальные новации и социальные науки. 2020. № 1. С. 107—118.
10. Краснянская Т. М., Тылец В. Г. Принцип безопасности в психологических исследованиях проблем цифровизации // Знание. Понимание. Умение. 2020. № 2. С. 152—156.
11. Кузнецов Н. В. Всеобщая цифровизация и социальные риски // Общество: политика, экономика, право. 2020. № 10 (87). С. 42—47.
12. Мартынов Б. В. Формирование и капитализация цифрового сознания: экосистемный подход // Интеллектуальные ресурсы — региональному развитию. 2019. № 2. С. 81—84.
13. Меликян М. А. Ноосферность и информационность человека: философско-антропологическое осмысление нового человеческого качества // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Вып. 2 (18). Философия. С. 68—78.
14. Молчан Э. М. Влияние цифровизации на формирование духовно-нравственных ценностей субъектов взаимодействия в эпоху глобализации // Вестник Московского государственного областного университета. Философские науки. 2019. № 2. С. 55—66.
15. Минева С. С. Дистанционное университетское образование: между академической традицией и цифровой деменцией // Ноосферные исследования. 2021. Вып. 1. С. 99—105.

16. Романов В. Г. Всеобщая цифровизация образования: новая степень свободы для избранных и суррогат для прочих // Вестник Забайкальского государственного университета. 2021. Т. 27, № 6. С. 124—128.
17. Саханевич Д. Ю. Исследование подходов и методов применения искусственного интеллекта и машинного обучения в социально-экономических процессах // Вестник ОмГУ. Серия: Экономика. 2020. № 2. С. 65—77.
18. Смирнов Г. С. Мировая интеллигенция и ноосфера: пространство философского дискурса // Интеллигенция и мир. 2001. № 1. С. 86—91.
19. Смирнов Г. С. Философия как образ глобального сознания // Ноосферные исследования. 2015. № 1-2 (9-10). С. 39—54.
20. Смирнов Г. С., Никифоров А. С. Планетарная цефализация: органический и электронный глобальный разум (пути языкового сближения) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 1. С. 84—92.
21. Смирнов Г. С., Смирнов Д. Г. Цефализация и цифровизация: философско-методологические аспекты цифровой ноосферизации // От экологического образования к экологии будущего: сборник материалов и докладов VI Всероссийской научно-практической конференции по экологическому образованию / под общ. ред. В. А. Грачева. Москва, 30 октября — 1 ноября 2019 г. М.: Фонд имени В. И. Вернадского, 2020. С. 1954—1962.
22. Солдатова Г. У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9, № 3. С. 71—80.
23. Тульчинский Г. Л. Цифровизованный гуманизм // Философские науки. 2018. № 11. С. 28—43.
24. Фомичёва Т. В., Катаева В. И. Ценности россиян в контексте цифровизации российской экономики // Уровень жизни населения регионов России. 2019. № 2. С. 80—84.
25. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2018. 285 с.
26. Smirnov G., Smirnov D. Cephalization of the noosphere: socio-philosophical aspects // Philosophy and Cosmology. 2019. Т. 22. С. 137—143.

УДК 1:316
ББК 60.023
DOI: 10.46726/Н.2021.4.15

Д. Г. Смирнов

ЭТИКА НООСФЕРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Статья посвящена аксиологическим аспектам ноосферной безопасности как новой парадигмы этологии человека. Обосновано, что новый технологический уклад спровоцировал формирования клипового мышления и дискретной картины мира. Зафиксирована парадигмальная транзитивность, приведшая к институционализации феномена ноосферной безопасности вслед за техносферной безопасностью. Предложена логика императивистской динамики в отношении цивилизационных этологических принципов. Представлен сравнительный анализ табуирования, заповедования, золотого правила этики, категорического императива. Через призму глобальной этики проанализированы основное моральное отношение, экологический императив и живое право. Рассмотрены базовые ноэтические концепции. Раскрыта этическая природа ноосферного императива. Сделан вывод о ноосферной безопасности как категорическом космопланетарном императиве.

Ключевые слова: ноосфера, ноосферная безопасность, глобальная этика, биосферная этика, категорический императив, основное моральное отношение, ноэтические принципы, ноосферный императив.

D. G. Smirnov

ETHICS OF NOOSPHERIC SECURITY: STATEMENT OF THE PROBLEM

The article is devoted to the axiological aspects of the noospheric security as a new paradigm of human ethology. It is substantiated that the new technological order has provoked the formation of clip thinking and a discrete picture of the world. The paradigmatic transitivity is fixed, which has led to the institutionalization of the phenomenon of the noospheric security following technospheric security. The logic of imperative dynamics in relation to civilizational ethological principles is proposed. A comparative analysis of taboo, commandment, the golden rule of ethics and the categorical imperative are presented. The basic moral attitude, ecological imperative and living law are analyzed through the prism of global ethics. Basic noetic concepts are considered. The ethical nature of the noospheric imperative is revealed. A conclusion is made about the noospheric safety as a categorical cosmoplanetary imperative.

Key words: noosphere, noospheric security, global ethics, biosphere ethics, categorical imperative, basic moral attitude, noetic principles, noospheric imperative.

Проблема «гибридной безопасности» закономерно оказалась в числе критически важных направлений развития науки не только в России, но и в мире в целом в силу вступления цивилизации в эпоху глобальных катастроф [29]. Об этом свидетельствует не только повышенный интерес в проблеме в научном сообществе, но и увеличение срезов или измерений безопасности:

© Смирнов Д. Г., 2021

она рассматривается в планетарном, глобальном, национальном, локальном масштабах; в военном (международном), экономическом, информационном и иных дискурсах.

Предмет исследовательского внимания — феномен ноосферной безопасности [34], понимаемой как системная характеристика социо-природной и социо-культурной сверхсистемы (ноосферы). В центре внимания настоящей статьи — аксиология ноосферной безопасности. Актуальность подобной постановки проблемы «здесь и сейчас» обусловлена запаздывающим характером научно-философской рефлексии на революционные изменения человека, общества, ноосферы как «сферы разума и труда цивилизованного человечества», которые связаны не столько с трансформацией техносреды, сколько с динамикой человеческого качества [33; 26]. Новый технико-технологический уклад, укореняющий тренды макдональдизации, информатизации и цифровизации, усиливает прагматический (технократический) крен в социокультурном развитии, который, в свою очередь, воспроизводится на человеческом субстрате.

В категориальном плане ноосферную безопасность целесообразно определять, с одной стороны, как потребное качество планетарной динамики, а с другой, как сферу hi-hum знания, предметом которой становятся риски и угрозы, вызванные спецификой современного техногенного мышления [8] и дискретным восприятием действительности. Заметим здесь, что ноосоология [35, с. 1274], имеющая похожее предметное поле, «уступает» тезаурусу ноосферной безопасности в системности, ибо ориентирована более на структурный дискурс, нежели на концептуальный. Сверхзадачей ноосферной безопасности является не столько фиксация релевантных рисков и угроз, сколько выяснение их первопричины (системообразующего свойства). Аксиологический срез ноосферной безопасности касается, в первую очередь, этологии человека (человечества), принципов и императивов, которым подчиняется (должно подчиняться) его «глокальное действие».

Парадигмальная транзитивность. Возникновение представлений о ноосферной безопасности следует признать закономерным итогом экологизации и ноосферизации сознания, онтологизировавшихся в конечном счете в цефализацию ноосферы [30], в котором определяющую роль начинает играть информационно-семиотическая составляющая. Ноосферная картина мира [28; 18], детально проработанная структурно и концептуально, дала возможность в соответствующем ключе осмыслить «громадную историю», которая в конечном итоге предстала как ноосферная история [32]. Последняя, в свою очередь, будучи рассмотрена через призму субъективного фактора (человеческого качества) планетарной динамики, привела к формированию ноосферного секьюритологического дискурса.

Очевидно, в том же духе мыслил и Вяч. Вс. Иванов, когда фиксировал «принцип семиотической безопасности». Логика истории вела его от антропного (космологического) принципа к принципу цефализации (историческому), и от последнего к семиотическому (антропологическому) принципу, согласно которому «в истории культуры отбираются те именно системы и тексты, которыми развитие человечества направляется в сторону ноосферы» [15, с. 24, см. также 13]. Это хороший пример «аксиоматической» (теоретической) транзитивности, характерный для «логики чистого разума».

«Прикладной» тезаурус изменялся несколько в ином ключе — не от дальнего к ближнему (как от космологического принципа к семиотическому), а от ближнего к дальнему. Ближним (хронологически первым), наиболее

видимым, измерением планетарной безопасности выступила техносферная безопасность (см. напр. [5]). Опасности, заключенные в недрах техносферы, показали очевидными для «близорукого» в семиотическом смысле человечества, и стали «врагом номер один». Дальнее измерение, конституируемое атрибутами и модусами родового человека, изредка привлекая внимание наиболее пытливых и прозорливых философских умов, долгое время оставалось в тени. «Идолы» разума и этоса человека так или иначе становились предметом философской рефлексии: достаточно вспомнить идолов Ф. Бэкона или антиномии и императивы И. Канта. Однако, раз став предметом осмысления, они были задвинуты прагматикой профанного бытия в кладовые «дворца разума». Ноосферный поворот, свидетелями которого мы стали, был спровоцирован изменением в соотношении материального и духовного производства, случившемся в XX веке, наглядно продемонстрировавшим как на практике сознание определяет бытие, как нус конструирует технэ [37].

Цивилизационный императивизм: смена парадигм. Проблема ноосферной безопасности с самого начала была проблемой антропологической. Традиция табуирования как запрета на осуществление деструктивных практик, равно как и традиция «заветования» (договаривания, советования) как поощрения приемлемых практик стали отправной точкой секьюритизации социальной жизни человечества. Постепенно они «перетекают» в следующую форму «социокультурного оберегания» — принципов и императивов.

Здесь важно подчеркнуть, что этологический дискурс предполагает обращение не только к поведенческим формам субъектной рефлексии, но и, что быть может даже более значимо, к формам неартикулированного (мысленного) деяния. С точки зрения системного подхода, традиция табуирования имеет ярко выраженный субстратный посыл, она фиксирует субъект-объектные связи между индивидом и другим индивидом (или предметом, «вещью»), в отношении которого запрещено производить определённые действия. Традиция «заветования» отличается ориентацией на возникающее в результате договора (конвенции) системообразующее субъект-субъектное отношение, усиливающейся при переходе к этологической модели принципов и императивов. Такие принципы как например, «относись к Другому так, как Ты хочешь, чтобы Он относился к Тебе», выросшие из заветных форм, наподобие «возлюби Ближнего своего как самого Себя», сохраняют выраженный регулятивный характер. В философской перспективе они во многом соотносятся с гипотетическим императивом Канта, ибо в них превалирует «имплицитивная этология». Подобная логика в принципе не предполагает трансформацию в императивный формат, ибо отправной точкой для разворачивания коммуникативной ситуации оказывается отношение к «себе», которое может иметь целый спектр модусов.

Для Канта в методологическом плане приемлема «эквивалентная этология», которая отождествляет «основание» и «следствие» — индивидуальную максимуму (моральный закон во мне) и всеобщее законодательство. Категорический императив есть формула безусловного отношения к человеку как цели и никогда как к средству. Подчеркнем здесь конъюнктивность формулировки (которая может показаться избыточной), утверждающей истинность всех компонентов логической связки: субъект (индивид) ни при каких условиях средством быть не должен. Камнем преткновения оказался в данном случае внутренний макиавеллизм, решающий проблему соотношения средств и цели противоположным способом, который победил в битве за человека в XX веке.

Моральный закон: посткантианский дискурс. Аксиологическая линия, заданная Кантом, в XXI веке получает свое оригинальное развитие через призму так называемой глобальной этики [1; 11; 17]. Методологический ориентир, господствующий в современной аксиологии удачно и емко, на наш взгляд, зафиксировал Ф. Даллмар: «Жизнеспособная глобальная этика должна быть тесно связана (или дополнена) глобальной политической практикой» [12, с. 14]. Иными словами, глобальная этика выступает значимым фактором устойчивости развития [36].

Прагматический конструкт *очеловечивания человека* действительно востребован современным потребительским обществом, где валидность (актуальность) человека определяется только включенностью его в систему производственных отношений и его успешностью в материальном производстве [2]. Семиотический конструкт *совершенствования человека* выстраивается иначе: значимость человека задается тем, «чем более он полезен для широкого круга интересов общественных, государственных и всего человечества» [22, с. 228], и способен «видеть хоть немного вперед, хоть не везде, а в некоторых частностях» [22, с. 247], что отражает его включенность в систему духовного производства. Эта трактовка имеет одно несомненное достоинство — она демонстрирует связь этического и сознаниевого, что собственно составляет пространство этики ноосферной безопасности.

Таким образом, прагматическая постановка проблемы, учитывая ее «потребительскую» ценность, характерна для социологического и политологического дискурсов, которые (вольно или невольно) руководствуются исследовательской установкой на доминанту *сущего* в анализе. Собственно в философском (морально-этическом) смысле глобальную этику более корректно рассматривать как учение о (всеобщем) *должном*.

Основное моральное отношение. Деонтологическая постановка проблемы имеет под собой серьезные философские основания. Отказ от признания общего в морали (в угоду концепциям, признающим ее партикулярность, а, значит, и ее исходную прагматичность) неизбежно ведет к лишению смысла самого термина «мораль», «ибо, когда мы его произносим, мы имеем в виду не какую-то конкретную систему морали, а то, что сходно в ней со всеми другими моральными системами, то общее, что их объединяет» [9, с. 14]. Включение этического компонента в представления о ноосферной безопасности осуществляется в данном случае через основное моральное отношение, которое задает императивность субъект-субъектных связей в системе «Природа — Человек — Общество».

Основное моральное отношение предполагает теоретико-методологическое разрешение «исходного» противоречия, которое может быть раскрыто через диалектику личного и общественного, цели и средства. Это противоречие снимается формулой «отношения личности к благу общества и к личному благу как к первичной и конечной целям и к их единству как к высшей цели» [9, с. 26—27] или, в другом варианте, «отношения личности к общему благу как к исходной и ведущей цели, к личному благу (своему и чужому) — как к самоцели (то есть не только как к средству) и конечной цели, и к их единству — как к высшей цели (и ценности)» [10, с. 21]. Для иллюстрации Г. Н. Гумницкий использует метафору коромысла, которая в нашем тезаурусе вполне может быть трансформирована в образ канатоходца, идущего над пропастью по тросу без страховки и балансирующего только за счет шеста. Личное и общественное, располагаясь на концах «балансира»,

должны уравнивать друг друга для обеспечения безопасности (устойчивости) двигающегося субъекта, предотвращая его падение. Содержательно основной моральный закон является результатом конвергенции закона коллективности (коллективизма), закона гуманности (гуманизма), закона справедливости [9, с. 31]. С нашей точки зрения, именно основные моральные отношения (основной моральный закон) лежат в основе фундаментальных императивов, определяющих содержание глобальной этики эпохи тотальной неустойчивости [21].

Экологический императив и ноосферное право. Термин «закон», используемый выше как сильный аналог понятию «отношение» отсылает не только ко «внутреннему закону во мне» Канта, но и указывает на выход собственно этической проблематики в проблематику правовую. Проблема здесь заключается в том, что современное право (не только национальное, но и международное) экстраполирует системы правового регулирования техносферы на гораздо более сложные и не поддающиеся прямому (командно-административному) регулированию сферы ноосферного бытия, и тем самым в значительной мере выхолащивают их, создают условия для редукции и деградации [7, с. 247—248]. В этом смысле можно вести речь и о функциональной безопасности ноосферного права как разновидности живого права — системно организованного Всеобщего права, концептом которого является правопорядок, при котором сохраняется опыт коллективного разума, структурой — реальные инвайронментальные общественные отношения, стремящиеся к автотрофности, субстратом — ноосферный человек, создающий новые релевантные формы (см.: [6, с. 191]).

На самом деле основания ноосферного права лежат не столько в юридической, сколько в экологической плоскости, ибо последнее ориентируется на экологический дискурс, который представляет будущее как императив самой природы [25, с. 363]. Экологический императив следует понимать формально как «совокупность условий, нарушение которых будет иметь для человечества катастрофические последствия» [24, с. 247] и, одновременно, содержательно как «сохранение биосферы планеты ... в виде, пригодном для жизни человека, благоприятном для его хозяйствования» [16, с. 333]. Вместе с тем «биосферная этика», к которой можно отнести экологический императив и аксиологию экологического движения в целом, сводится преимущественно к «оставлению природе резервов» [25, с. 363], то есть к сохранению биосферы (в ее современном естественнонаучном понимании). В. И. Вернадский считал ноосферу топосом, где приоритеты и телеологию развития выстраивает научная мысль (знание, информация), а не резервно-энергетические структуры. Именно в этом — ноосферном — ключе должна, с нашей точки зрения ставится проблема разворачивания современной глобальной этики.

Ноэтический императивизм. Проблему ноэтических императивов одним из первых поставил Л. В. Лесков. Он рассмотрел ситуацию имплицитной кризисности самоорганизующейся системы «Природа — Человек — Общество» через призму критериев, определяющих условия устойчивости нооиндустриальной цивилизации, а также требования к процессам эволюционного перехода к этой модели [19, с. 234]. Эти критерии представляют собой систему таких императивов, как императив когерентности, экологический императив, интерактивный императив, космический императив, императив толерантности, императив духовности, антропный императив, императив глобального мышления, императив соборности и антиутопический императив

(см.: [19, с. 235]). В этой концепции ноэтические критерии рассматриваются как инструмент, ориентированный на запрет тупиковых эволюционных паттернов и соответственно определения разрешенного коридора действий, обеспечивающих минимальный риск выхода на эволюционные сценарии, далекие от оптимума» [19, с. 238—239].

Интересна в этом ключе императивистская трактовка, предложенная М. А. Меликян, в которой через призму ноосферности рассмотрен двойной этологический круг, в центре которого находится человек. Дальний ... круг задается системой императивов — гуманистическим, экзистенциальным, нравственным; экологическим, семиотическим; ноосферным. Ближний круг задается моральным, правовым, экономическим категорическими регуляторами [20, с. 121—122]. Предложенная интерпретация звучит в унисон с исходной антропологической установкой ноосферной безопасности. Кроме этого она позволяет рассмотреть в качестве концепта цивилизационной динамики категорический принцип «благо ноосферы (единого космопланетарного тела человеческой цивилизации) — высшая цель, благо человека — конечная цель» [14, с. 45] или, в другой формулировке, «благо ноосферы — высшая цель, благо человека — конечная цель, а их единство — абсолютная цель» [31, с. 321].

Ноосферный императив задает этологические координаты человеческой деятельности, оптимум соотношения материального и духовного производства. В определенном смысле он предстает как категорический прежде всего в силу того, что не имеет условного характера. Конъюнктивный смысл, заложенный в формулировке, подразумевает сильный синтез и взаимозависимость субъекта и его ойкумены (вместе естественной и искусственной среды). Если категорический императив как детище ньютоновской картины мира исходил из предзаданности индивидуальных поведенческих моделей в пространстве между категорическим и гипотетическим (на чем, наверное, и базировалась уверенность Канта в моральном законе), то ноосферный императив как следствие вернадскианской картины мира имеет принципиальный синергетический посыл. Так, конечная цель и высшая цели, будучи разведены в формулировке, могут быть одним и тем же социокультурным, хотя и странным, аттрактором. (Взаимо)соединенность человека и ноосферы здесь имеет не формальный (человек как часть ноосферы), а сущностный характер — человек есть субъективный фактор ноосферы [3], он сам есть свидетельство ноосферы.

Ноосфера в данном случае трактуется как качественно понимаемая «вещь» — система, в которой концептуальное место отводится информационно-семиотическому «току атомов». Человек как субъективный фактор переводит информацию из ноосферы в энергию своей этологии — орудийного и мыслительного поведения. Ноосферность безопасности в нашей системе референций ориентирует на самоподчинение индивида (человека) сознанию, а не бытию [32, 2012], что на практике находит выражение в так называемой ноосферной аскезе [4]. Последняя связана с обеспечением «безопасности разума», с защитой от «безумия разума» [28, с. 83], что, в свою очередь, задается сознаниевыми и мыслительными моделями. Академик А. В. Смирнов, сравнивая две цивилизационные парадигмы мышления (сознания) и бытия — общечеловеческую и всечеловеческую [27], делает выбор в пользу безопасности последней. Общечеловеческая ориентация провоцирует дрейф в сторону унифицированных антропологических (и в первую очередь этологических) практик, чему во многом способствует одномерность техносреды. Всечеловеческость

как регулятив ноосферной безопасности ориентирована на родовые когнитивные практики, обуславливающие социокультурное разнообразие как определяющий фактор антропологической устойчивости.

Заключение. В основании ноосферной безопасности (понимаемой в широком смысле слова) заложен регулятивный и императивный опыт коллективного разума, выкристаллизовавшийся в различных формах — табуирования, заветования, советования, императивов. Ноосферная безопасность, институционализирующая глубинный регулятив всечеловеческой истории, сама по себе может быть представлена как категорический императив настоящего глобальной этики. Так, ноосферная безопасность утверждает в качестве императива установку на сохранение антропологических (когнитивно-семиотических) практик, равно как и предполагает формирование внутреннего регулятива, позволяющего сохранять и совершенствовать (обогащать) антропологическую целостность.

Главной проблемой ноосферной безопасности в рамках нового техно-технологического уклада становится соотношение искусственного интеллекта и естественного разума. Снятие кажущегося противоречия (хотя современная философская мысль, порой, заявляет о реальности этого противостояния) задается принятым и рассмотренным выше тернарным подходом. В этой логике следует вести речь не только о конфронтации естественного разума и искусственного интеллекта, сколько об их коэволюции, что рождает все новые и новые этические вопросы.

Список литературы

1. Авдеева И. А. Глобальная этика и локальный эгоизм // Философия и общество. 2013. № 1. С. 128—135.
2. Авдеева И. А. Глобальная этика для глобального пространства // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 8 (15). Часть 1. С. 129—131.
3. Антонов Н. П. Роль субъективного фактора в переходе биосферы в ноосферу // Человек. Эволюция. Космос. София, 1984. Кн. 4. Кн. I. С. 93—104.
4. Артемьева А. А. Аскеза как антропологическая парадигма глобального экономического сознания // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 2. С. 89—97.
5. Бец Ю. С., Попова А. В. Техносферная безопасность как предмет исследования взаимодействия социума и технических систем // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2018. Т. 2, № 4 (14). С. 504—506.
6. Бородин Е. А. Глобальное правовое сознание: философские проблемы становления ноосферного права // Ноосферные исследования. 2015. № 1—2 (9—10). С. 185—195.
7. Бородин Е. А. Ноосферное право: философская репрезентация правового глобального сознания // Теория и практика общественного развития. 2015. № 20. С. 245—248.
8. Гиренок Ф. И. Клиповое сознание. Москва: Проспект, 2016. 256 с.
9. Гумницкий Г. Н. Основы этики. Иваново: Ивановский государственный политехнический университет, 2016. 132 с.
10. Гумницкий Г. Н., Зеленцова М. Г. Понятие человечности в общей морали // Философия и общество. 2008. № 3. С. 20—31.
11. Гусейнов А. А. Еще раз о возможности глобального этоса // Век глобализации. 2009. № 1. С. 16—27.
12. Даллмар Ф. Глобальная этика: преодоление дихотомии «универсализм» — «партикуляризм» // Вопросы философии. 2003. № 3. С. 13—29.

13. *Дмитревская И. В.* Антропный принцип в ноосферологии // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 2 (14). С. 12—26.
14. *Дмитревская И. В., Портнов А. Н., Смирнов Г. С.* Ноосферная динамика России: философские и культурологические проблемы. Ч. I // Ноосферные исследования. Вып. 1. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2002. 151 с.
15. *Иванов Вяч. Вс.* О выборе веры в Восточной Европе // Природа. 1988. № 12. С. 26—38.
16. *Кормилицын В. И., Цицкишвили М. С., Яламов Ю. И.* Основы экологии: учеб. пособие. М.: Интерстиль, 1997. 368 с.
17. *Лазарова Е.* Доброто дете като модел на универсалната човечност // Етически изследвания. 2017. Бр. 2. С. 134—146.
18. *Лебедев С. А., Панченко А. И.* Ноосферная картина мира // Человек. 2010. № 5. С. 5—18.
19. *Лесков Л. В.* Нелинейная Вселенная: новый дом для человечества. М.: ЗАО «Издво «Экономика», 2003. 446 с.
20. *Меликян М. А.* Этология глобального человека // Ноосферные исследования. 2016. № 1—2 (13—14). С. 118—133.
21. *Меликян М. А., Смирнов Д. Г.* Глобальный этос совершенного человека: фило-дискурс основного морального отношения // Етически изследвания. Бр. 2. Кн. 2. С. 215—230.
22. *Менделеев Д. И.* Заветные мысли: Полное издание. М.: Мысль, 1995. 414 с.
23. *Миронова Н. Б.* Ноосфера или этос-сфера: НБИКС-рефлексия глобальной социо-экологии // Вестник научных конференций. 2017. № 3—6 (19). С. 114—115.
24. *Моисеев Н. Н.* Человек и ноосфера. М.: Мол. гвардия, 1990. 351 с.
25. *Радкау Й.* Природа и власть. Всемирная история окружающей среды. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2014. 472 с.
26. *Романович А. Л., Урсул А. Д.* Устойчивое будущее (глобализация, безопасность, ноосферогенез). М.: Жизнь, 2006. 512 с.
27. *Смирнов А. В.* Всечеловеческое vs. общечеловеческое. М.: ООО «Садра», Издательский Дом ЯСК, 2019. 216 с.
28. *Смирнов Г. С.* Ноосферная картина мира и современное образование // Вестник Российской академии естественных наук. 2003. Т. 3. № 1. С. 57—64.
29. *Смирнов Г. С.* Ноосфера в век глобальных катастроф // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2010. № 2. С. 74—91.
30. *Смирнов Г. С.* Цефализация ноосферы: эволюция разумного вещества на рубеже тысячелетий // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 2 (12). С. 17—30.
31. *Смирнов Г. С.* Образование ноосферы: философско-методологические проблемы эволюции сознания // Иваново: Иван. гос. ун-т, 2015. 504 с.
32. *Смирнов Г. С., Смирнов Д. Г.* Ипостаси ноосферной истории // Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки. 2012. Т. 3, № 1. С. 21—28.
33. *Урсул А. Д.* Обеспечение безопасности через устойчивое развитие // Безопасность Евразии. 2001. № 1. С. 45—68.
34. *Цветков М. Ю.* Проблемы ноосферной безопасности: системно-синергетический подход // Личность. Культура. Общество. 2008. Вып. 1 (40). С. 353—360.
35. *Akhmadiyeva R. Sh., Ostanin L. M., Ostanina S. Sh., Moiseyev V. O., Chudnovskiy A. D., Shirokikh O. B., Gabdulnova K. G., Badrutdinov M. N.* Noxological approach to environmental protection and human life activity safety: risks of modern dangers // Humanities & Social Sciences Reviews. 2019. Vol 7, No 4. P. 1269—1276.
36. *Dower N.* The nature and scope of global ethics and the relevance of the Earth Charter // Journal of Global Ethics. 2005. Vol. 1, No. 1. P. 25—43.
37. *Smirnov G., Smirnov D.* Cephalization of the noosphere: socio-philosophical aspects // Philosophy and Cosmology. 2019. Т. 22. С. 137—143.

УДК 1:316
ББК 60.023
DOI: 10.46726/Н.2021.4.16

М. А. Меликян, Д. Г. Смирнов

ИПОСТАСНЫЕ МИРЫ НООСФЕРНОЙ АНТРОПОЛОГИИ: СПОНТАННАЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОСТЬ РЕАЛЬНЫХ И ИДЕАЛЬНЫХ ТИПОВ

Статья посвящена новому срезу философской антропологии — ноосферной антропологии. Зафиксирована амбивалентность философской антропологии XX века, сочетающей дискретную и интегративную ориентации. Показана закономерность возникновения в условиях информационно-цифровой революции феномена цифрового антропоцентризма. Современная антропология рассмотрена в рамках дополненности онто-антропологии и деонто-антропологии. Проанализированы избранные модели российской и зарубежной ноосферно-ориентированных антропологий. Сделан вывод об их содержательной и методологической комплементарности. Раскрыта специфика ноосферной антропологии как деонтологической антропологии, предложено ее рабочее определение как области ноосферологии. Определены онтологическое, гносеологическое, аксиологическое и праксиологическое предметные поля ноосферной антропологии.

Ключевые слова: философская антропология, ноосферная антропология, деонтологическая антропология, цифровой антропоцентризм, robofaber, расчеловечивание, инвайронментализм.

M. A. Melikyan, D. G. Smirnov

THE HYPOSTAL WORLDS OF NOOSPHERIC ANTHROPOLOGY: SPONTANEOUS ADDITIONALITY OF REAL AND PERFECT TYPES

The article is devoted to a new section of philosophical anthropology — noospheric anthropology. The ambivalence of the philosophical anthropology of the twentieth century, combining discrete and integrative orientations, is fixed. The legitimacy of the appearance of the phenomenon of digital anthropocentrism in the conditions of the information-digital revolution is shown. Modern anthropology is considered within the complementarity of onto-anthropology and de-onto-anthropology. The selected models of Russian and foreign noosphere-oriented anthropologies are analyzed. The conclusion is drawn about their substantive and methodological complementarity. The specificity of the noospheric anthropology as deontological anthropology is revealed, its working definition as a field of noospherology is proposed. The ontological, epistemological, axiological and praxeological subject fields of the noospheric anthropology are determined.

Key words: philosophical anthropology, noospheric anthropology, deontological anthropology, digital anthropocentrism, robofaber, dehumanization, environmentalism.

© Меликян М. А., Смирнов Д. Г., 2021

*Как известно, над человеком проще творить зверства,
если его предварительно расчеловечить — не считать человеком.
Поэтому в маркетинге людей называют аудиторией.*

Вместо введения: цифровой антропоцентризм. Современная антропология, истоки которой коренятся в дегуманистической атмосфере XX века, по своей внутренней природе противоречива. С одной стороны, она демонстрирует претензию на целостность, с другой — на деле — она дробит образ *homo sapiens sapiens* на части, совершая примитивную логическую ошибку, когда часть отождествляется с целым. Новый цифровой миронтологизировал интеллектуальные построения философов и антропологов прошлого столетия: он расчеловечивает человека, отбирая у него человеческое качество. Взамен человек получает вознаграждение в виде новых, одухотворяющих его статусов, которые раскрывают его новые «возможности и преимущества». Так появляются *homodigital*, *homoinformaticus*, *homoeconomicus*, *homobusiness*, *homopoliticus* и прочие «модельные ряды» антропологических типов. Гносеологический круг замыкается: онтологизированная дискретизация образа человека порождает уверенность в адекватности все новых и новых моделей, отражающих реалии информационно-цифровой революции.

Опасность подобной когнитивной ориентации видится в нескольких аспектах. Во-первых, постепенно происходит вытеснение *homo sapiens* (человека разумного) *gobofaber* (роботом делающим). Это познавательное смещение предполагает перестройку картины мира как исходной точки отношения к реальности. Во-вторых, гетерархическая модель человека (в принципе методологически оправданная) порождает сплит-образ (чем-то напоминающий диагноз «множественной личности»), концепт которого размыт, что в свою очередь не позволяет выстраивать адекватную этологию. В-третьих, продолжающаяся диссипация человека не только провоцирует частичный переход «упорядоченных поведенческих процессов» в неупорядоченные, но и, благодаря «рассеиванию всечеловеческого», делает эфемерным итог целеполагания основоположника философской антропологии М. Шелера — «единую идею человека».

П. Тейяр де Шарден так описал эту ситуацию, характерную, по его мнению, уже для человека середины прошлого столетия. «Слишком выделяющаяся индивидуальность человека маскирует собой целостность, и наш рассудок, рассматривая человека, склонен дробить природу и забывать о ее глубоких связях и безграничных горизонтах — впадать в *дурной антропоцентризм*» [50, с. 40]. Цифровизация во сто крат усиливает возможности индивидуальности (а точнее индивидуализации) человека, который, используя соответствующие инструменты, имитирует (даже не маскирует) человека, закономерно устанавливая собственные правила / причинно-следственные связи (как это позволяют, например, делать в одностороннем порядке различные цифровые платформы). Такой *дурной антропоцентризм* вполне можно охарактеризовать как цифровой. Последний понимается нами как *идеология (позиция), заявляющая о первостепенности сетевого «цифрового двойника» человека (личности)*, обедняющая экзистенциальные отношения индивида и мира, ограничивающая его горизонты бытия и ведущая, в конечном счете, к расчеловечиванию.

Цифровой антропоцентризм может приводить к «головокружению от успехов», что, на наш взгляд, имеет место уже сейчас. В частности, цифровое

тело человека [35] оказывается совершеннее натурального, цифровое мышление признается гораздо более оперативным и точным, цифровое поведение регламентированным. Как показывает история подобные измененные состояния сознания, характеризующиеся периодами обострения, приводят к печальным последствиям, результирующие которых трудно поддаются корректировке (см., напр. [20]). Цифровой (виртуальный) аутизм и менее изученный его «собрат» цифровой инфантилизм — не самые мощные репрезентанты разворачивания в сознании цифрового антропоцентризма, но даже «намекают» на недопустимость цифрового лобби.

Залог любой устойчивости, в том числе и антропологической, заключается в разнообразии — мыслительном, поведенческом, коммуникативном, деятельностном. В сохранении этологической (в расширительной трактовке) вариативности заключается смысл так называемой ноосферной безопасности [49]. Цель настоящей статьи — представить предметную область ноосферной антропологии через призму системы философского знания, задать координаты ее онтологического, гносеологического, аксиологического и праксиологического осмысления (ср. [27]).

Антропологическая ноосферность: интердискурсивный анализ. Ноосферная антропология — относительно новая область философской антропологии, сформировавшаяся на стыке сразу нескольких сфер знания — философии сознания [43; 34], философии ноосферы [41; 21], глубинной (универсальной семиотики) семиотики [47] и системной герменевтики [14; 15], глобальной этики (этологии) [1; 11; 12; 28], интеллектуальной (ноосферной) истории [42; 46], интеллигентоведения [44], глобальной и социальной экологии, экологии человека [18] и планетарной демографии [19] и некоторых других. Вместе с тем, антология нооантропологических представлений, как нам представляется, достаточно масштабна. В своих истоках рассматриваемые идеи были теснейшим образом связаны с конструированием образа совершенного человека, подчиняющегося в своем бытии нусу в его различных эманациях. Здесь уместно заострить внимание на ряде концепций, проясняющих во многом то предпосылочное знание, из которого мы исходим. Это идея и совершенномудрого человека ЛаоЦзы, и учение о демоне Сократа, и концепция ученого незнания Николая Кузанского, и идея «совершенной машины» Ламетри, и идеал нравственного человека И. Канта, и сверхчеловек Ницше, и Богочеловек Вл. Соловьева...

Как мы видим во многом именно filo-дискурс [30], наполненный философским содержанием, предопределил переход научно-философскому исследованию проблемы. Наиболее отчетливо оно обозначило себя в XX веке, когда уровень антропологической рефлексии вышел на глобальный уровень, в том числе, и с позиции качественного понимания вещей. Последнее замечание предполагает, что фокус исследовательского внимания вернулся к изучению овеществленного (в человеке) отношения и овеществленного (на субстрате человека) свойства.

Философская антропология прошлого столетия проявляет некоторую «антиномичность», которая заключается в том, что в ней сплетаются онтологический и деонтологический дискурсы. Онто-антропология в своих построениях отражает результат подстраивания сознания (человека) по формы наличного бытия. Деонто-антропология, напротив, конструирует образ человека как результат трансформации материи (материального мира) под формы сознания. Ноосферная антропология в этом контексте деонтологична, то есть

она всегда задает координаты должного, а не сущего, создавая тем самым сценарии возможного. М. К. Мамардашвили, размышляя о проблеме человека в философии, пришел к выводу, что «объектом или предметом исследования и одновременно тем, что позволяет случиться тому, что потом изучается, является всегда не наличный человек, а тот возможный человек, который может сверкнуть на какое-то время, *промелькнуть, установиться* в пространстве некоторого собственного *усилия* [26, с. 11]. Если экзистенциалистски развернуть эту мысль, то окажется, что ноосферная антропология своим предметом полагает человека как своеобразный проект. Проектность человека здесь предполагает напряжение сознания, усилие превзойти установку на адаптацию, вырваться из плена наличного бытия, проецируя себя в семиосферу потребного будущего. Рассмотрим далее в хронологическом порядке «избранные» антропологические проекты, которые обозначили себя в прошлом столетии, и которые подготовили философскую почву для актуализации концепции ноосферной антропологии.

Один из основоположников философской антропологии XX века Макс Шелер различал теологическую антропологию, естественнонаучную антропологию и философскую антропологию. Метафорически различие между этими позициями можно зафиксировать следующим образом: теологическая антропология задается формулой «теоцентризм Человека», естественнонаучная антропология — «антропоцентризм Человека», в то время как философская антропология ориентирована на «антропоморфизм Бога» [39, с. 20]. Анализ антропологических традиций привел мыслителя к выводу о том, что, несмотря на вариативность подходов, единая идея человека отсутствует [51, с. 133]. Отсюда он и выводит необходимость философской антропологии как фундаментальной науки «о сущности и сущностной структуре человека» [52, с. 70]. В центре внимания философа оказывается единый синтетический человек, в котором присутствует неразрывное структурное единство — «сознание мира, самосознание и сознание бога» [51, с. 188]: «в своем человеческом бытии ... человек достоин более высокого звания со-стязателя, соратника Бога, которому суждено нести знамя божества, знамя “Deitas”, осуществляющегося лишь вместе с мировым процессом, впереди всех вещей в штормовой стихии мира» [53, с. 13]. Так, синтетичность антропологии М. Шелера заключается в коэволюционном пафосе Бога, человека и мира, или, как бы выразился сам автор пафосе человека в контексте «бытия, мира и Бога».

Гуманистическое измерение ноосферной антропологии можно увидеть в трудах испанского философа Хосе Ортеги-и-Гассета. Размышляя над вопросами современного искусства и в целом культуры, автор приходит к выводу о дегуманизации искусства, которая предполагает расчеловечивание, отказ от собственно человеческого в искусстве. В этих условиях рождается особый антропологический тип, которого Ортега называет «человеком-массой». Последний утратил интерес к принципам мироздания, будучи целиком поглощен технизацией; он равнодушен к истории, которая сделала возможным его существование; эгоистичен, самодостаточен, взбалмошен. Задача его антипода — человека не «разума массы», а «массы разума» [7] заключается в возвращении искусству, понимаемому как «совокупностью средств, которыми достигается контакт со всем, что есть в человеческом бытии» [36], да и культуре в целом человеческого восприятия. Позиция Ортеги одновременно критическая и деонтологическая: для того, чтобы мир окончательно не превратился в массу нужно как можно большим людям «жить мыслью».

Российский естествоиспытатель, историк науки, философ-натуралист, автор учения о ноосфере Владимир Иванович Вернадский сформулировал свои антропологические предпочтения в обобщенном этическом идеале, который он назвал «идеалом личной святости». Эмос этого идеала мыслитель зафиксировал в своем дневнике следующим образом: «Я сделал все, что мог сделать. Я не сделал никого несчастным. Я постарался, чтобы после моей смерти к той же цели на мое место стало таких же, нет — лучших работников, чем каким был я» (цит. по: [33, с. 11]). В нашей системе референция сам В. И. Вернадский может быть рассмотрен как ноосферный человек [29]. С позиции эмпирического обобщения ученый видел ноосферность человека в научной мысли — главном вещественном образовании, проработанном духом. Именно научная мысль (по основному ноосферному закону) генерирует нообиогеохимическую энергию, «расходуемую» на подстраивание материи под формы духа, итогом целеполагания которого оказывается автотрофность человечества [45].

В несколько ином ключе гуманистический срез ноосферной антропологии представлен у итальянского мыслителя, общественного деятеля, эколога Аурелио Печчеи. Его главное понятие — «человеческое/ие качество/а» — концептуальное для наших размышлений. Человеческое качество, наряду с теплом, энергией, посылаемой солнцем, наверное, самый главный ресурс цивилизации XX века. Автор так рисует сценарий будущего: «человеку сейчас ... не остается ничего иного, как возможно быстрее приблизиться к следующей фазе своего развития — той, где он, сочетая свое могущество с достойной мудростью, научится поддерживать в гармонии и равновесии все дела человеческие» [38, с. 35]. Границы между созиданием и разрушением, прогрессом и застоём, по мнению мыслителя, «определяются именно человеческими ресурсами, их возможностями, их развитием, умением мобилизовать их на решение поставленных задач» [38, с. 60]. Современный человек становится главной действующей силой в природе и отвечает не только за свою жизнь, но за существование всего живого. Это подготавливает «человеческую революцию», в результате которой человечество придет к новому мировоззрению. Этот новый гуманизм можно определить тремя характеристиками: «чувство глобальности, любовь к справедливости и нетерпимость к насилию» [38, с. 214].

Французский теолог, антрополог и философ П. Тейяр де Шарден представляет «феноменальное» измерение ноосферной антропологии. «Осмысливая феномен человека в рамках единого процесса эволюции, — пишет О. В. Коркунова, — Тейяр де Шарден создает антропологию, в которой человек предстает не только закономерным продуктом космической эволюции, но и существом, через которое и посредством которого осуществляется эволюция мира» [22, с. 136]. Главной спецификацией человека, которая позволяет ему быть «центром *конструирования* универсума» [50, с. 38], оказывается умение видеть. Ключевой посыл мыслителя заключается здесь не в том, что человек умеет видеть, а в том, что он видит все во взаимосвязи, в определенной структуре. Эта компетенция обеспечивается, в свою очередь, отсутствующей специализацией человека, ведь «специализация парализует, а ультраспециализация убивает» [50, с. 132]. При этом он «не может полностью видеть ни себя вне человечества, ни человечество — вне жизни, ни жизни — вне универсума» [50, с. 39]. Как мы видим, шелеровская триада «Бог —

Человек — Мир» разворачивается у Тейяра в своеобразную квадрату «Человек — Человечество — Жизнь — Универсум».

Американский антрополог, психолог, эколог Грегори Бейтсон задает когнитивный дискурс ноосферной антропологии, произрастающий из признания того, что «мысль напоминает эволюцию тем, что [они] обе стохастичны» [6, с. 34]. Концептом его размышлений становится «экология разума», которая предполагает «неизбежное единство Разума и Природы», или чувство их «эстетического единства». Человек XX века, потеряв это чувство, совершил «эпистемологическую ошибку» [6, с. 32]. Деонтологический посыл ученого заключается в исправлении этой ошибки и преодолении «сознательной цели против природы». Когнитивная элевация человека предполагает, согласно автору, смену ориентации с каузальности на мудрость [5, с. 154], переход от линейного мышления к системному [6, с. 74], от самокоррекции к саморефлексии [4, с. 394]. Как мы видим, триады и квадраты могут быть свернуты в диаду «Разум — Природа», чем-то напоминающую модель «Научная мысль — Биосфера» В. И. Вернадского. Эта диалектическая бинарность — не редукция, а, скорее, абстракция, имеющая под собой эпистемологические и коммуникативные основания: системообразующее отношение, которое реализует человека, предстает как диалог между двумя подсистемами универсума.

Математик, эколог и глобалист Никита Николаевич Моисеев, автор книги «Человек и ноосфера» [31] развивал проблематику ноосферной антропологии, используя концепт «коллективный Разум», который, по мнению автора, развивается «значительно быстрее разума индивидуального» [31, с. 87]. Для него весь процесс становления *homo sapiens*, путь антропогенеза — есть «восхождение к разуму» [32, с. 7]. Этот тернистый путь ознаменован противостоянием двух логик развития — логики Природы и логики Истории (Человека), результат разворачивания которого губителен для цивилизации. Катастрофизм его мышления ярко выразился в почти шекспировской формуле «Быть или не быть человечеству?». Момент преодоления «точки невозврата» связан с коэволюционной стратегией, где главную скрипку играет «самоорганизационный процесс, который называется историей людей» [32, с. 119]. Качественная антропология Н. Н. Моисеева подчиняется принципу универсального эволюционизма — «думай революционно, действуй эволюционно», предполагая снятие внутренней противоречивости системы «Природа — Человек — Общество».

Вячеслав Всеволодович Иванов — российский антрополог, лингвист, семиотик — поднимает семиотическую проблематику ноосферной антропологии. Закладным камнем его концепции является принцип, согласно которому «...в конечном счете, (при наличии тупиковых ветвей и длительных остановок, а также циклов, известных и в других сферах эволюции) в истории культуры отбираются те именно знаковые системы и тексты, которыми развитие человечества направляется в сторону ноосферы (в понимании П. Тейяра де Шардена и В. И. Вернадского) [16, с. 24]. В нейрофизиологическом ключе ноосферность человека, как показывает автор, связана с маятниковыми колебаниями между мозговыми доминантами — правополушарной и левополушарной («с помощью которого человек включается в жизнь общества и ноосферы»). Человеческая семиотика, по мнению Вяч. Вс. Иванова, слепа (о чем, кстати, упоминает и Г. Бейтсон): людям может показаться, «что они решают другие задачи, но, в конце концов, решают именно ту задачу, которая стоит перед человечеством» [17, с. 186].

Краткий анализ избранных антропологических концепций XX века позволяет зафиксировать фундаментальные основания, на которых выстраивается постнекласическое здание ноосферной антропологии. В плоскости методологии ноосферная антропология тяготеет к диалектическому, системному, синегетическому, экологическому (инвайронментальному) подходам, при этом бинарные, тернарные, квадрантные и иные модели дополняют друг друга. Ноосферность всех рассмотренных антропологических концепций задается концептом разумности (разума, в том числе и коллективного, научной мысли, сознания, мозга) и его производных (видения, разумного делания, мышления). Содержательное конструирование ноосферной антропологии осуществляется на принципах гуманизма, альтруизма, коэволюции, сложности сознания, широкой «специализации», редегуманизации.

Ноосферная антропология: дефинитивный образ. В современной междисциплинарной плоскости ноосферная парадигма занимает особое место в контексте антропологических исследований. Она имеет единый предмет исследования с синтетической антропологией, интегративной антропологией, общей антропологией, но при этом ее предметное поле специфично. Эта специфика связана не с предметом (в его пространственном понимании), а с концептом — системообразующим свойством, которое организует субстрат научного знания под себя. Поэтому ноосферная антропология одновременно оказывается и концептуальной и синтетической (интегративной).

Как показывает И. В. Дмитревская ноосферный подход подразумевает наличие изначально системообразующего свойства — концепта, согласно которому формируются системообразующие отношения, только после этого выстраиваются элементы в системе — субстрат [13]. Исходно место концепта в ноосферной антропологии, как было зафиксировано выше, занимает научная мысль как планетное явление [10]. Используя логическое обобщение, мы можем продолжить эту цепочку понятиями мысль (включая сюда и религиозную, и художественную, и философскую, и научную составляющие), сознание, разум. Мысль, сознание, разум суть феномены оперирующие информацией — главным «действующим лицом» информационно-цифровой революции и формируемого в результате нового технологического уклада. Разница между информационностью и ноосферностью (иначе можно было бы говорить и об информационной антропологии) обуславливается человеческой способностью превращать информацию в знание, что не в последнюю очередь предполагает изменение ее валентности (не истинности / ложности, но конструктивности / деструктивности). Именно поэтому ноосферно-антропологические идеи оказываются доминирующими, так как они ориентированы «на развитие сущностных сил человека» [37, с. 70].

О. Д. Куракина — крупный специалист по философии русского космизма — проблематику ноосферной антропологии раскрывает через обращение к понятию «человеческий фактор», который, по ее мнению, занимает главенствующую позицию в процессе перехода биосферы к ноосфере и понимается как «закономерно идущий процесс от эпохи стихийного развития человечества как чисто природного, биологического организма к творческому, сознательному бытию и становлению человечества как единого целого» [23, с. 154; см. также 3]. Результатом этого процесса должны стать ноосферная синархия — ноосферное всеединство иерархического строения бытия [23, с. 155] или «коммунизм как ноосфера» [2]. Применительно к современности «ноосферная антропология является закономерным этапом процессов

глобализации, происходящих на разных уровнях, в том числе и на уровне балансирования на границах планетарного, космического и вселенского» [40, с. 26]. Закономерным в том смысле, что человеческое приобретает новые формы, связанные с распредмечиванием. И здесь значимость приобретает инвайронментальный подход, который концентрируется не «человеческом веществе», а на системе «Разум (Среда) — Среда (Разум)», в которой среда формирует разум, а разум формирует среду [48, с. 118].

Как мы видим, институционализация ноосферной антропологии находится еще в самом начале пути [8; 25]. Ее дефинитивный образ постепенно формируется. Завершая во много пропедевтический экскурс в предметное пространство ноосферной антропологии, сформулируем ее рабочее определение. Ноосферная антропология — это область ноосферологии, предметом изучения которой являются принципы и механизмы респредмечивания человека в информационно-цифровой реальности, равно как и последствия дегуманизации в форме овеществленных свойств и отношений. В онтологическом ключе она исследует результаты разворачивания цифровизации на человеческом субстрате. Гносеологический тезаурус предполагает исследование системных изменений в мышлении и познании в результате воздействия на человека техносферы. Аксиологический дискурс нацелен на осмысление ценностной динамики и целеполагания в условиях отчуждения от реальной коммуникативной среды. Практиологический план акцентирует внимание на этологии и поведенческих моделях, опрокидывающихся в практику жизнедеятельности.

Список литературы

1. Авдеева И. А. Глобальная этика для глобального пространства // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 8 (15), ч. 1. С. 129—131.
2. Антонов Н. П. Роль сознания в оптимизации взаимодействия общества и природы в условиях становления коммунизма и ноосферы // Сознание и диалектика процесса познания: межвузовский сборник научных трудов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1979. С. 3—20.
3. Антонов Н. П. Роль субъективного фактора в переходе биосферы в ноосферу // Человек. Эволюция. Космос. София, 1984. Кн. 4. Книжка I. С. 93—104.
4. Бейтсон Г. Экология разума: Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. М.: Смысл, 2000. 476 с.
5. Бейтсон Г. Шаги в направлении экологии разума: Избранные статьи по теории эволюции и эпистемологии. М.: КомКнига, 2005. 248 с.
6. Бейтсон Г. Разум и природа: неизбежное единство. М.: КомКнига, 2007. 248 с.
7. Брагин А. В. Проблема «массы разума» и устойчивость развития // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 2 (10). С. 59—67.
8. Василенко В. Н. Ноосферная антропология и педагогика в глобальном обществе // Ноосферное образование в евразийском пространстве / под науч. ред. А. И. Субетто. СПб.: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2015. С. 286—300.
9. Вернадский В. И. Несколько слов о ноосфере // Успехи современной биологии. 1944. № 18. Вып. 2. С. 113—120.
10. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с.
11. Гумницкий Г. Н. Основы этики. Иваново: Ивановский государственный политехнический университет, 2016. 132 с.

12. Гусейнов А. А. Еще раз о возможности глобального этоса // Век глобализации. 2009. № 1. С. 16—27.
13. Дмитриевская И. В. Текст как система. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1985. 87 с.
14. Дмитриевская И. В. Метафизика злого сердца: проблема онтологизации зла в бытии мира и человека. Иваново: Изд-во Ивановской гос. с.-х. акад. им. акад. Д. К. Беляева, 2012. 351 с.
15. Дмитриевская И. В. Системная герменевтика: концепты, смыслы, тексты. Иваново: ФГБОУ ВПО ИГСХА, 2014. 384 с.
16. Иванов В. В. О выборе веры в Восточной Европе // Природа. 1988. № 12. С. 26—38.
17. Иванов В. В. Потом и опытом: сборник стихотворений, статей, эссе и переводов. М.: Центр книги ВГБИЛ им. М. И. Рудомино, 2009. 352 с.
18. Казначеев В. П., Трофимов А. В. Очерки о природе живого вещества и интеллекта на планете Земля: проблемы космопланетарной антропоэкологии. Новосибирск: Наука, 2004. 312 с.
19. Капица С. П. Парадоксы роста: законы глобального развития человечества. М.: Альпина нон-фикшн, 2012. 201 с.
20. Касавина Н. А. «Digitalexistence»: цифровой поворот в понимании человеческого бытия // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2020. Т. 3, № 4. С. 73—89. DOI: 10.5840/dspl20203441
21. Коваленко С. В. Антропологические основы ноосферогенеза. М.: Флинта: Наука, 2005. 288 с.
22. Коркунова О. В. Эволюционная антропология П. Тейяра де Шардена // Известия УРГУ. 2004. № 32. С. 129—137.
23. Куракина О. Д. Ноосферная антропология русского космизма // Реалии ноосферного развития: материалы Межгос. науч.-практ. конф. «Учение В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу и реалии третьего тысячелетия». Иваново, 21—23 мая 2013 г. М.: Ноосфера, 2003. С. 153—155.
24. Лукьянова Н. А., Шавлохова А. А. Цифровое тело как образ будущего: анализ визуальных процессов конструирования // Ученые записки Новгородского государственного университета: электронный журнал. 2020. № 6 (31). 26 с.
25. Маленков А. Г. Ноосфера и человек ноосферы. М.: Маджерик, 2009. 367 с.
26. Мамардашвили М. К. Проблема человека в философии // О человеческом в человеке / под общ. ред. И. Т. Фролова. М.: Политиздат, 1991. С. 8—22.
27. Маслова А. В. Фундаментальность понимания на пути к новой антропологии // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Философские науки. 2021. № 2 (38). С. 49—61.
28. Меликян М. А. Этология глобального человека // Ноосферные исследования. 2013. № 1 (1). С. 104—113.
29. Меликян М. А. В. И. Вернадский как ноосферный человек: опыт методологического анализа // Ноосферные исследования. 2016. № 1—2 (13—14). С. 118—133.
30. Меликян М. А., Смирнов Д. Г. Глобальный этос совершенного человека: филодискурс основного морального отношения // Этически исследования. 2017. Бр. 2. Кн. 2. С. 215—230.
31. Моисеев Н. Н. Человек и ноосфера. М.: Молодая гвардия, 1990. 351 с.
32. Моисеев Н. Н. Судьба цивилизации. Путь Разума. М.: Языки русской культуры, 2000. 224 с.
33. Мочалов И. И. В. И. Вернадский — человек и мыслитель. М.: Наука, 1970. 176 с.
34. Налимов В. В. Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М.: Акад. Проект: Парадигма, 2011. 399 с.
35. Орех Е. А., Сергеева О. В. Цифровое лицо и цифровое тело: новые явления в визуальном контенте социальных сетей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2015. № 2. С. 137—145.
36. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс; Дегуманизация искусства; Бесхребетная Испания. М.: АСТ, 2008. 348 с.

37. *Пантелеева Г. Г.* Ноосферно-антропологические идеи как условие целостности человека // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология». 2011. Т. 24 (63), № 2. С. 66—75.
38. *Печчеи А.* Человеческие качества. М., Прогресс. 312 с.
39. *Роинашвили Д. И.* Антропологическая революция Макса Шелера // Спектр антропологических учений. 2011. № 1. С. 20—34.
40. *Смирнов Г. С.* Ноосферная антропология: поиски предметной области // Антропологическое измерение глобализационных процессов: материалы Межвуз. науч. конф. «Философско-антропологическая аналитика бытия человека в глобальном мире». Владимир, 7—9 октября 2003 г. Владимир: Влад. гос. пед. ун-т, 2003. С. 24—26.
41. *Смирнов Г. С.* Ноосферная картина мира и современное образование // Вестник Российской академии естественных наук. 2003. Т. 3, № 1. С. 57—64.
42. *Смирнов Г. С.* Ноосферная история человечества: философско-методологические проблемы эволюции интеллигенции // Интеллигенция и мир. 2006. № 2. С. 4—29.
43. *Смирнов Г. С.* Философия как образ глобального сознания // Ноосферные исследования. 2015. № 1—2 (9—10). С. 39—54.
44. *Смирнов Г. С.* Образование ноосферы: мировая интеллигенция и глобальное сознание. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2016. 428 с.
45. *Смирнов Г. С.* Философия автотрофности человечества и глобальное сознание // Век глобализации. 2017. № 1 (21). С. 20—32.
46. *Смирнов Г. С., Смирнов Д. Г.* Ипостаси ноосферной истории // Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки. 2012. Т. 3, № 1. 21—28.
47. *Смирнов Д. Г.* Семиософия ноосферного универсума ноосфера и семиосфера в глобальном дискурсе. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2008. 370 с.
48. *Смирнов Д. Г.* Ноосферная идея и ноосферная история: введение в универсумную философию. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2012. 250 с.
49. *Смирнов Д. Г.* Этика ноосферной безопасности: к постановке проблемы // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 4. С. 135—142.
50. *Тейяр де Шарден П.* Феномен человека. М.: Наука, 1987. 240 с.
51. *Шелер М.* Положение человека в космосе // Шелер М. Избр. произ. М.: Гнозис, 1994. С. 129—193.
52. *Шелер М.* Философское мировоззрение // Шелер М. Избр. произ. М.: Гнозис, 1994. С. 2—14.
53. *Шелер М.* Человек и история // Шелер М. Избр. произ. М.: Гнозис, 1994. С. 70—97.

УДК 1:316
ББК 60.028.1
DOI: 10.46726/Н.2021.4.17

Н. С. Лебедев

ПРАКТИКИ САМОСОЗНАНИЯ В СОЦИАЛЬНО-ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЭТИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ: РАЗВИТИЕ МЫШЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОСТИ

В статье представлен анализ проблемы взаимозависимости развития мышления и социальности в философском, педагогическом и образовательном контекстах. В центре статьи — обзор понятия самосознания или рефлектирующей способности суждения и его отношение к развитию нравственности с позиции классического немецкого идеализма (И. Кант, И. Г. Фихте и Г. В. Ф. Гегель). В результате анализа сделаны выводы о смысле рефлексивных практик и процедур группового мышления, философских основаниях педагогических практик развития социальности и личности в социально-эмоционально-этическом образовании.

Ключевые слова: мышление, социальность, социальный интеллект, самосознание, критическое мышление, этическое, нравственность.

N. S. Lebedev

SELF-CONSCIOUSNESS PRACTICES IN SOCIO-EMOTION-ETHICAL EDUCATION: THE DEVELOPMENT OF THINKING AND SOCIALITY

The article presents an analysis of the problem of the interdependence of the development of thinking and sociality in education, in philosophical and pedagogical contexts. In the center of the article is an overview of the concept of self-consciousness or the reflective judgment and its relations to the development of ethics, from the standpoint of classical German idealism (I. Kant, I. G. Fichte and G. V. F. Hegel). As a result of the analysis, conclusions are drawn about the meaning of reflexive practices and procedures of group thinking, the philosophical foundations of pedagogical practices of the development of sociality and personality in socio-emotional and ethical education.

Key words: thinking, sociality, social intelligence, self-consciousness, critical thinking, ethical, ethics.

Введение: постановка проблемы. По мысли И. Г. Фихте, одного из носителей гуманистической парадигмы, понятие образования следует из идеи абсолютной цели развития человека до полного согласия с самим собой как разумного существа — «подчинить себе все неразумное, овладеть им свободно и согласно своему собственному закону» [18, с. 487]. Фихте осознанно определял абсолютную цель образования как необходимо недостижимую и ровно поэтому как высшую ценность, залог стремления человека к совершенству (что позже С. И. Гессен отнес к абсолютным ценностям культуры

© Лебедев Н. С., 2021

Статья выполнена в рамках гранта РФФИ № 20-013-00875.

[4, с. 35]). «Общее совершенствование, совершенствование самого себя посредством свободного использованного влияния на нас других и совершенствование других путем обратного воздействия на них как на свободных существ, — манифестировал Иоганн Готтлиб Фихте в своих лекциях, — вот наше назначение в обществе» [18, с. 487]. Теперь же можем наблюдать, как ценности личностного развития, самообразования и взаимообразования входят в повседневность образования и, несмотря на недостатки компетентностного подхода, признаются в федеральных государственных образовательных стандартах последних поколений.

Внимание к развитию личности и ее социальности [9, с. 16—18], дискуссии о значении в современном мире «навыков XXI века» или компетенций «4К» (критического мышления, коммуникации, кооперации, креативности) свидетельствуют о созревании в педагогике нового понимания природы образованности человека, близкого к гуманистическому, в частности, холистическому направлению. Однако, судя по идущим среди ученых и педагогов-практиков диспутам о различиях образовательных парадигм и педагогических практик и недостатках политики образования в мире, в т. ч. и в России [8], требуется философское рассмотрение образования и, в особенности, практик развития мышления как определяющих выход на существенные для развития человеческого общества вопросы.

По мысли Э. В. Ильенкова об образовании человека, первое, на что должно быть направлено внимание: представляют ли отдельные педагогические решения и учебный процесс в целом как образовательная система интерес с точки зрения развития личности, в частности, в аспекте развития культуры мышления [5], т. е. прогресса в осознании *социальной* природы мышления, умения проследить и понимать системную связь явлений, а также критической рефлексии в отношении собственного познания.

Идеи подхода, для которого фундаментом развития личности, в т. ч. ее социальных и нравственных качеств, является именно способность к рефлектирующему мышлению, можно встретить в работах самых разных авторов начиная с представителей классической философии от античных и средневековых авторов (Платон, Аристотель, Плотин, Сенека, А. Кентерберийский, Н. Кузанский и др.) и авторов периода нового и новейшего времени (Р. Декарт, Б. Спиноза, Г. В. Лейбниц, И. Г. Песталоцци, И. Кант, И. Г. Фихте, Г. В. Ф. Гегель и др.) вплоть до мыслителей XX и XIX веков (Д. Дьюи, В. Виндельбанд, П. Наторп, С. И. Гессен, У. Джемс, Ю. Хабермас, Л. С. Выготский, Т. Адорно, Н. Луман и др.). Исследования этой проблематики были представлены в работах отечественных авторов В. А. Лекторского, М. А. Лифшица, Э. В. Ильенкова, Э. В. Ильенкова, Г. С. Батищева, В. С. Библера, Г. П. Щедровицкого и др., а также психологов и педагогов, развивавших направления, заданные исследованиями культурно-исторической психологии Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева и Л. Р. Лурия (подходы деятельностной и развивающей теорий педагогики).

Социальность как ядро развития личности. Поскольку в современном научном сообществе за редким и незначительным исключением культурно-историческая основа возникновения и формирования мышления признается как один из главных факторов развития человеческой личности, ярким подтверждением чему служат явления вроде «одичавших детей» [11] или, напротив, «загорской четверки» [15], то для образования проблематика *развития мышления через социальность* постепенно становится ключевой.

За проблематикой социальности в образовании следует понимать способности и способы (в т. ч. исторические, институциональные и иные формы) бытия в отношениях с другими (относительно самого себя) для чего требуется учитывать многообразие и сложность внутренней психической организации отдельно взятых Других, а также насыщенный сложными связями мир отношений коллективных Других (как общественных форм) и всех проявлений социума в целом [9]. С точки зрения педагогической практики это означает, что для развития человеческой личности, развития культуры ума или разума [14], в образовании принципиально важны социальное взаимодействие, коммуникация и групповые формы исследования, совместной деятельности и мышления «друг об друга», а не предметные знания как таковые и даже не «интеллектуальная социализация» на манер упрощенного понимания организационно-деятельностных игр или социальных тренингов как овладение отчужденной «инфраструктурой коллективной мысли» в форме т. н. навыков [13].

Следует, однако, обратить внимание, что существует взаимный содержательный прогресс — социальность как среда и условие развивает мышление человека, а мыслительные практики и процедуры рефлексии, совместные исследования в группе и организованные коммуникативные формы развивают социальность как субъективное понятие личности о собственной социальной укорененности и изначальной связанности с историей и культурой, следовательно, развивают этическую и нравственную сторону человека.

Рефлексия самосознания и понятие всеобщего нравственного закона.

Исследуя проблему формирования разума, классики немецкого идеализма И. Кант, И. Г. Фихте, а затем Г. В. Ф. Гегель указывали, что условием разумного способа мысли, для которого нравственность — неизбежный и необходимый всеобщий закон, подразумевающий всеобщую связь истории и культуры, опосредованную человеческой деятельностью, является всеобщее самосознание как осознание в Другом всеобщей природы, единой с собственным Я.

Самосознание как рефлектирующая способность суждения, по Канту, есть большее, чем непосредственная рефлексия о себе и своих качествах как внешнем сознанию предмете, она есть трансцендентальная рефлексия, направленная на всеобщее в нашем познании, отношение сознания субъекта к его способу знания [6, с. 81—82], она «вбирает» предметность в форме «возвращения назад» от предметности представления к самим познавательным способностям субъекта, способности суждения, из которой и возникает конкретность представления о явлениях в их особенных определениях.

В таком виде рефлектирующая способность суждения прямым образом связана с тем, что сегодня развивается как концепция критического мышления, включающего в себя умение человека поставить под вопрос сам способ субъективного познания, которым осмысляется то или иное явление — т. е. мышление, которое способно быть направлено на самое себя, совершить «возвратный ход» с целью анализа своих возможных ошибок, стереотипов, предрассудков или т. н. когнитивных искажений [25] и обнаружить самое существенное в знании Другого, отличного от сознания Я, явления. В этом пункте Кантом постулировалась идея практической свободы субъекта — когда познание оказывается направлено не на случайное и условное, относительное и изменчивое, а на необходимость и всеобщность в самом познании. Эта свобода рефлексии самосознания и понимается Кантом как основа практического разума, утверждающая нравственный закон как необходимый именно потому, что он осознается как действительный всеобщий закон

взаимной связанности. Кантовский дуализм, оставивший рефлектирующую способность суждения опосредующим звеном между рассудком и разумом [6, с. 124—126], но отказавший при этом субъекту в возможности «свободы в явлениях», т. е. в познании всеобщего в природе и мире, был преодолен впоследствии Гегелем. Однако важно, что Кант указывал на принципиальное значение развитой рефлектирующей способности суждения — она манифестируется им как источник нравственности и свободы в поступках по отношению к миру и Другому [6, с. 126—142]. Т. о. именно осознание всеобщего нравственного закона является основой действительного образования личности и служит источником стремления человека к самосозиданию, дисциплине и познанию [7].

В контексте поиска значимых с точки зрения философии образования форм развития мышления и социальности, открытия Канта в области самосознания могут быть осмыслены как методологические основания для организации групповых учебных сессий совместного мышления и деятельности, в частности, коллективного исследования с применением процедур рефлексии о собственном познании, выявления предрассудков как предлежащих, исходных для познания представлений, требующих кантовской «критики» и, соответственно, различного рода герменевтических практик [1, с. 322—323], направленных на осознание ограничений изначально непосредственной точки зрения, формирующих рефлексивную позицию, способную исследовать истоки собственного познания.

Развитию точки зрения нравственной свободы личности и преодолению непосредственности в познании как неререфлектированной гносеологической установки посвятил множество своих популярных и вводящих в наукоучение работ И. Г. Фихте. В «Речах к немецкой нации» философ отмечает, что стремление к познанию как таковому — скорее результат и возникает из стремления человека претворять «в своей собственной жизни и посредством нее» всеобщий нравственный закон как осознаваемую им действительную связь вещей [23, с. 79—85]. Для Фихте сущность самосознания прямо связана с основополагающим принципом наукоучения, по мысли самого автора, развивающем достижения Канта в части первоначального единства апперцепции. Принцип дело-действия (That-handlung) [20], о котором как неререфлектированном условии разума говорит Фихте, возвращает нас к еще аристотелевской идее о том, что разум есть самосозидание. По мысли философа, самосознание контринтуитивно и само есть как акт деятельности, так и его продукт — деятельность, способная высветить для самого субъекта прежде не существовавший для него в непосредственном опыте «объект». Результат акта самосознания нельзя называть объектом в прежнем смысле слова, подобно предметам опыта [22, с. 455], поскольку самосознание открывается для нас здесь как первоначальный источник воли и самого знания — «созерцание самого себя при выполнении акта, благодаря которому у него возникает Я <...> есть непосредственное сознание того, что я действую, и того, что за действие я совершаю; оно есть то, чем я познаю, ибо это нечто произвожу (курсив мой. — Н. Л.)» [21, с. 452]. Для последующей феноменологической традиции это открытие Фихте на ряду с картезианским сомнением и кантовским трансцендентализмом ляжет в основу практики феноменологической редукции, открывающей для индивидуального сознания первоначальное единство трансцендентального субъекта.

В случае феноменологии Гуссерля это достижение так и останется отгеноено близостью солипсизма [16], но станет заметной гносеологической базой для популярных сегодня, но также не выходящих за пределы субъективизма конструктивистских теорий в социальных науках [12]. Однако для Фихте рефлексия самосознания есть необходимый *путь*, совершающийся в образовании индивида как реальный и всеобщий процесс [19], поскольку она лежит у истоков истории культуры в основе естественного права и моральности в форме еще непосредственного осознания *уважения к другому*, возникающего на основе признания в Другом наличия всеобщего Я, деятельного и волящего начала [24].

Идею происхождения разума и способности к познанию действительности из становящегося в истории процесса осуществления всеобщей нравственности как проявления логики культуры, начатую Фихте в «Основных чертах современной эпохи» и «Наставлениях к блаженной жизни», продолжит развивать Г. В. Ф. Гегель. Великий мыслитель заключает, что *нравственность и есть природа самосознания* [3, с. 200], становящаяся по мере и вместе с развитием самосознания в истории мировой культуры, одновременно являясь условием и началом, продуктом и результатом феноменологического пути сознания. Поэтому «нелепо предполагать, что индивид способен перепрыгнуть через свою эпоху», но именно в ней, в этих социальных и исторических условиях каждый проходит «путь порождения себя как воли» и в этом «выявлении всеобщности мышление и состоит абсолютная ценность культуры» как очищению воли посредством рефлексии от грубости и варварства непосредственной природной определенности и субъективности содержания влечений и вожделений [3, с. 53—83]. Труд и образование в культуре являются условием формирования критического мышления и способности самосознания, поскольку с необходимостью сталкивает нас с Другим и потому требует коррекции наших субъективных мнений и представлений [3, с. 228—233], в том числе о самих себе. С другой стороны, самосознание, развиваемое в этом же процессе истории культуры от непосредственности эмпирического сознания своего индивидуального я в пространстве и времени, отношениях с Другим через процесс признания других и последующей «борьбы» воли с собой самим, приходит к преодолению собственной атомарности и стремлению к разумному познанию связующей сущности всех вещей [2].

Развитие рефлексии самосознания и социальности в групповых практиках социально-эмоционально-этического образования. Сферы нравственного сознания («светской этики») и социальности, вместе с областью чувств («эмоциональным и социальным интеллектом»), определили содержание и педагогику направления социально-эмоционально-этическое образования (СЭЭО) [10]. СЭЭО называют «Образованием для сердца и ума», поскольку оно захватывает не только когнитивные и знаниевые компоненты, но направлено и на развитие личности.

Среди элементов занятий в программах СЭЭО присутствуют практики групповой работы, основанные на принципах гуманистического образования, в т. ч. педагогическое модерирование, направленные на проработку межличностной осознанности, коммуникативных способностей, осознание общности и взаимозависимости с Другими. Характеризуя свой подход, авторы выделяют три основополагающих принципа, восходящих к философским основаниям: критическое мышление, рефлексивные практики и научная точка зрения как элементы системного мышления [26].

Мы замечаем на этом примере, что в теории и практике современного образования постепенно воплощаются идеи, имеющие представленные выше философские основания. Так, для концепции СЭЭО свойственна идея, что развитие мышления в своей полноте (включая самосознание, критическое и системное мышление) не может осуществляться абстрагировано от работы с социальностью, затрагивающей эмоциональную и нравственную сферы, а развитие социальности, в свою очередь, невозможно без развития мышления через групповое взаимодействие, рефлексивные и герменевтические процедуры, критическое осмысление процесса собственного познания и выхода к системному пониманию связи явлений.

В рамках проведенного в 2021 г. НИЛабораторией проблем социальной поддержки личности в РГПУ им. А. И. Герцена) [17] курса повышения квалификации для педагогов «Введение в Социально-эмоционально-этическое образование (Softs kills и “Навыки XXI века”))» были опробованы несколько форм групповых занятий с применением практик педагогического модерирования. Среди групповых практик наибольшую продуктивность показали: групповое исследование проблематики и объема субъективных понятий эмоционального, социального и этического; герменевтические практики, направленные на развитие критического мышления и межличностной осознанности; моделирование ситуаций и анализ кейсов из педагогической практики с применением ролевых игр, направленные на формирование способности сострадания к другим и умения взаимодействовать; групповой анализ конфликтных ситуаций как средство развития рефлексии и психической саморегуляции (Е. А. Сергиенко); взаимный анализ педагогических решений в проектной работе по созданию собственных занятий в направлении СЭЭО, позволяющий расширить представление о смысле, задачах и способах социального, эмоционального и этического развития.

В целом показав свою продуктивность в интеллектуальном, социальном и этическом отношении, практики групповой работы с применением педагогического модерирования позволяют акцентировать внимание на значении рефлексивных процедур, рекомендованных для проведения занятий в программах СЭЭО [26], а также указать на ряд педагогических сложностей. Первая, организационная, трудность состоит в удержании тайминга занятий, поскольку для субъективных озарений, открытий (инсайтов) может потребоваться разное для участников процесса время. Как следствие, обнажается сложность в работе с «субъективной моделью реальности» (Е. А. Сергиенко) и достижении запланированных образовательных результатов, поскольку результат групповых процедур мышления и рефлексии становится едва ли предсказуем. Отсюда возникает акцент на необходимости работы с психологической составляющей процесса — групповой динамикой, в т. ч. эмоциональной атмосферой в группе, где помогают регулярные «созерцательные образовательные практики» (М. Н. Кожевникова), требующие от педагога высокой развитости самосознания и рефлексии, произвольного внимания и межличностной осознанности.

На наш взгляд, ключевой образовательной и теоретической ценностью реализации практик групповой работы в СЭЭО становится осознание учащимся, что человек представляет собой прежде всего явление социальности как всеобщности, явление, выражающее интериоризованную и преобразованную культуру общества, без которого человек как культурный феномен оказывается невозможен. Тем глубже и содержательнее является это осознание,

чем более самосознательной становится позиция человека, чем основательнее в критическом осмыслении он смог достичь до понятия личности как проявления человеческой культуры и ее всеобщего нравственного закона.

Заключение. В результате проделанного философского исследования, применительно к процедурам и групповым практикам мышления и развития социальности в обучении получены следующие выводы. Развитие мышления в педагогической практике может осуществляться не только путем развития интеллектуальных способностей через решение задач, как представляют обычно, но и путем развития социальности, в групповых практиках с акцентом на рефлексию и самосознание (от коммуникативных упражнений в критическом осмыслении, интерпретации и передаче смыслов в дебатах, аргументации, отстаивании позиции, моделировании ситуаций с социальной и этической проблематикой, до более сложных форматов философских диалогов, круговых герменевтических процедур, глубокого рефлексивного анализа собственных ценностей и фундаментального обоснования собственных представлений). Равно правомерно и обратное утверждение, что для развития социальности должны быть применены элементы критического и системного мышления, а также рефлексивные процедуры и философские диалоги, позволяющие в темах СЭЭО осмыслить взаимозависимость людей; существующие моменты единичного, особенного и всеобщего, составляющие природу человека; и стоящие за отношениями людей глобальные этические и нравственные проблемы. Так же, как было понято, в проработке педагогических решений и практик, направленных на социальное, эмоциональное и этическое развитие, возможна опора на классические философские тексты.

Список литературы

1. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / пер. с нем, ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
2. Гегель Г. В. Ф. Феноменология Духа / пер. с нем. Г. Шпет. СПб.: Наука, 2006. С. 93—123.
3. Гегель Г. В. Ф. Философия права / пер. с нем.: ред. и сост. Д. А. Керимов и В. С. Несресянц; авт. вступ. ст. и примеч. В. С. Несресянц. М.: Мысль, 1990. 524 с.
4. Гессен С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию / отв. ред. и сост. П. В. Алексеев. М.: Школа-пресс, 1995. 448 с.
5. Ильенков Э. В. Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. С. 43—56.
6. Кант И. Критика способности суждения СПб.: Наука, 2006. 512 с.
7. Кант И. О педагогике [Электронный ресурс] URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/kant/pedag.php (дата обращения: 15.11.2021).
8. Кожевникова М. Н. 100 лет спустя: современное образование «перед лицом Дьюи» // Педагогика. 2017. С. 115—125.
9. Кожевникова М. Н. Горизонты новой социальности в образовании: кол. монография. СПб.: Изд-во РХГА, 2015. 447 с.
10. Кожевникова М. Н., Неупокоева Н. И. Встреча российской школы с «социально-эмоционально-этическим образованием»: организационно-педагогические условия // Казанский педагогический журнал. 2020. № 6. С. 161—170.
11. Лангмейер Й., Матейчек З. Психическая депривация в детском возрасте. Прага: Авиценум, 1984. 334 с.
12. Лекторский В. А., Труфанова Е. О. Конструктивизм в эпистемологии и науках о человеке // Человек. 2019. Т. 30, № 1. С. 102—124.

13. Лобастов Г. В. и др. Становление личности в детском возрасте // Педагогическое мышление: направления, проблемы, поиски. М.: Русское слово — учебник, 2015. С. 119—129.
14. Муравьев А. Н. О роли философии в образовании вообще и в российском образовании в особенности // Философские науки: спец. вып. «Философский Петербург»: Прил. к журн. «Философские науки». М.: Гуманитарий, 2004. С. 352—366.
15. Пуцаев Ю. В. История и теория Загорского эксперимента. Начало (I) // Вопросы философии. 2013. № 3. С. 132—147.
16. Слинин Я. А. Эдмунд Гуссерль и его «картезианские размышления» // Гуссерль Э. Картезианские размышления / пер. с нем. Д. В. Складнева. СПб.: Наука, 2006. С. 34—38.
17. Страница научно-исследовательской Лаборатории проблем социальной поддержки личности Института педагогики РГПУ им. А. И. Герцена. URL: <https://herzen.spb.ru/main/structure/inst/instp/1570217567> (дата обращения: 15.11.2021).
18. Фихте И. Г. Несколько лекций о назначении ученого // Фихте И. Г. Сочинения. Работы 1792—1801 гг. М.: Ладомир, 1995. С. 481—521.
19. Фихте И. Г. О понятии наукоучения // Фихте И. Г. Сочинения. Работы 1792—1801 гг. М.: Ладомир, 1995. С. 264—270.
20. Фихте И. Г. Основа общего наукоучения // Фихте И. Г. Сочинения. Работы 1792—1801 гг. М.: Ладомир, 1995. С. 282—289.
21. Фихте И. Г. Избранные произведения. М.: Путь, 1916. Т. 1. С. 521 с.
22. Фихте И. Г. Первое введение в наукоучение // Фихте И. Г. Сочинения: в 2 т. СПб.: Мифрил, 1993. Т. 1. С. 443—476.
23. Фихте И. Г. Речи к немецкой нации. СПб.: Наука, 2009. 349 с.
24. Фихте И. Г. Система учения о нравах согласно принципам наукоучения // Фихте И. Г. Система учения о нравах согласно принципам наукоучения; Наукоучение 1805 г.; Наукоучение 1813; Наукоучение 1814 г. / пер. с нем., вступ. ст. В. В. Мурского. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. С. 306—311.
25. Kahneman D., & Tversky A. On the reality of cognitive illusions (англ.) // Psychological Review (англ.) рус.: journal. 1996. Vol. 103, no. 3. P. 582—591. doi:10.1037/0033-295X.103.3.582.
26. The SEE Learning Companion. Social, Emotional, and Ethical Learning. Emory University, Atlanta, 2019. P. 21—29.

УДК 18(091)
ББК 87.8г
DOI: 10.46726/Н.2021.4.18

Н. А. Татаренко

ГЕГЕЛЕВСКАЯ ДИАЛЕКТИКА В СОВЕТСКОЙ ЭСТЕТИКЕ: КОНЦЕПТЫ И ПЕРСОНАЛИИ

В статье анализируется история возникновения интереса к гегелевскому творчеству в России, начиная с 20-х гг. XIX века. Показано, что изучение философии Гегеля, согласно, в первую очередь, известному исследованию Д. И. Чижевского, зарождалось на пересечении потребности в осмыслении истории и социальной жизни в России и интереса непосредственно к идеям Гегеля. Это способствовало тому, что гегелевская философия, в основном, первое время распространялась в устной форме. Гегелевская эстетика не являлась исключением. Несмотря на то, что эта часть философской системы Гегеля стала первым доступным на русском языке текстом философа, сам перевод по многим причинам не соответствовал критериям научного издания. Только в XX веке начинается изучение гегелевского наследия философами-профессионалами. Среди тех, кто сфокусировал свой интерес именно на эстетике Гегеля, были Михаил Лифшиц и Михаил Овсянников — совершенно разные по стилю и характеру текстов мыслители, но одновременно чрезвычайно важные фигуры в отечественном гегелеведении и в процессе осмысления значения гегелевской философии.

Ключевые слова: Гегель, философия Гегеля в России, эстетика, Михаил Лифшиц, Михаил Овсянников, история искусства.

N. A. Tatarenko

HEGEL'S DIALECTICS IN SOVIET AESTHETICS: CONCEPTS AND PERSONALITIES

The article analyzes the history of the emergence of interest in Hegelian philosophy in Russia, starting from the 1820s of the XIX century. It is shown that the study of Hegel's philosophy, according to the famous study of D. I. Chizhevsky, arose at the intersection of the need to comprehend history and social life in Russia and interest directly in Hegel's ideas. This contributed to the fact that Hegel's philosophy at first was mainly spread orally. Hegel's aesthetics was no exception. Despite the fact that this part of Hegel's philosophical system became the first text of a philosopher available in Russian, the translation itself, for many reasons, did not meet the criteria for a scientific publication. Only in the XX century did the study of the Hegel's heritage by professional philosophers begin. Among those who focused their interest specifically on Hegel's aesthetics were Mikhail Lifshits and Mikhail Ovsyannikov — thinkers completely different in style and character of their texts, but at the same time extremely important figures in Russian Hegel studies and in the process of interpretation of Hegel's philosophy.

Key words: Hegel, aesthetics, Hegel's Philosophy in Russia, Mikhail Lifshits, Mikhail Ovsyannikov, art history.

© Татаренко Н. А., 2021

Влияние гегелевской философии на развитие русской общественной жизни сложно переоценить. Как отмечает в своем труде «Гегель в России» Дмитрий Иванович Чижевский, есть «какая-то символически значительная случайность» [17, с. 25] в том факте, что первым учеником Гегеля, о котором до нас дошли сведения, был, если и не этнически русский, то, по крайней мере, происходивший из России человек. Эстляндский барон Борис фон Икскуль после войны с Наполеоном уехал в Гейдельберг учиться в университете, где ему и довелось слушать гегелевские лекции. Через некоторое время Гегель и фон Икскуль познакомились лично и на протяжении нескольких лет (мы не знаем точно, как долго) состояли в переписке. К сожалению, нам пока известно только одно письмо из их переписки — письмо Гегеля к Борису фон Икскулью, датированное 1821 годом. Остальные письма Гегеля сгорели во время пожара в имении барона. Письма же, адресованные фон Икскулем немецкому философу, до сих пор не найдены и уже вряд ли будут обнаружены. В единственном известном нам письме философ выражает радость за своего бывшего студента, подданного Российской Империи, в связи с тем, что Россия, по мысли Гегеля, имеет великое предназначение и особенное будущее: «Остальные современные государства, как может показаться, уже более или менее достигли цели своего развития; быть может, у многих кульминационная точка уже оставлена позади и положение их стало статическим, Россия же, уже теперь, может быть, сильнейшая держава среди всех прочих, в лоне своем скрывает небывалые возможности развития своей интенсивной природы» [1, с. 407], — пишет Гегель. Хотел того Гегель или нет, однако он в некотором смысле предсказал возросшее влияние России на мировой исторической арене следующего столетия. Но что еще более удивительно, так это то, что сам же немецкий философ сыграл в этом процессе, хоть и весьма опосредованно, далеко не последнюю роль. Преемственность же эстетики, являющейся одной из ступеней системы абсолютного духа Гегеля, и теории Маркса о принципах развития общества, достаточно хорошо продемонстрировали в своих работах Михаил Александрович Лифшиц и Михаил Федотович Овсянников.

Появление гегелевской философии в России. Как известно, становление русской философии началось гораздо позже европейской. По словам прот. Георгия Флоровского, «философское пробуждение» России приходится на рубеж 20—30-х гг. XIX века и связано, в первую очередь, с появившейся потребностью русских людей осознать свое место в мире и постичь назначение России в историческом процессе: «И именно «из нашей жизни», из господствующих вопросов и интересов родной жизни, рождается в те годы русская философия. Рождается из историософического изумления, почти испуга, в болезненном процессе национально-исторического самонахождения и раздумья. И рождается именно русская философия, не только — философия в России» [16, с. 301], — так поэтически характеризует Флоровский в своей работе «Пути русского богословия» импульс для зарождения истинно национальной, характерной именно для русского мыслителя, философской традиции. Однако большое значение для возникновения потребности в философском осмыслении действительности имела к тому времени уже значительно развитая и влиятельная на тот момент в Европе немецкая философия. Русская мыслящая общественность не была исключением: лучшие умы России с жадностью впитывали сначала идеи романтизма и шеллингизма, а затем познакомилась с гегельянством. Гегелевские идеи историзма, объективности познания, проявления Абсолютного духа оказались очень близки

русским искателям смысла истории и истины бытия. Началось страстное и повсеместное увлечение гегелевской философией. В 1845 году Иван Киреевский, слушавший за 15 лет до этого лекции Гегеля, так пишет о состоянии современного ему образованного общества в России: «...философские понятия распространились у нас весьма сильно. Нет почти человека, который бы не говорил философскими терминами; нет юноши, который бы не рассуждал о Гегеле; нет почти книги, нет журнальной статьи, где незаметно бы было влияние Немецкого мышления; десятилетние мальчики говорят о конкретной объективности» [5, с. 222]. И, тем не менее, сам же Киреевский отмечает, что в действительности мало кто читал непосредственно Гегеля. В лучшем случае знакомство с немецким идеалистом ограничивалось чтением предисловий, отрывков или заключительных страниц гегелевских трудов, и при этом его философия принималась за «высшую и за единственно возможную» [5, с. 223] только на основании веры в слова «образованных людей», а не самостоятельного логического анализа. Таким образом, гегелевская философия распространялась, главным образом, устно, активно обсуждалась, но происходило это зачастую не из научного интереса к гегелевской философии как таковой и не в результате профессиональных научных дискуссий, а из желания попытаться как бы применить принципы гегелевской философской системы к развитию русской культуры, к судьбе России и русского народа, о чем еще будет сказано.

Пик интереса к гегелевской философии в России XIX века приходится на 30—40-е гг., когда образуются гегельянские кружки. Одним из первых был кружок Николая Станкевича, выросший из группы университетских друзей, сплотившихся вокруг своего организатора во многом благодаря его личным качествам, способности создавать добросердечную и творческую атмосферу, пробуждать интерес товарищей к вопросам искусства и эстетики. Помимо самого Станкевича к членам кружка принадлежали В. Белинский, К. Аксаков, Т. Грановский, позже у них присоединился и будущий революционер М. Бакунин. Будучи поначалу преданным последователем философии Шеллинга, Станкевич в конце 1835 г. знакомится с гегелевской философией, и состоящие в кружке молодые люди начинают вслед за своим лидером изучение гегелевских текстов. Главным знатоком философии Гегеля в кружке считался Михаил Бакунин. Однако фокус его интересов к гегелевской философии приходился, разумеется, на практически-ориентированную, политическую составляющую. Большинство же соратников Станкевича интересовалось проблемами философии истории, общекультурными, эстетическими и духовными нюансами философии Гегеля и их приложением к российской действительности.

Герцен, автор обширного труда «Былое и думы», также во время своего пребывания в Москве в первой половине 1840-х гг. относился к числу русских гегельянцев. Его дом был основным местом, где единомышленники собирались за ужином и активно обсуждали прочитанные главы из гегелевских произведений. Противопоставляя себя кружку Станкевича, где идеи немецкого философа рассматривались лишь умозрительно, а основное внимание уделялось эстетическим вопросам, Герцен отмечал, что философия Гегеля не только вполне применима в действительной жизни и имеет практическое значение, но и оказалась гораздо ближе русским последователям философа, нежели немецким [4].

Примерно в это же время в Московском университете начинается чтение лекций по философии Гегеля. Студенты и преподаватели крайне заинтересованы

немецким идеалистом, но большинство обсуждаемых тем сводилось, как отмечает Чижевский, к таким абстрактным и общим вопросам, как, например, отношение разумности к бытию. Аполлон Григорьев, учившийся в то время в университете и получивший первое представление о гегелевских идеях на студенческой скамье, позже организовывает очередной гегелевский кружок, занимавшийся, прежде всего, философско-эстетическими проблемами. Некоторое время его участники даже издавали литературный журнал.

Но надо отметить, что влияние Гегеля нашло свое выражение не только в Москве и Санкт-Петербурге, но также и в более отдаленных от центра страны городах. Гегелевская философия была по-настоящему в моде [17, с. 47—279]. Это время исканий и усиленной попытки русского человека не только найти свое место в мире, но и попробовать разобраться в непреходящих жизненных вопросах при помощи философии. Система же гегелевской философии как нельзя лучше подходила для решения этих задач: она включала в себя все сферы духовности, весь мировой исторический процесс. Каждый мог найти для себя в ней место для размышлений и отправную точку для дальнейшего согласия или спора с немецким идеалистом.

Наряду с произведениями, написанными непосредственно Гегелем и вышедшими при его жизни, значительной популярностью в России пользовались гегелевские «Лекции по эстетике», изданные после его смерти под редакцией верного ученика Г. Г. Гото. Как отмечает Н. С. Плотников, гегелевская эстетика в XIX веке была, скорее, подчинена вопросам публицистики, что препятствовало научному изучению искусства на основе ее принципов [15, с. 71]. В связи с этим интересной выглядит история с переводами гегелевских «Лекций по эстетике» на русский язык. Примечательно, что именно «Эстетика» была первым произведением Гегеля, переведенным на русский: первые 2 части вышли в Санкт-Петербурге в 1847 г., третья — в Москве в 1859—60 гг. Название опубликованного перевода отличалось от оригинального текста: «Курс эстетики или наука изящного». При этом стоит учесть, что данный перевод был выполнен В. Модестовым не с немецкого текста, а с французского перевода Бенара и представлял собой сокращенное изложение лекций по эстетике Гегеля. Только в 1938—1958 гг. в собрании сочинений Гегеля появился первый научный перевод лекций с немецкого, выполненный Б. Г. Столпнером. Спустя 10 лет (в 1968—1973 гг.) вышел четырехтомник «Эстетика», представляющий собой исправленный вариант перевода лекций с немецкого под редакцией и с предисловием Михаила Лифшица. Написанная им вступительная статья не просто вводит читателя в круг проблем гегелевской эстетики, но, что не менее важно, особенно для историков философии, дает необходимые источниковедческие знания и напоминает о важности всегда принимать во внимание историю создания данного текста, не являющегося написанным непосредственно Гегелем произведением и даже собственноручно им не отредактированным.

Истинное искусство и истинный марксизм: М. А. Лифшиц. Михаил Александрович Лифшиц — фигура неоднозначная, для своего времени даже одиозная, но вызывающая в последние годы большой интерес не только среди философов, но и среди художественных критиков и специалистов в области искусства. По воспоминаниям тех, кому довелось с ним работать, он был человеком невероятной эрудиции и обладал блестящим публицистическим талантом, проявлявшимся не только в письменной, но и в устной речи. Острота языка, граничившая порой с язвительностью, и верность собственным философским взглядам, идущим вразрез с официально принятой советской

идеологией, приводили совсем не к лучшим для него последствиям не только в профессиональной, но и в обыденной жизни. «Так не говорили, не писали, и такого мы не слышали» [12, с. 80], — характеризует неординарность стиля и обсуждаемых Лифшицем проблем российский философ Лев Науменко. Лифшиц, чье детство пришлось на годы революций и постоянной смены власти, как будто впитал в себя бунтарский дух того времени, и всю жизнь был ему верен, не боясь отстаивать свою позицию открыто и громко, критикуя неприемлемые для него явления в советской культуре, подвергаясь при этом всем опасностям и лишениям этого непростого времени. Но еще одно характерно для Лифшица: он всю жизнь считал себя истинным марксистом и боролся с теми, для кого учение Маркса превращалось, по его мнению, в пустую бессмысленную идеологию.

Михаил Лифшиц родился в 1905 г. в Мелитополе, входящем сейчас в состав Украины. Уже в 15 лет он познакомился с работами Ленина и Плеханова. В 1922 г. приехал в Москву для поступления во ВХУТЕМАС (Высшие художественно-технические мастерские), однако уже спустя 3 года разошелся во взглядах на искусство со своими преподавателями, поставив классическое искусство выше советского авангарда. Это послужило причиной его ухода из Мастерских, правда, на некоторое время он еще оставался там в качестве преподавателя марксистской философии. Уже это событие и позиция Лифшица в отношении популярного тогда «левого» искусства СССР во многом определяют его дальнейшее творчество. В это же время Лифшиц всерьез заинтересовался немецкой философией, самостоятельно начал изучать немецкий язык, поставив перед собой задачу изложить эстетическую теорию Маркса на основании его высказываний об искусстве. Для этого он приступил к исследованию неопубликованных рукописей Маркса, внимательно читываясь в тексты одного из основоположников коммунизма, параллельно занимаясь редакторской и издательской деятельностью. В качестве результата проделанной работы вышла брошюра под названием «К вопросу о взглядах Маркса на искусство» [8].

Этой же тематике была посвящена его более ранняя статья «К вопросу об эстетических взглядах Маркса» [9, с. 214—222] 1927 г. В ней Лифшиц обращается к размышлению Маркса о том, что развитие искусства не соответствует развитию общества и его материальных благ. Так, искусство древних греков или творчество Шекспира существовали в гораздо менее развитую в материальном отношении эпоху. Лифшиц ставит перед собой задачу найти закон, связывающий развитие искусства с развитием экономики. И такой закон, основанный на принципах диалектики, существует: это закон отрицания форм, присущий любому развивающемуся явлению. Развиваясь, общество меняется не только с точки зрения материального и технического оснащения, но также происходит и смена форм выражения духовного мира людей: «С каждой новой исторической эпохой исчезает какой-то особенный тип художественного творчества... Греческое искусство, живопись Возрождения, шекспировская драматургия — все эти особенные формы цветущего искусства более не возродимы, и в этом нет решительно ничего таинственного» [9, с. 215—216]. При этом Лифшиц выводит еще один закон развития искусства, ставящий успех художественной деятельности в зависимость от развития и расширения окружающего нас произведенного предметного мира. Данное условие двулико: во-первых, речь идет о большем появлении различных средств, благодаря которым мы лучше постигаем смысл искусства (средства

живописи, музыкальные инструменты и т. д.), а, во-вторых, занятия творчеством не могут обладать утилитарным характером, и для того, чтобы художник имел возможность творить, необходимо создать ему определенные материальные условия для существования. Каково же будущее искусства? В 1927 г., когда в СССР в почете еще авангард, а на западе активно развивается модернизм, Лифшиц не дает однозначно оптимистического прогноза для будущего мирового искусства.

В 1954 г., через некоторое время после смерти Сталина, Лифшиц написал один из своих ключевых текстов — памфлет «Дневник Мариэтты Шагинян» [7], посвященный вышедшей незадолго до этого книге советской писательницы, лауреата Сталинской премии Мариэтты Шагинян [18]. Текст был опубликован в журнале «Новый мир». В нем автор критикует советскую писательницу и журналистку не только за ее мнимую разностороннюю образованность, но и за бессмысленную «писанину», которая не только не может ничему научить начинающих журналистов и писателей, но и намеренно искажает факты и события. Стиль и содержание памфлета не просто ироничны — текст Лифшица камня на камне не оставляет от советско-патриотического произведения Шагинян. После выхода памфлета редактора журнала, писателя Твардовского, отстранили от должности, Лифшиц же приобрел небывалую популярность среди читателей, став при этом для кого-то кумиром, а для кого-то — заклятым врагом.

Начиная с 1950-х гг. Лифшиц в разное время работал в Институте истории, Институте философии АН СССР, в МИФЛИ (Институт, который позже станет философским факультетом МГУ), в Институте искусствознания АН СССР. В 60-х гг. он обратился к теме, начало которой было положено еще во время его учебы во ВХУТЕМАСе: теме борьбы с модернизмом. В одном из пражских журналов появилась его работа «Почему я не модернист?» (название своему эссе Лифшиц сформулировал в духе расселовского заголовка «Почему я не христианин?») [11, с. 40]), затем в 1968 г. вышла книга под названием «Кризис безобразия». Для советских людей, совершенно не знакомых в то время с западным искусством, данный труд стал источником абсолютно новых знаний. Здесь впервые представлена информация о работах Дюшана, Поллока, Уорхола, Раушенберга и других значимых фигур современного искусства, дано представление о перформансе как о новом виде искусства. Для советских искусствоведов и художников это был колоссально важный труд, приоткрывший окно в мир современного искусства западных стран.

Итак, почему Лифшиц не считает себя модернистом? В начале статьи он дает краткий ответ: потому что модернизм связан с культом силы, радостью уничтожения, любовью к жестокости, жаждой бездумной жизни, слепого повиновения. Модернизм — это новое суеверие наподобие позднеримских верований, пропагандирующее главенство силы над разумом, искусство неуправляемой толпы [11, с. 52—53]. Автор связывает появление фашизма и других националистических движений с деградацией искусства и принятием модернизма в качестве основного направления в культуре разных стран. При этом понятие модернизма по Лифшицу не ограничивается лишь авангардом, кубизмом, сюрреализмом и т. д. В него же он включает и псевдоклассику как стремление воссоздать элементы викторианского стиля, возвращение образов первобытного искусства в виде примитивизма. Модернизм часто воссоздает фальшивые формы классического реализма ушедших эпох. Модернизм «изменчив и многолик», но все его проявления стремятся к одной

цели: бегству от осознанности, в «немыслящий мир» [11, с. 51]. Данное стремление Лифшиц видит противоположным взглядам Маркса и Ленина, выступавшим за формирование народа, состоящего из сознательных личностей. Язык форм, пишет Лифшиц, это и есть язык духа, язык эпохи, или философия. Стремление подражать формам прежних времен, при этом нагружая их новым, современным содержанием, может, по мнению автора, вызывать лишь жалость. «Да, превосходно искусство подлинных примитивов... Многому можно научиться у старых мастеров нашей старой Европы, у африканцев, народных художников доколумбовой Америки», — пишет Лифшиц. Но «нельзя вернуться обратно в чрево матери», — как сказал Гете. Насколько обаятельно детство, настолько же дико желание взрослого сложить с себя бремя мысли и казаться ребенком» [11, с. 54]. Все это перекликается с гегелевскими рассуждениями о судьбе искусства и о его взгляде на искусство прошедших времен: «Мы можем находить греческие статуи богов превосходными, а изображения бога отца, Христа и Марии достойными и совершенными, — это ничего не изменит: — мы все же не преклоним колен» [3, с. 111—112]. Еще одно противоречие с истинным назначением искусства в современном мире Лифшиц видит в изменении роли личности художника. Если раньше личность художника оставалась позади его творения, то теперь художник идет будто бы впереди своего творчества. На первом месте он как личность, как субъект, и лишь благодаря его личности, тому, что он сам называет себя художником, каждое его действие причисляется к ряду произведений искусства. В этом же кроется причина успеха перформансов и появление в качестве музейных экспонатов совершенно немислимых ранее предметов. У Гегеля мы находим следующее высказывание: «После того как художник сделал предмет всецело своим достоянием, он должен уметь забыть свою субъективную особенность, ее случайные черты и полностью погрузиться в материал, так что он в качестве субъекта будет представлять собой как бы форму для формирования овладевшего им содержания. Вдохновение, при котором субъект рисует и старается проявить себя в качестве субъекта, вместо того, чтобы быть органом и живой деятельностью самого предмета, является дурным вдохновением» [3, с. 229]. Таким образом, и Лифшиц, и Гегель отстаивают объективность искусства в качестве его основополагающей характеристики.

Истинное искусство — это объективное искусство, способное выражать истину, иными словами, согласно Лифшицу, это искусство реализма. Но для Лифшица понятие «реализм» не сводится к одному из художественных направлений. Реализм — это изображение реальных образов действительности. При этом данные образы не всегда были реалистическими, не всегда существовала адекватная способность изображения действительности, говорит Лифшиц гегелевскими словами. Наполнение понятия «реализм» зависит от конкретной исторической эпохи, в каждый момент развития он обладает определенными особенностями. И это не исключение, пишет Лифшиц. Зачастую такое же противоречивое и нелинейное развитие демонстрирует история философской мысли. Что же касается искусства, то «истина в искусстве многообразна и в многообразии ее заключены противоположные тенденции» [10, с. 538]. Не может быть предельно конкретного определения реализма, поскольку его содержание определяется исторической эпохой. Таким образом, реализм — это изображение действительных образов определенной эпохи, осуществленное именно во время существования этой же эпохи. Таково

истинное искусство по Лифшицу, напрямую связанное с гегелевским описанием исторического развития искусства.

Последняя работа Михаила Лифшица, не опубликованная при жизни автора и оставшаяся незавершенной — «Эстетика Гегеля и современность» — также перекликается с темой современного состояния искусства и попытками его осмысления. В ней автор ставит перед собой задачу «оживить» гегелевские понятия, вдохнуть в них смыслы материализма и перевести таким образом на близкий современному человеку язык формул «Лекций по эстетике» Гегеля. Вместе с тем он выводит основные ошибки, на которых строится каркас современного искусства. Такое искусство, пишет Лифшиц, противоречит не только гегелевской теории, но и принципу созидания, принадлежащему самой сути искусства.

Главный интерес Лифшица связан с тем, чтобы понять, что же именно Гегель имеет в виду под истиной в искусстве. Истина — это краеугольный камень философии искусства Гегеля. Красота, по Гегелю, есть истина, истина в форме созерцания. Искусство раскрывает нам истину в чувственной форме. Но может ли быть прекрасным даже самое лучшее изображение некрасивого объекта или точное описание морально низкого действия? Лифшиц разворачивает этот вопрос в сторону субъекта: дело в том, «как удалось субъекту осуществить свой замысел, передать другим людям идею, выраженную им в образах реальности», а не в объекте искусства. При этом для художника уже не существует деления на прекрасное и безобразное. Соответственно и истина, раскрываемая в таком искусстве, перестает быть обязательным свойством реального, изображаемого объекта. Теперь сам художник решает, что будет истиной для него и для созерцателей его работ. Если же мы обратимся к истине в науке и соотнесем ее с истиной, присущей искусству, мы поймем, пишет Лифшиц, что истина в научном смысле как соответствие наших представлений объектам, является лишь одним из моментов художественной истины. Иначе искусство превратилось бы в голую констатацию фактов. Отчасти современное научно-техническое развитие общества объясняет желание людей уйти в сферу большей свободы и фантазии, присущей искусству авангарда. Но существует и другое понимание истины: «истинное бытие, царство подлинного, благородного, норма свободного человека, истина как добро, идеал будущего», пишет Лифшиц. И именно такой смысл гегелевского понятия истинного в искусстве и видит автор статьи. Более того, он выводит появление этого смыслового содержания у Гегеля из реального исторического события — Французской революции. Когда мы говорим о том, что нечто истинно, мы подразумеваем, что этот объект равен своему понятию. Так, истинный друг, истинное произведение искусства, истинное государство являются истинными в действительности, когда их реальность соответствует их понятиям. Таким образом, пишет Лифшиц, все же не художник решает, что истинно, а что нет — истина существует для Гегеля в реальности. Современное же искусство предполагает противоположное понятие истины, и в этом Лифшиц видит его противоречие гегелевской эстетической теории: «Согласно Гегелю, ложное есть “нечто распадающееся внутри самого себя”, а это и есть принцип так называемого современного искусства — принцип отрицания нормы, идеала, самооправдания жизни. В отличие от гегелевской традиции эстетика этого искусства выдвигает на первый план не прелесть реальных форм, а горечь и сарказм голого отрицания. Именно понятие истины более всего враждебно так называемому современному искусству. Объективный

мир сам по себе лишен для него всякого смысла. Все истины условны, а сила художника измеряется тем, насколько он способен зашифровать свое послание зрителю знаками-иероглифами».

Продолжая исследование истины у Гегеля, Лифшиц отмечает, что для Гегеля истинное имеет всеобщий, субстанциальный характер, а ложное — это нечто мелкое, единичное. Переводя «старомодное», как выражается Лифшиц, слово «субстанция» на современный язык, он определяет его как конкретное историческое существование. Искусство предназначено для достижения именно субстанциальной цели, то есть для того, чтобы явить собою реальное бытие, действительный характер народа и эпохи, а не для морализаторства или простого чувственного удовольствия от его созерцания. Этот принцип — основа всей гегелевской эстетики. Кроме того, и сам художник должен быть действительным выразителем своей эпохи. Только в этом случае искусство сможет стать истинным.

Наконец, нельзя не указать еще одно направление научной работы Лифшица. Он был одним из первых (и все еще немногих) русскоязычных исследователей гегелевской эстетики, кто обратил внимание на проблему достоверности первоисточников по философии Гегеля и представил картину истории издания первого собрания сочинений Гегеля. Как известно, Гегель скоропостижно скончался, так и не успев подготовить к печати лекционные курсы, к которым относились и лекции по эстетике. Образовавшийся после этого печального события «Союз друзей усопшего» поставил перед его членами цель подготовить в максимально короткие сроки собрание сочинений учителя. Редактором «Лекций по эстетике» был Генрих Густав Гото, ученик Гегеля, будущий профессор и специалист по философии культуры. Как показывают современные исследования на базе Гегелевского архива в Бохуме, Гото многое отредактировал исходя из желания представить читателям философию искусства, идеально вписывающуюся в гегелевскую систему. При этом некоторые существенные моменты были упущены, а главное, гегелевская эстетика была представлена как завершенная философская дисциплина. Конечно, Лифшиц не мог иметь в распоряжении лекционных конспектов разных лет, но он очень пронизательно увидел саму проблему и ее важность для научного исследования гегелевской эстетики.

Михаил Лифшиц умер в 1983 г. При его жизни было опубликовано 4 книги и 3 брошюры. Некоторые статьи были напечатаны в периодических изданиях. Остальные многочисленные материалы остались в виде рукописей — всего около 700 папок. Сам Лифшиц так и не успел изложить собственную законченную теорию. В переписке с друзьями он часто сетовал на то, что ему не хватает то времени, то усидчивости для этого, но надеялся, что после него кто-то сможет воссоздать целостную картину его взглядов.

В 1984 г. вышел первый том трехтомного собрания сочинений Лифшица. Конечно, три тома не могут охватить всего написанного этим талантливым и непростым исследователем, но они дают представление о его творческом пути. Одним из рецензентов данного трехтомника был Михаил Федотович Овсянников, преподаватель эстетики МГУ и исследователь гегелевской философии.

Исследование гегелевской эстетики в Московском университете: М. Ф. Овсянников. Профессор Михаил Федотович Овсянников представляет собой одну из ключевых фигур в истории философского факультета Московского университета и советского гегелеведения. По образованию филолог,

но при этом ученик Георга Лукача и Валентина Асмуса, он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Судьба искусства в капиталистическом обществе у Гегеля и Бальзака» (отмечу, что оппонентами были Г. Лукач и М. Лифшиц) и после защиты был принят в штат философского факультета МГУ. В 1947 г. был уволен при вмешательстве Белецкого [6, с. 127—129] за распространение гегелевского учения, считавшегося им, наряду с немецкой классической философией в целом, источником фашизма. В 1955 г. его опять пригласили на философский факультет, а с 1968 по 1974 г. он занимал пост декана факультета. Овсянников является одним из наиболее значительных исследователей гегелевской философии и, в частности, его эстетики в России. При этом его деятельность и вклад в науку не сводились только к преподавательской и исследовательской работе. Его огромная заслуга заключается в создании в 1960 г. на философском факультете кафедры этики и эстетики и в дальнейшем — в выделении кафедры эстетики в качестве самостоятельной структуры, которую Овсянников возглавлял до самой смерти [6, с. 135]. Во многом благодаря Михаилу Федоровичу эстетика в нашей стране смогла обрести свое собственное место в структуре философского знания наравне с другими философскими дисциплинами. С 1963 г. Овсянников также возглавлял сектор эстетики Института философии АН СССР.

В знак памяти и признания его заслуг с 2005 г. в МГУ проводится Овсянниковская международная эстетическая конференция, посвященная изучению проблем современной и классической эстетики, а также воспоминаниям о жизни и творческом пути М. Ф. Овсянникова.

В фокусе исследований Овсянникова всегда была гегелевская философия, но особенный интерес у него вызывала эстетика Гегеля. Среди основных трудов можно назвать такие, как «Гегель», «Философия Гегеля», «История эстетической мысли», «Эстетика в прошлом, настоящем и будущем» и др. В своей работе «История эстетической мысли» Овсянников рассматривает развитие эстетических концепций, начиная с эпохи Древней Греции и Древнего Рима и заканчивая взглядами К. Маркса и Ф. Энгельса. Эстетике Гегеля автор уделяет достаточно большое внимание, анализируя основные идеи философии искусства, а также стараясь выстроить историю развития эстетических взглядов немецкого философа. Автор довольно подробно и четко описывает основные понятия философии искусства Гегеля, такие как: идеал, формы искусства, понятие и функции самого искусства. Большим достоинством данного текста является то, что М. Ф. Овсянников делает акцент на принципе историзма Гегеля и связывает его эстетику с развитием философской системы Гегеля в целом. Здесь есть также интересная мысль о том, что Гегель в своей эстетике, пусть и смутно, предсказал развитие искусства начала XX века.

Овсянников придерживался мысли о том, что эстетическое учение Гегеля трансформировалось на протяжении всей его жизни. Очень важно, что при анализе гегелевской философии искусства он использует не только «Лекции по эстетике», но и тексты «Феноменологии» и «Энциклопедии». Если в трудах молодого Гегеля Тюбингенского периода чувствуется преклонение перед античностью и революционный настрой, то в более поздних работах Гегель, по словам Овсянникова, «уже приходит к выводу о невозможности построения современного общества по античному образцу» [14, с. 250].

Овсянников справедливо отмечает, что Гегель ограничивает сферу эстетики искусством, поскольку через творческую деятельность человек познает истинное проявление духа. В результате своей свободной деятельности мы

как бы удваиваем себя, являясь и природными существами, и созидателями, созерцающими и сознающими себя в творчестве, и через это действие мы становимся причастны также и духу. Именно эту мысль о связи эстетического и человеческой деятельности Овсянников ставит выше других положений Гегеля. Человек сам создает внешний мир, при этом практическая деятельность носит определенный характер в зависимости от той или иной эпохи.

Именно по этой причине Гегель выносит за рамки эстетики рассмотрение прекрасного в природе, лишь бегло рассматривая природное и объясняя свою позицию в этом вопросе. Теперь, имея в нашем распоряжении записи гегелевских лекций разных лет, мы можем точно сказать, что довольно большой раздел о прекрасном в природе лекций по эстетике под редакцией Г. Г. Гото был дополнен и расширен не Гегелем, а редактором. Это подробно показывает в своих исследованиях Аннемари Гетманн-Зиферт [19]. Удивительно, что Овсянников, не знакомый с этими источниками, так как на тот момент они еще не были опубликованы, заметил данное несоответствие в «Лекциях по эстетике»: «С одной стороны, он считает, что прекрасное в природе не может быть предметом анализа в науке эстетике. С другой стороны, Гегель все же подвергает разбору прекрасное в природе, которое, согласно ему, опять-таки имеет своим источником идею» [14, с. 253—254].

Гегелевская эстетика опирается в основе своей на социально-историческое развитие общества, состоящего из отдельных народов. Искусство развивается не спонтанно, а последовательно, в зависимости от социального и духовного преобразования людей. Искусство трактуется как самопознание абсолютного духа в форме созерцания. Как пишет М. Ф. Овсянников, «в некотором смысле искусство есть современная ему, то есть искусству, эпоха, постигнутая в конкретно-чувственной форме» [13, с. 56]. Каждая форма искусства связана с определенным образом жизни народа, с государственным устройством, формой правления, с нравственностью, общественной жизнью, наукой и религией. Искусство проникает во все сферы жизни людей. И эти тезисы, взятые в некоей более общей форме выражения, совершенно верны, а с современной точки зрения подчас кажутся тривиальными. Другое дело, что формы их обоснования и конкретного раскрытия весьма разнообразны. В пределах философии Гегеля и его системы главным и здесь является опора на общие предпосылки его философии: в основе всех родственных феноменов — искусства, религии, науки, форм правления и т. д. — лежит, как отмечает Гегель в «Энциклопедии», дух [2, с. 386]. Общие положения такого рода вполне применимы к искусству (даже тогда, когда его произведения кажутся «бездуховными»). Гегель, однако, подчеркивает — и с полным на то основанием: в качестве *основного* выразителя духовного содержания жизни общества искусство пребывает не всегда, а лишь в тот период, когда оно способно максимально выполнить эту задачу.

Несмотря на то, что работы Овсянникова и Лифшица были написаны в эпоху господства марксистско-ленинской идеологии, они все еще актуальны и могут рассматриваться не только как вехи в истории развития гегелеведения в России, но и — с некоторыми оговорками — как важный материал для исследования отдельных вопросов эстетики Гегеля.

Труды как Михаила Лифшица, так и Михаила Овсянникова имеют, на мой взгляд, важное значение для исследования и правильного понимания гегелевской эстетики в русскоязычном пространстве, где не так много трудов посвящено данной тематике. Если Лифшиц, обладавший прекрасным

литературным талантом, всячески демонстрировал свою приверженность взглядам Гегеля и Маркса, завораживая живостью слога, то Овсянников был одним из первых историков философии, кто смог доступным языком изложить гегелевскую эстетическую мысль и для студентов, и для широкого круга читателей.

Список литературы

1. Гегель Г. В. Ф. Гегель — фон Икслюю. Берлин, 28 ноября 1821 г. // Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1973. С. 407.
2. Гегель Г. В. Ф. Философия духа // Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1977. 472 с.
3. Гегель Г. В. Ф. Эстетика: в 4 т. Т. 1 / под ред. и с предисл. М. Лифшица. М.: Искусство, 1968. 312 с.
4. Герцен А. И. Былое и думы: в 3 т. Ч. 4—5. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. 1920 с.
5. Киреевский И. В. «Опыты науки философии» Сочинение Ф. Надеждина // Киреевский И. В. Критика и эстетика / под ред. М. Ф. Овсянникова (пред.) и др. М.: Искусство, 1979. С. 222—224.
6. Корсаков С. Н. Михаил Федотович Овсянников / Корсаков С. Н. Деканы философского факультета МГУ: библиографические очерки // Философский факультет МГУ им. М. В. Ломоносова: страницы истории / под ред. А. П. Козырева. М.: Изд-во Московского университета, 2011. С. 126—153.
7. Лифшиц М. А. Дневник Мариэтты Шагинян // Новый мир. 1954. № 2. С. 206—231.
8. Лифшиц М. А. К вопросу о взглядах Маркса на искусство. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1933. 132 с.
9. Лифшиц М. А. К вопросу об эстетических взглядах Маркса // Лифшиц М. А. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. М.: Изобраз. искусство, 1984. С. 214—222.
10. Лифшиц М. А. К спорам о реализме // Лифшиц М. А. Мифология древняя и современная. М.: Искусство, 1980. С. 497—545.
11. Лифшиц М. А. Почему я не модернист? // Лифшиц М. А. Почему я не модернист? / сост., предисл., коммент. В. Г. Арсланова. М.: «Искусство — XXI век», 2009. С. 40—56.
12. Науменко Л. К. Мифология живая и мертвая // Михаил Александрович Лифшиц / под ред. В. Г. Арсланова. М.: РОССПЭН, 2010. С. 78—173.
13. Овсянников М. Ф. Гегель о методологических проблемах эстетических исследований // Эстетика Гегеля и современность / отв. ред. Мих. Лифшиц. М.: Изобразительное искусство, 1984. С. 52—70.
14. Овсянников М. Ф. История эстетической мысли. М.: Высшая школа, 1984. 336 с.
15. Плотников Н. С. Искусство и действительность. Гегель, Шпет и русская эстетика // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2015. № 4 (32). С. 71—84.
16. Флоровский Г. Пути русского богословия. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 848 с.
17. Чижевский Д. И. Гегель в России. СПб.: Наука, 2007. 411 с.
18. Шагинян М. Дневник писателя (1950—1952). М.: Советский писатель, 1953. 512 с.
19. Gethmann-Siefert A. Einführung in Hegels Ästhetik. München: Wilhelm Fink Verlag, 2005. 376 S.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БАЛДИН Кирилл Евгеньевич — доктор исторических наук, профессор, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, kebaldin@mail.ru

BALDIN Kirill Yevgenyevich — Doctor of Sciences (History), Professor, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, kebaldin@mail.ru

ВЕТЧИНИН Никита Михайлович — аспирант, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, nikitavetchinin@mail.ru

VETCHININ Nikita Mihajlovich — postgraduate student, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, nikitavetchinin@mail.ru

ГОРЕЛОВ Олег Сергеевич — доктор филологических наук, доцент кафедры отечественной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, og-rus@inbox

GORELOV Oleg Sergeyevich — Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor of the Department of Russian Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, og-rus@inbox

ГУСЕВА Марина Александровна — кандидат исторических наук, доцент кафедры общеобразовательных дисциплин, Ивановская ГСХА, г. Иваново, Россия, gmar@inbox.ru

GUSEVA Marina Aleksandrovna — Candidate of Sciences (History), Associate Professor, the Department of General Educational Disciplines, Ivanovo State Agricultural Academy, Ivanovo, Russia, gmar@inbox.ru

ЕВСЕЕВ Владимир Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Институт гуманитарных наук, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, yevseyev@mail.ru

EVSEEV Vladimir Alexandrovich — Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of General History and International Relations; Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, yevseyev@mail.ru

КОМИССАРОВ Владимир Вячеславович — доктор исторических наук, профессор кафедры общеобразовательных дисциплин, Ивановская ГСХА, г. Иваново, Россия, cosh-kin@mail.ru

KOMISSAROV Vladimir Vyacheslavovich — Doctor of Sciences (History), Professor, Department of General Educational disciplines, Ivanovo State Agricultural Academy; Ivanovo, Russia, cosh-kin@mail.ru

КУЧМАРЕНКО Лилия Сергеевна — аспирант, кафедра истории зарубежных литератур, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия, lilyaetro@gmail.com

KUCHMARENKO Liliia Sergeevna — Postgraduate student, Department of History of Foreign Literature, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia, lilyaetro@gmail.com

ЛЕБЕДЕВ Никита Сергеевич — кандидат философских наук, научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории проблем социальной поддержки личности, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, niklebed@icloud.com.

LEBEDEV Nikita Sergeevich — Candidate of Sciences (Philosophy), Researcher of the Research Laboratory for Problems of Social Support of Personality, Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen, St. Petersburg, Russia, niklebed@icloud.com.

ЛУКЪЯНОВА Софья Михайловна — кандидат филологических наук, доцент отделения журналистики, рекламы и связей с общественностью, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, ivsu-info@yandex.ru

LUKYANOVA Sofya Mikhailovna — Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, ivsu-info@yandex.ru

МЕЛИКЯН Мерине Акоповна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, melikyanma@ivanovo.ac.ru.

MELIKYAN Merine Akopovna — Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor of the Department of Philosophy, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, melikyanma@ivanovo.ac.ru.

ОСМАНОВА Кира Павловна — ассистент, кафедра зарубежной литературы филологического факультета, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, osmanovakira@gmail.com

OSMANOVA Kira Pavlovna — Assistant Professor, Foreign Literature Department, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia, osmanovakira@gmail.com

ПАВЛЫЧЕВ Вадим Александрович — студент, кафедра отечественной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, golbert999@gmail.com

PAVLYCHEV Vadim Alexandrovich — student, Department of Russian Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, golbert999@gmail.com

РАГАСОВА Симона — стажер-исследователь кафедры отечественной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия, simona.ragasova@gmail.com

RAGASOVA Simona — Intern, Department of Russian Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, simona.ragasova@gmail.com

СЕЛЕЗНЕВ Федор Александрович — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории, Институт международных отношений и мировой истории ННГУ, Нижний Новгород, Россия, fseleznev@mail.ru

SELEZNEV Fedor Aleksandrovich — Doctor of Sciences (History), Professor Department of Regional Studies and Local History, Institute of International Relations and World History Lobachevsky Nizni Novgorod State University, Nizhni Novgorod, Russia, fseleznev@mail.ru

СМИРНОВ Григорий Станиславович — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, gssmirnov@mail.ru

SMIRNOV Grigory Stanislavovich — Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Professor of the Department of Philosophy, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, gssmirnov@mail.ru

СМИРНОВ Дмитрий Григорьевич — доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии, Институт гуманитарных наук, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, Россия, г. Иваново, smirnovdg@ivanovo.ac.ru.

SMIRNOV Dmitry Grigorievich — Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Head of the Philosophy Department, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Russia, Ivanovo, smirnovdg@ivanovo.ac.ru.

СТУКМАНОВ Павел Андреевич — студент, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, pavel_smirnov_98@bk.ru

STUKMANOV Pavel Andreevich — Student, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, pavel_smirnov_98@bk.ru

ТАТАРЕНКО Наталия Анатольевна — кандидат философских наук, научный сотрудник сектора истории западной философии Института философии РАН. Институт философии РАН. Российская Федерация, г. Москва, Россия, nataliya.koreneva@gmail.com

TATARENKO Nataliya Anatolyevna — Candidate of Sciences (Philosophy), Research fellow, Department of the History of Western Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, nataliya.koreneva@gmail.com

ТУМАКОВ Денис Васильевич — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и философии, Ярославский государственный медицинский университет Минздрава России, г. Ярославль, Россия, denistumakov@yandex.ru

TUMAKOV Denis Vassilyevich — Candidate of Sciences (History), Senior Lecturer in the Department of History and Philosophy, Yaroslavl State Medical University of the Ministry of Health of Russia, Yaroslavl, Russia, denistumakov@yandex.ru

ТЮЛЕНЕВА Елена Михайловна — доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, talen@rambler.ru

TYULENEVA Elena Mikhailovna — Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Russian Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, talen@rambler.ru

ХУСНУТДИНОВ Арсен Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия, arsen1418@mail.ru

KHUSNUTDINOV Arsen Alexandrovich — Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Russian Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, arsen1418@mail.ru

ЮДИН Кирилл Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культурологии, Ивановский государственный химико-технологический университет, г. Иваново, Россия, kirill-yudin.hist@mail.ru

YUDIN Kirill Alexandrovich — Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History and Cultural Studies, Ivanovo State University of Chemistry and Technology, Ivanovo, Russia, kirill-yudin.hist@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА СЕРИЯ: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»

Научный журнал «Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки» учрежден Ивановским государственным университетом. Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-60993 от 5 марта 2015 г.), в Международном центре ISSN (номер 2219-5254) и Национальном агентстве ISSN (номер 2500-2791 (online)). Входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Журнал размещается в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU, включен в систему РИНЦ (Российского индекса научного цитирования). Полнотекстовые версии статей доступны на сайте Научной электронной библиотеки: <https://elibrary.ru/contents.asp?titleid=32858> и Ивановского государственного университета: http://ivanovo.ac.ru/about_the_university/science/magazines/herald/humanities/index.php

Журнал публикует оригинальные статьи в области гуманитарных наук, а также материалы, посвященные актуальным гуманитарным проблемам (публикации, обзоры, хронику научной жизни, рецензии и др.). Периодичность издания — четыре номера в год.

Редакция принимает к публикации материалы, соответствующие специализации журнала, отличающиеся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимости, ранее не опубликованные в других изданиях.

Авторами статей могут быть ученые-исследователи, докторанты, аспиранты, соискатели.

Все публикации проходят проверку на обнаружение текстовых заимствований в системе «Антиплагиат». Редакция принимает статьи, оригинальность которых составляет не менее 70 %.

Статьи направляются в редакцию **только в электронном виде** по адресу:

vestnik.ivgu@mail.ru

(ответственному секретарю Олегу Сергеевичу Горелову).

Материалы, представляемые в редакцию, должны быть оформлены в виде следующих файлов:

1) текст статьи с аннотацией, ключевыми словами на русском и английском языке и сведениях об авторе;

2) отзыв научного руководителя / консультанта для аспирантов и соискателей (отсканированный вариант с подписью и с печатью).

Требования к оформлению статей

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word. Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат — А4; поля — верхнее 2,7 см, левое и правое 4 см, нижнее 4,6 см; гарнитура (шрифт) — Times New Roman; кегль — 11; межстрочный интервал — одинарный; абзацный отступ — 1 см.

Минимальный объем текста статьи с аннотацией, ключевыми словами и списком литературы — не менее 12 тыс. знаков. Максимальный объем текста статьи — не более 30 тыс. знаков с пробелами. Статьи большего объема могут приниматься в случае мотивированной необходимости представить развернутые результаты исследования, а также при высокой теоретической и/или практической значимости публикации.

Материал должен быть оформлен в следующей последовательности:

Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. № 1. С. XX—XX.

Bulletin of the Ivanovo State University. Series: Humanities. 2022. No. 1. P. XX—XX.

Научная статья

УДК

DOI:

НАЗВАНИЕ

(Times New Roman, полужирный шрифт, кегль 12, выравнивание по левому краю)

Имя, отчество, фамилия (Times New Roman, полужирный шрифт, курсив, кегль 12, выравнивание по левому краю)

Аффилиация (название университета, организации и т. д.), город, страна, e-mail (Times New Roman, кегль 10).

Аннотация. На русском языке (150—200 слов), Times New Roman, кегль 10.

Ключевые слова: на русском языке (5—6 слов и/или словосочетаний), Times New Roman, кегль 10.

Благодарности: работа выполнена при поддержке... (при необходимости. Times New Roman, кегль 10).

Для цитирования: *Фамилия И. О.* Название статьи // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. № 1. С. XX—XX. (Times New Roman, кегль 10).

Original article

НАЗВАНИЕ на английском языке

(Times New Roman, полужирный шрифт, кегль 12, выравнивание по левому краю)

Имя О. Фамилия на английском языке (Times New Roman, полужирный шрифт, курсив, кегль 12, выравнивание по левому краю)

Аффилиация на английском языке (название университета, организации и т. д.), город, страна, e-mail (Times New Roman, кегль 10).

Abstract. На английском языке (150—200 слов), Times New Roman, кегль 10.

Keywords: на английском языке (5—6 слов и/или словосочетаний), Times New Roman, кегль 10.

Acknowledgments: the work was supported by... (при необходимости. Times New Roman, кегль 10).

For citation: *Familiya I. O.* Article title, *Bulletin of the Ivanovo State University, Series: Humanities*, 2022, no. 1, pp. XX—XX.

(Times New Roman, кегль 10).

Основной текст статьи (Times New Roman, кегль 11).

- для выделения слов, фрагментов текста можно использовать курсив, подчеркивание. Разбивка не допускается;
- переносы только автоматические;
- между инициалами и фамилией ставится непрерывный пробел (shift + ctrl + пробел);
- при цитировании используются кавычки «», при внутреннем цитировании ставятся “ ”;
- должно соблюдаться пунктуационное и графическое отличие «—» (тире: ctrl + alt + минус на правой числовой клавиатуре) от «-» (дефиса);
- для обозначения промежутка между датами, номерами страниц и т. п. используется «—» (тире). Например, 1920—1930 гг., с. 258—259;
- все текстовые примеры на иностранных языках должны быть снабжены русским подстрочником.

Ссылки в тексте статьи приводятся в **квадратных** скобках в строгом соответствии с приставным «**Списком источников**», напр. [1, с. 6].

Сноски постраничные, ставятся автоматически. В сноски выносятся комментарии, примечания, дополнительная информация. Ссылки на источники и исследования, упоминаемые в сносках, оформляются так же в квадратных скобках.

Список источников

Шрифт Times New Roman 10, ФИО авторов *курсивом*.

Список источников формируется по алфавитному принципу, нумерация автоматическая. Библиографическое описание источников к статье оформля-

ется в соответствии с ГОСТом 7.0.5—2008. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

Например:

1. Будницкий О. Мужчины и женщины в Красной армии (1941—1945) // *Cahiers du Monde Russe*. 2011. Vol. 52, № 2—3. С. 405—422.
2. Героини: очерки о женщинах — Героях Советского Союза / ред.-сост. Л. Ф. Торопов. М.: Политиздат, 1969. 447 с.
3. Линдсей Ш. Женщина и война: исследование МККК о воздействии вооруженного конфликта на женщин. М.: Междунар. ком. Красного Креста, 2003. 346 с.

References

Шрифт Times New Roman 10, нумерация автоматическая.

Например:

1. Budnitskii O. Men and women in the Red Army (1941—1945), *Cahiers du Monde Russe*. 2011. Vol. 52, no. 2—3, pp. 405—422.
2. Lindseï Sh. Woman and war: МККК study on the impact of armed conflict on women, Moscow: Mezhdunarodnyï komitet Krasnogo Kresta; 2003. 447 p.
3. Toropov L. F. (ed.) Heroins: Essays on women — Heroes of the Soviet Union, Moscow: Politizdat; 1969. 346 p.

Статья поступила в редакцию XX.XX.2021; одобрена после рецензирования XX.XX.2021; принята к публикации XX.XX.2021.

The article was submitted XX.XX.2021; approved after reviewing XX.XX.2021; accepted for publication XX.XX.2021.

Информация об авторе / Information about the author

Фамилия Имя Отчество — ученая степень, должность, организация, город, страна, e-mail (на русском и английском языках)

Порядок рецензирования рукописей статей

Все статьи, поступившие в редакцию, проходят независимое рецензирование.

Статьи аспирантов и соискателей принимаются и передаются на рецензирование только при наличии положительного отзыва научного руководителя/консультанта. Сопроводительные документы должны быть подписаны и заверены печатью (присылаются сканом на электронную почту).

О поступлении статьи и ее дальнейшем рецензировании ответственный секретарь сообщает авторам по электронной почте. Если формальные требования к материалам, представленным на публикацию, не выполнены, то статья к публикации не принимается «по формальным признакам» и об этом сообщается автору.

Рецензирование проводится конфиденциально для автора рукописи, носит закрытый характер. Для проведения рецензирования рукописей статей в качестве рецензентов могут привлекаться как члены редакционной коллегии

журнала, так и высококвалифицированные ученые и специалисты, в том числе из других организаций.

Рецензент оценивает: соответствие содержания статьи ее названию; актуальность и новизну рассматриваемой в статье проблемы, обоснованность и продуктивность методов исследования объекта, оригинальность решения проблемы и значимость полученных выводов, логику и стиль изложения, целесообразность публикации статьи.

Копии рецензий направляются в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации при поступлении в редакцию соответствующего запроса.

Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются с учетом создания условий для оперативной публикации статьи, но не более 6 месяцев.

При наличии отрицательной рецензии на рукопись статья отклоняется с обязательным уведомлением автора о причинах такого решения. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается.

Не допускаются к публикации в научном журнале статьи:

- содержащие ранее опубликованный материал;
- содержащие недобросовестные заимствования;
- представленные без соблюдения правил оформления публикаций;
- авторы которых отказываются от технической доработки публикации;
- авторы которых не выполняют конструктивные замечания рецензента или аргументировано не опровергают их;
- представляющие собой отдельные этапы незавершенных исследований.

Редколлегия имеет право на собственное редактирование присланной рукописи без ущерба для ее содержания и авторского стиля.

Редколлегия журнала не хранит и не возвращает рукописи, не принятые к печати. Рукописи, принятые к публикации, не возвращаются.

Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научного или технического уровня.

Редакционная этика

Редакция журнала руководствуется рекомендациями Международного комитета по публикационной этике (COPE). В соответствии с этим сформированы следующие **этические правила сотрудничества редколлегии и авторов.**

Для авторов:

- авторы несут персональную ответственность за содержание материалов, точность перевода аннотации, цитирования, библиографической информации, а также за сведения о себе;
- автор подтверждает, что его материалы публикуются впервые, не представлены в несколько журналов одновременно, а также не содержат плагиат в какой-либо форме;

- все лица, внесшие значительный вклад в создание статьи, должны быть указаны как соавторы;
- авторы обязаны раскрывать в своих рукописях финансовые или любые другие существующие конфликты интересов, которые могут быть восприняты как оказавшие влияние на результаты или выводы, представленные в работе;
- авторы имеют право использовать материалы журнала в их последующих публикациях при условии, что будет сделана ссылка на публикацию в «Вестнике ИвГУ».

Для редколлегии:

- журнал не сотрудничает с посредническими организациями и работает напрямую с авторами. В работе с ними редколлегия соблюдает принципы корпоративной этики;
- редакция журнала оценивает интеллектуальное содержание рукописей вне зависимости от расы, пола, гендерной идентичности, сексуальной ориентации, религиозных взглядов, происхождения, гражданства или политических предпочтений авторов;
- неопубликованные данные, полученные из представленных к рассмотрению рукописей, не могут быть использованы членами редколлегии в личных исследованиях без письменного согласия автора(ов);
- если публикация статьи повлекла нарушение чьих-либо авторских прав или общепринятых норм научной этики, то редакция журнала вправе изъять опубликованную статью.

Для рецензента:

- рецензент обязан давать объективную оценку, ясно и аргументированно выражать свое мнение, неприемлема персональная критика автора(ов);
- рецензентам следует выявлять значимые опубликованные работы, соответствующие теме и не включенные в библиографию к рукописи. Рецензент должен также обращать внимание главного редактора на обнаружение существенного сходства или совпадения между рассматриваемой рукописью и любой другой опубликованной работой, находящейся в сфере научной компетенции рецензента;
- неопубликованные данные, полученные из представленных к рассмотрению рукописей, рецензент не может использовать в личных исследованиях без письменного согласия автора(ов);
- рецензенты не должны участвовать в рассмотрении рукописей в случае наличия конфликтов интересов вследствие конкурентных, совместных и других взаимодействий и отношений с любым из авторов, компаниями или другими организациями, связанными с представленной работой.

По всем вопросам обращаться в редакцию журнала.

E-mail: vestnik.ivgu@mail.ru

Адрес редакции: 153025, Россия, г. Иваново, ул. Тимирязева, 5, к. 304.

Более подробная информация — на сайте Ивановского государственного университета: http://ivanovo.ac.ru/about_the_university/science/magazines/herald/humanities/index.php

**ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**Серия «Гуманитарные науки»
2021. Вып. 4**

Издается в авторской редакции

директор издательства *Л. В. Михеева*
технический редактор *И. С. Сибирева*
компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 29.12.2021 г.

Формат 70 × 108¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская. Усл. печ. л. 15,9.
Уч.-изд. л. 14,6. Тираж 100 экз. Заказ № 148. Цена свободная

Отпечатано в издательстве «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39 ☎ (4932) 93-43-41

E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Вестник Ивановского государственного университета

Научный журнал

В соответствии с тематикой научных исследований журнал издается в 3 сериях:

- **ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ - 4 ВЫПУСКА**
- **ЕСТЕСТВЕННЫЕ, ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ - 2 ВЫПУСКА (online)**
- **ЭКОНОМИКА - 4 ВЫПУСКА (online)**

Адресован преподавателям,
научным сотрудникам,
студентам вузов

Распространяется по предварительным заявкам и подписке

Освещает результаты
фундаментальных и прикладных исследований,
осуществляемых по гуманитарным, общественным,
естественным и техническим наукам

Журнал основан в 2000 году

Выходит ежеквартально